

✓
1462
04
Проф. Р. Виппер

УЧЕБНИК

ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 г. ПЕТРОГРАД

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ ДЛЯ ТРУДОВОЙ ШКОЛЫ
150

Проф. Р. ВИППЕР

9 (3)
13.51

УЧЕБНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

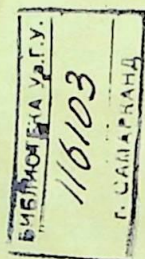
С РИСУНКАМИ и ИСТОРИЧЕСКИМИ КАРТАМИ

Научно-Педагогической Секцией
Государственного Ученого Совета
допущено для школ II ступени

3-ье ИЗДАНИЕ

121—150 тысяч

4/8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА . . . 1924 . . . ПЕТРОГРАД

6260
ГОС. СОВ. ПЕЧАТ.

Каменный век в Европе.

Изучение старины. *Историей* мы называем науку о судьбах рода человеческого на земле. Науке этой легко собрать множество сведений о временах, ближайших к нашему. В обществе образованном заботятся о том, чтобы осталась память о прожитом, ведут записи о событиях и человеческих порядках. Но, чем дальше назад, в прошлые века, тем меньше встретим мы такой заботы, тем меньше записей.

За 3000 лет до нашей поры, т.-е. за 1000 лет до Р. Х., в Европе никто не составлял никаких заметок о событиях или образе жизни своих современников. Если мы хотим узнать что-нибудь об этом времени и о веках, еще более старинных, нам нужно рыться в земле, поднимать засыпанные сверху слои ее, на которых жили люди много тысяч лет назад. Тогда перед нами открываются остатки жилищ и могил, орудий и оружия, утвари, платья, украшений, игрушек старинных людей, наконец, останки их самих и тех животных и растений, которые служили им. По этим следам жизни можно представить себе, какова была природа, окружавшая человека, какое он вел хозяйство, как одевался, как работал и развлекал себя. Науку, изучающую эти остатки, мы называем *археологией* (т.-е. описанием старины).

Пещерные люди. Самые старинные поселения отстоят от нашего времени на многие сотни тысяч лет. Когда-то в Европе был теплый и влажный климат. О людях этой поры мы почти ничего не знаем: в глубоких слоях земли находят груды заостренных камешков, похожих на орудия, но еще не открыли человеческих останков. Позднее громадные льды надолго закрыли больше половины Европы; остатки ледников до сих пор лежат на высоких гребнях Альп.

Когда лед отступил к северу, в наших странах еще несколько тысячелетий стояли холода. В эту пору в Европе водились крупные звери, которые теперь исчезли или стали очень редки: носорог, мамонт, т.-е. слон с густой длинной шерстью и сильно загнутыми клыками, бизон, громадный древний бык, кабан, крупный (так наз. теперь северный) олень, пещерный лев и пещерный медведь.

О дикарях этого времени можно составить себе понятие. В глубоких засыпанных пещерах откапывают их останки, груды осколков, служивших им орудиями, отбросы, по которым видно, что они употребляли в пищу. Жизнь этих людей была окружена опасностями; средства их пропитания были очень скудны. Мужчины выходили на охоту, выстерегали зверя, загоняли и убивали дубиной, колом, острой костью или камнем. Они бросались на свежо убитую дичь, вырезывали кости и жадно высасывали из них теплый мозг. Женщины оставались около жилищ, собирали ягоды, дико растущие плоды и семена, выкапывали из земли коренья. Сами пещеры, где укрывался человек от холода и непогоды, были небезопасны: иногда ему удавалось отбить жилище у зверя, но нередко и сам он должен был уступать место более страшному сопернику. Пещерный человек не знал одежды. От холода он укрывался содранной с животного шкурой; длинные волосы его развеивались по ветру. Свое тело он натирал краской или накалывал на нем рисунки. В жизни его не было постоянства: потребивши дичь в соседнем лесу, он вынужден был бросать жилище и искать нового.

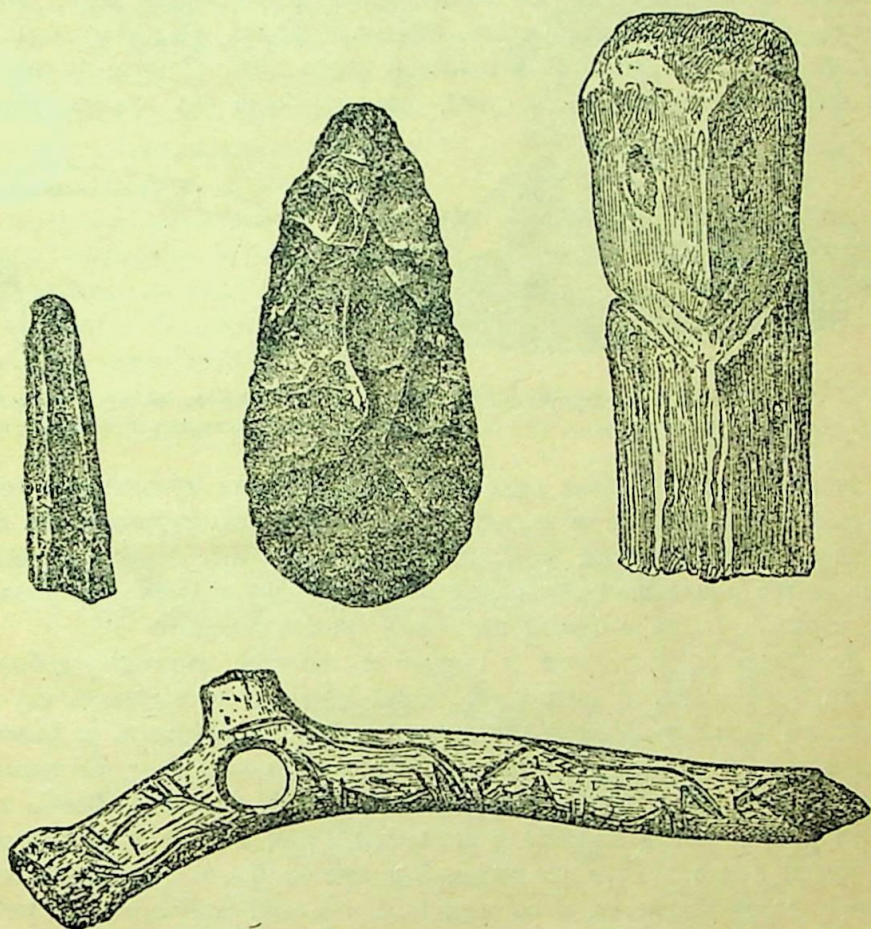
Его великое преимущество перед животными состояло в том, что он знал *огонь*, который умел производить посредством трения сухих кусков дерева. Костер, разведенный в середине пещеры, собирал семью после трудной охоты; около него грелись и проводили ночь; на огне жарили мясо.

Старый каменный век. Долгое время люди применяли дерево, камень, кости, рога и зубы животных в том виде, как находили их в природе. Постепенно они стали обделывать орудия, скоблить, точить и заостривать свой материал. Из камней кремнь особенно хорош своим острым изломом; по его краю, острия и ребра можно при некотором терпении еще лучше заровнять. Если ударять о край кремня другим камнем и отсекал мелкие кусочки, можно получить стрелку, лезвие или клинок: всадив такой обделанный кремнь в трещину палки и подвязав жилкой животного, будешь иметь топор, нож, скребок, пило, бурав. Такими орудиями можно резать мясо животного, сдирать его шкуру, скоблить и прокалывать кожу; продевая в проколы жилу или высушенное волокно растения, человек мог шить себе нарядку.

В таком диком быту прошла жизнь многих поколений. Ученые археологи называли старинные времена *каменным веком* в отличие от позднейшего медного или бронзового, когда люди научились добывать металл. Обделка камня долго была очень грубая, несовершенная. Поэтому археологи отличают еще самый древний, *старый каменный век* (*палеолитический*) от *нового, позднейшего* (*неолитического*).

Человек старого каменного века выказал одну удивительную способность. На костях и рогах, которые служили ему орудиями, на скалах и

внутренних стенах пещер он чертил каким-нибудь острием рисунки, большею частью изображения животных: мамонта, оленя, бизона, дикой лошади. Контур он обводил черной краской, середину заполнял красноватой, желтой или серой. Эти рисунки показывают наблюдательность и верный глаз. Вот два оленя угрожающе наставили рога друг на друга; вот бешеный бизон оцетвил шерсть и выгнул свою огромную горбатую

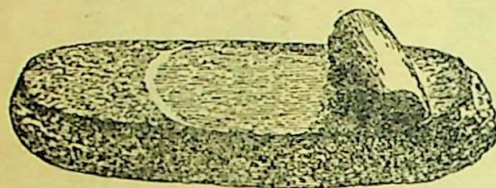

Орудия старого каменного века: скребок, клинок топора; голова человека, вырезанная из оленьего рога; просверленный олений рог с изображением на нем лошадей.

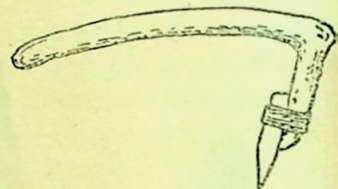
спячу. Или еще: из кости, из клыка мамонта, из камня вырезана фигура человека, ржущей дикой лошади, присевших к земле оленей. В этих рисунках и фигурах—начало человеческого искусства Оно не служило какой-либо пользе: дикарь забавлялся, развлекал себя, красил, чем мог,

свою скучную жизнь; приметливый и смелый охотник изображал то, что стояло перед его глазами.

Начало скотоводства и обработки земли. По прошествии тысячелетий климат в Европе опять переменился. Стало несколько теплее и сырее. Исчезли многие породы крупных зверей, мамонт, пещерный медведь, древний большой бык, и размножились животные, свойственные нашему времени. Люди стали жить на открытых местах, в долинах рек, богатых растительностью, на окраинах лесов, на берегу моря. Они не бродили более, разыскивая места, обильные дичью. Они старались сесть прочнее и сделать запасы на голодное время года. С этою целью человек начал загонять зверей и птиц, которые были ему нужны, держать

Ручная мельница для растирания зерна.

Мотыга из острого камня, привязанного к загнутой палке.

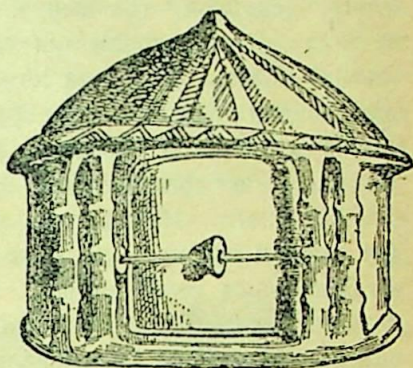
их за изгородями, а иных стал приручать. Первая приручилась собака, которая сама пристала к человеку и сделалась его товарищем на охоте. Позднее приручили овец, коз, свиней. Прирученные животные вначале были мелки и плохи; их большею частью держали лишь для убоя. Таким образом, рядом с охотой появилось *скотоводство*.

Двинулось вперед также и старинное женское занятие — добывание растительной пищи. Вместо того, чтобы ходить и разыскивать случайно выросшие травы и корни, женщины стали пересаживать и разводить вблизи дома те породы, от которых более всего питались: плодовые деревья, а особенно хлебные злаки, ячмень, просо, пшеницу. Чтобы злаки лучше росли, землю взрыхляли *мотыкой*, т.е. палкой с загнутым назад краем или с крюком на конце. Это еще не было земледелие; вернее назвать такое хозяйство, в котором не применяли животных для работы, *огородным*. Вначале не умели печь хлеб. Зерно либо поджаривали или размягчали на ручной мельнице, состоявшей из двух камней, одного над другим, и варили эту плохо растертую муку. В знак того, что труд добывания пищи разделен, в могилу мужчин клали охотничьи клинки; с женщиной хоронили ее мельницу.

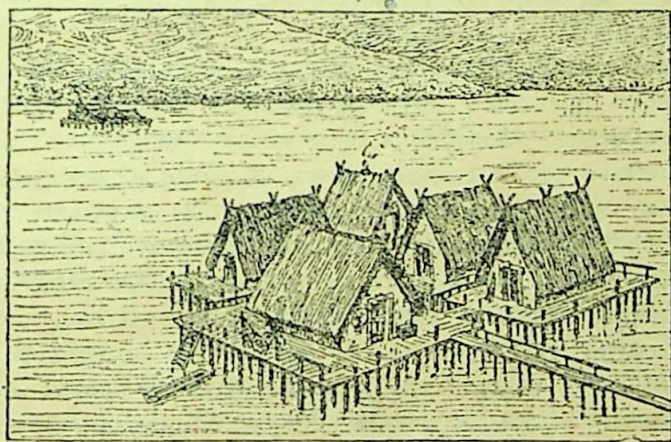
Свайные постройки. Скотоводы и огородники уже не искали случайного притона в скалах и на деревьях. Они стали строить дома на

подобие тех убежищ, какие находили в природе. Или складывали сами из крупных камней пещеру, или выкапывали яму, землянку, и ставили над нею круглую крышу из плотно переплетенных веток и хвороста. Или, наконец, строили деревянную избу на сваях среди воды, озер и болот. Один вид построек показывает, как далеко эти люди ушли от пещерных жителей.

В дно, недалеко от берега, вбивали сваи; их концы выше воды соединяли поперечными брусками и на них настилали помост из балок; этот неровный пол покрывали глиной, песком и булыжником, а на нем ставили несколько хижин. Свайную деревушку соединяли с берегом лавы или плотника, но так, что их легко было разнять. Человек мог также выехать из своего жилья на однодеревке, т. е. лодке, выдолбленной из обрубка большого ствола. Жилища среди воды служили хорошим убежищем от дикого зверя; другая вы-

Сосуд для хранения праха, имеющий вид старинной хижинки.

Вид свайных построек на озере.

года была в том, что тут же, под рукой, можно было делать большие уловы рыбы. На берегу озер против свайных деревень лежали леса и пастбища, в которых жители охотились и пасли свой скот, а среди обширных зарослей тянулись узкие полоски их огородов и полей.

Не везде встречаются значительные озера; если, однако же, люди селились в таких местностях, где не было большой воды, они повторяли привычный способ постройки. Так появились свайные деревни на земле: их выстраивали близко к реке, где она могла заливать берег, или на лесных полянках, где вырублены были деревья. Деревню, построенную на земле, огораживали для защиты рвом и валом; вал делали из косо накрест вбитых свай, на которые наваливали землю; внутри к насыпи приставляли еще длинные бруски; промежутки между ними наполняли глиной и связками хвороста, а сверху делали накат из песка и камня. Выходила четырехугольная крепость, обращенная боками к четырем странам света. Избушки на помостах были небольшие, в полторы или две сажени ширины, из прямых балок, перевитых сучьями и хворостом и обмазанных серой глиной. Печей и труб не было; попрежнему среди жилья зажигали костер; дым от него выходил в отверстие, сделанное наверху или сбоку. Жилище разделялось на две половины; в одной держали скот, в другой — жили люди; здесь, посредине, делалась каменная настилка для костра.

Сырой и грязной показалась бы нам теперь свайная деревня. Кругом везде стояла вода; всякие остатки, сор бросали просто вниз с помоста. Из всех этих отбросов собирались огромные кучи, которые поднимались до самого полу. Легко могла и сгореть такая тесная хворостяная деревня; тогда на старой куче, смешавшейся с золой, укрепляли опять сваи и выстраивали новую деревню.

Новый каменный век. Рубка деревьев, обтесывание больших брусков требовали очень крепких и крупных орудий. Люди свайных построек с большим искусством обсекали и обтачивали камни; они просверливали каменные топоры, чтобы всадить в них рукоятки из кости, рога, дерева, выдалбливали кругом молотков бороздки, чтобы подвязать к ним ручки животной жилой или волокнистой травой, клинки были нередко гладко отполированы. Теперь имелись самые разнообразные виды инструментов и оружия: пилки, кинжалы, стрелы, копыя, веретена и т. д.

Приготовление орудий истройка обратились в трудное правильное занятие, в *ремесло*, которое требовало особенной сноровки и силы; этими работами заняты были мужчины. Местами открывают теперь следы мастерских, где работало вместе много каменотесов, токарей и оружейников. Им нужны были большие запасы свежего материала. Лучший кремнь лежит внизу, под землей; поэтому для добывания его рыли глубокие колодцы или шахты. Наряду с мужскими ремеслами появились женские. Женщины плели корзины из тростника и тонких веток. Плутушку нельзя прямо поставить на огонь; но если ее обмазать слоем вязкой глины, то в ней можно сварить еду и даже не пролить кипятку;

вместе с тем глина высохнет и затвердеет. Такой вид имела первая посуда, которую стали готовить женщины; потом оне увидали, что плетущка внутри не нужна, и начали складывать горшки, кувшины, миски и т. д. из одних глиняных комьев или слоев; их высушивали затем на солнце. Еще на другое ремесло натолкнуло женщин их знакомство с растениями. Они заметили волокнистость стебли льна и конопли, научились добывать пряжу, тянуть нитки и вертеть веревки, наконец, готовить ткани. В избе появились прялка и прямой станок, на котором женщины ткали холст.

Орудия нового каменного века: палка, острей конья, обтесанные топоры.

Люди нового каменного века одевались в длинную рубашку с рукавами и подпоясывали ее; сверху набрасывали еще плащ; как мужчины, так, в особенности, женщины украшали шею, руки, ноги, головную прическу ожерельями, браслетами, иглами и кольцами из цветных полированных камешков, зубов, раковин и т. п. Ремесленники нового каменного века местами готовили так много орудий и посуды, что излишек начали сбывать на сторону. Караваны торговцев потянулись вдоль рек, по горным тропинкам и проходам; изделия несли на плечах, везли на тачках, навьючивали на верблюдов и лошадей, грузили в лодки. Торговля заносила товар очень далеко от мастера. В свою очередь издали привозили красивые породы камней, служившие материалом для выделки.

Начало земледелия и бронзового века. Заметив, что хлеб растет лучше, если глубже вскопать землю, люди увеличили мотыку, сделали крепче крюк и удлиннили ручку: получился плуг. Плуг надо тащить, не останавливаясь, через все поле; вместо короткой грядки получится длинная борозда. Сначала пахари сами тащили плуг. Потом стали впрягать

спереди сильного вола, а человек стал позади, чтобы направлять плуг по прямой линии и, надавливая на него, углублять борозду. Этот способ работы с сильным орудием и с рабочим животным уже есть наше земледелие. Не скоро укротили быка; но раз его одолел человек, на быке стали перевозить тяжести, впрягать животное в телегу. Для той же цели позднее захватили быструю лошадь. Эти работы, примыкавшие к ловле животных и паствушеству, большею частью были не по силам женщин, которым в старину принадлежала обработка земли в огородах.

Вместе с земледелием двинулось вперед и скотоводство. Еще новый предмет пищи открыл человек. У дикой телки молока едва хватало на теленка; в неволе от улучшенного корма стал получаться излишек молока, который люди брали себе. Память об этом нововведении сохранилась надолго: молоко осталось праздничной пищей, которую делили с божеством, выливая ему часть на землю. Новое применение нашли и мелкому скоту, овцам и козам: с лучших пород начали стричь шерсть и готовить из животного волоса прочные и красивые ткани. Во всем обиходе человека произошла большая перемена, и он сознавал, как много нового богатства принесло приручение животных. Во многих местах поэтому стали чтить быка, или тельца, как божью силу, представляя себе, что божество вселяется в это могучее и благодетельное животное.

То же, что с животными, удалось сделать и с некоторыми дикими растениями: перенесши их из лесу или степи к себе за ограду, выпалывая на грядках сорные травы, прививая ветки хороших кустов к худшим, человек улучшил их породу. Из привитых растений самыми важными сделались виноград и оливка.

В больших хозяйствах стали нужны загоны для скота, амбары для хлеба, кладовые для плодов и овощей. Каменные орудия были слишком малы и ломки для новых работ. Нужно было найти очень прочный материал, чтобы готовить из него большие крепкие лезвия для плугов, тяжелые топоры и молоты, большие заступы. Таким материалом оказались металлы. Редко металлы попадаются в виде самородков; обыкновенно они смешаны в руде с другими породами камней и земли. Нужно большое умение, чтобы различить руду, выплавить металл из смеси и придать ему разные формы; для этого необходимо применять огонь.

Легче всего дается в плавку медь. Но медь слишком мягка; медное острие или лезвие скоро загибается и тупеет. Поэтому к меди для твердости стали прибавлять олово; эта смесь — бронза. Для приговления бронзовых вещей надо было либо сделать форму из камня или глины и вливать в нее расплавленный металл, или бить металлические полосы молотом и придавать им вид лезвий, гвоздей, проволоки, тонких листов и т. д.

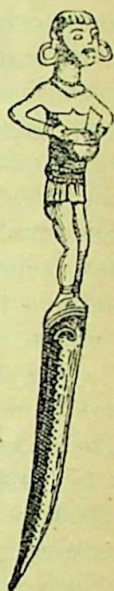
Возникли большие мастерские металлической выделки; до сих пор в некоторых местах видны следы старинных больших кузниц. Они находились вблизи тех мест, где добывали руду. Если народ переходил на другое поселение, кузнецы и литейщики оставались на старом месте; им приходилось работать уже на чужих людей. В качестве иноплеменников кузнецы у одних народов были в презрении; другие, напротив, высоко чтили их, считали вещными людьми, так как их тяжелое дело казалось в то же время хитрым и таинственным.

Вместе с изделиями из металла появился особый вид роскоши и богатства. Блестящие, гладкие и звонкие, желтые, белые и красноватые вещи из металлов очень нравились людям; за ними жадно все тянулись. Лучшим украшением считали браслеты, ожерелья, наручники, кольца, серьги, застежки из бронзы, золота и серебра. Металлическими полосами стали обивать верхи домов и внутренних стен, пороги и косяки дверей. Покойникам клали на лица маски из тонких золотых листов. Кто хотел похвастать, говорил, что у него дома много всякого металла.

Мы не знаем ни того, когда начался каменный век, ни того, сколько времени он продолжался. Что же касается начала применения металлов в Европе, то его определяют около 3000 года до Р. X.

Союзы людей. Пещерные люди жили вразброд, одиночными семьями. Лишь для крупной охоты на время собирались они небольшими отрядами, по несколько десятков человек. Люди нового каменного века жили более крупными обществами и поселками. Скотоводы составляли *лагери*; когда истощался корм в округе, весь лагерь передвигался вместе. Земледельцы строились сплоченной деревней и составляли *общину*, разделяя между собою поляну, окруженную лесом, или часть речной долины. Каждая семья составляла особый мирок: пока жив и силен был старик-отец, его взрослые женатые сыновья не расходились, признавая его *владыкой дома*. Когда для целого лагеря или общины возникал какой-нибудь важный вопрос, владыки домов или старейшины сходились на *совет*.

Скотоводы, суровые и задорные, нередко поднимали ссоры с соседями, делали набеги, чтобы отобрать у соседей добычу. Земледельцы были мягче нравом и боялись войны, во время которой растаптывались поля и огороды, и погибал труд многих лет. Одним для нападения, другим для защиты нужно было соединиться в союзы, собирать вместе сильных людей из нескольких лагерей и нескольких деревень. Все, вступавшие в союз,

Бронзовый
ножик.

выбирали *вождем* на время набега или обороны какого-либо человека, известного силой и ловкостью. Его слушались только во время боя; когда потом расходились опять по домам, бывший вождь становится обыкновенным обывателем, и опять силу получали старейшины, каждый в своей семье.

Союзы людей новокаменного века были не велики сравнительно с государствами и даже областями нашего времени. И эти союзы, и странствования ремесленников, и торговые поездки сближали людей разных местностей, заставляли их объясняться друг с другом на *общем языке*. Люди одинакового говора и сходных обычаев, сознавая свою близость, причисляли себя к одному *племени*. В мирное время племя не подчинялось общему приказу. Каждая деревня вела свою замкнутую жизнь. Если поднимался между соседями спор, или один человек наносил другому обиду, поссорившиеся могли рассчитывать только на собственные силы; каждый оборонялся против обидчика или соперника, как мог: собирал своих близких, метил, старался нанести вред врагу. Но иногда обращались к *суду* мирного посредника, какого-нибудь умного старика или человека, которого считали вещим.

Там, где часто приходилось вести войну, возникали тесные *братства* между людьми молодыми и сильными, от 18 до 30 лет приблизительно. Свое соединение они скрепляли каким-нибудь таинственным обрядом, напр., выпускали каждый у себя несколько капель крови и смешивали в одной ямке: после этого они считались братьями. Прежде, чем принять в свою среду подраставших юношей, члены братства подвергали их тяжелым испытаниям: отправляли в одиночку на опасную охоту, привязывали к дереву и осыпали стрелами и т. п. Если среди ударов и града насмешек юноши выказывали мужество, их признавали достойными вступить в братство. Названные братья большею частью покидали свои семьи и отдельные жилища и жили всем товариществом вместе, в одном большом *мужском доме*. Это была большая палата, служившая общей спальней и трапезной, окруженная навесом и нередко укрепленная; в ней хранилось и оружие. Отдельный член союза во всем должен был подчиняться общему желанию товарищей; часто, напр., он не смел жениться и заводить семью, пока оставался в братстве.

У братства, или дружины, был обыкновенно свой выборный начальник. Иногда способный, предприимчивый атаман привлекал много новых людей в дружину; после удачных набегов у него с товарищами накоплялась большая добыча. Молва о нем проходила по всей стране. Его старались задобрить; отовсюду посылали ему поклоны и подарки. Он мог увлечь за собою целое племя, если, напр., скудевала пища в округе. Тогда поднималось сильное возбуждение: множество семей с женами и детьми

снимались с места, собирали свой скarb на телеги и пускались в путь за могучим вождем: происходило *переселение* народа. Сам он становился *князем, ханом или царем*, т.-е. постоянным властителем, высоко поднимавшимся над остальными людьми.

Старинные верования и обряды. Древнейшие люди хоронили умерших около своих очагов в пещерах и, вероятно, скоро забывали о них. Могилы нового каменного века занимают особые места отдельно от дома и выложены очень тщательно. Скелет похороненного нередко находится в сидячем положении с пригнутыми к подбородку коленями; кругом положены в порядке различные вещи. Видно, что у хоронивших были определенные представления о жизни за гробом.

Явление смерти всего сильнее поражало людей. Оно наводило их на следующие мысли. Человек, которого постигла смерть, еще недавно двигался, говорил, ел, трудился. Теперь его тело неподвижно лежит и охладело. „Он ушел“,—говорил себе близкий: осталось только жилище, в котором он жил. Но в чертах мертвого сохранилось сходство с живым. Из этого выводили, что ушедший был *двойником* того существа, которое осталось теперь неподвижным телом. При жизни двойник был внутри тела; от него шло теплое дыхание, он был „дух“. Поэтому думали, что двойник, или дух, похож на пар и, как пар или ветер, легко улетает.

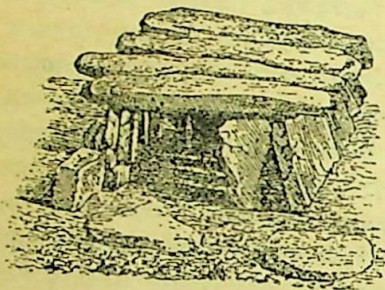
При наступлении смерти дух или душа совсем уходит из тела. Во время сна дух покидает тело временно: сновидение—это то, что он видит в своем скитании, пока тело лежит неподвижно на месте. Дух может уходить от тела, но без тела жить не может. Потеряв свое прежнее тело, он ищет другого. Из человека он может перейти в зверя, птицу. Беда ему, если нет приюта, если он должен долго скитаться. Но беда тогда и близким людям умершего: он будет их мучить, душить по ночам, пугать во сне, во время бури, быть ветром над домом и т. д. Поэтому надо или избавиться от него, т.-е. запереть ему вход назад в дом, отогнав его шумными криками или хитрым обманом, или надо о нем позаботиться, успокоить его, т.-е. дать ему снова жить в прежнем теле. Для этого следует хорошо сохранить тело в земле или под сводами крепких камней. Но там умершему надо дать все, что требуется человеку в обыкновенной жизни, положить туда орудия, платья, украшения; надо время от времени делиться с душой умершего пищей и питьем, т.-е. либо носить их на могилу, выкладывать и выливать там, либо в особые дни отделять часть из домашней еды, выставлять наружу и вспоминать умершего за столом. Умершего кладут в согнутом положении, в каком бывает рождающийся младенец, потому что верят, что он снова родится.

Духи и божества. Если умерший был сильный человек, наприм., владыка большой семьи или вождь, то дух его после смерти получал

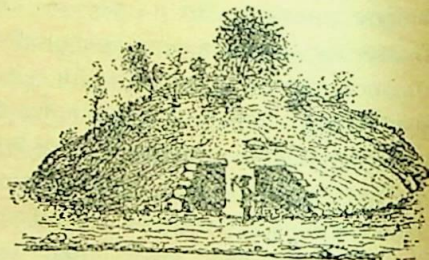
особый почет. Его боялись теперь еще больше, чем прежде: он мог теперь невидимо перелетать; всякую беду приписывали его гневу. Вера эта до сих пор сохранилась в понятии о беспокойном „домовом“, который живет в трубе или под порогом дома.

Думали также, что дух можно привлечь и усадить в высокий каменный столб, поставленный на могиле или на перекрестке. Для могучих духов строили целый *каменный дом*: они должны жить гораздо дольше, чем живые люди; следовательно, им нужно и очень прочное вечное жилище.

Из громадных камней, придвинутых плотно, стоямя друг к другу, складывали большую комнату, гораздо крупнее жилой избы; одна из каменных комнат, открытая в наше время в Испании, длиною почти 12 сажен, шириною в три сажени. Сверху клали крышу из тяжелых камней; к двери вел длинный ход, сложенный из камней поменьше, по кото-

Могильная галерея из больших камней.

Холм над каменной могилой.

рому можно было пробираться только ползком. Такие большие каменные могилы часто засыпаны землей, которая поднимается над ними курганом. Подножие холма бывает обложено кругом камнями. Встречаются также правильные круги из громадных священных камней и целые поля, уставленные рядами и аллеями каменных столбов и глыб. Сооружения из крупных камней (*мегалитические*) встречаются в Крыму, на Кавказе, в Испании, Италии и Греции, но более всего их сохранилось в Бретани, т.-е. северо-западной Франции, и лежащей против нее югозападной Англии. Они носят названия, которые получили в Бретани: *менхир* зовется большой столб, *дольмен* — крытая камера, *кромлех* — круг из каменных глыб.

Люди верили, что кругом них летает много духов. Эти духи вышли не только из людей. Все живое человек представлял себе похожим на него. Духи живут в животных, особенно в тех, которые кажутся человеку таинственными, напр., в змеях. Но духи живут также в деревьях, в ручьях, реках и даже в камнях. Эти духи то добры, то злы к человеку, то помогают ему найти что-нибудь, напр., преследуемую дичь, тропинку в лесу,

потерянную вещь; то они мешают ему, напр., сбивают его с дороги ломают брошенную в зверя стрелу; тащат человека в омут, когда он тонет, и т. д. Болезнь объясняли тем, что злой или беспокойный дух вселился в человека.

Между духами есть более сильные, *божества*. Милость божества люди старались приобрести каким-нибудь лишением или мучением, наприм., отказом от более вкусной еды и даже полным отречением от пищи на несколько дней или нанесением себе ран. Ему отдавали в *жертву*, т.-е. на с'едение, самое лучшее, что имели, крепкого быка или только-что родившегося телянка. Кровь зарезанного животного, вылитая на землю, отдавалась духу. Думали, что, если дух выпьет теплой крови, т.-е. того, в чем он прежде жил, он опять оживет, получит силу, чтобы говорить и открыться живым людям. Когда на людей нападал очень большой страх, они готовы были отдать духу кровь человеческую, убить для него пленника или даже близкого родственника, наприм., отец убивал своего ребенка.

Гадатели. Не всякий умел отгонять духов и выманывать их изнутри человека, чтобы вылечить его. Когда случалась беда, наприм., начинал падать скот или заболел человек, звали ведуна, знахаря: он тряс больного, чтобы вытряхнуть духа, давал ему особое питье, произносил страшные или таинственные слова, которых боится дух, или которые, напротив, ему нравятся. Когда стояла засуха, гадателя звали „сделать дождь“, при- манить дух, живущий в туче.

Если не видно было, где сидит дух, или было непонятно, что ему нужно, знахарь начинал гадать: бросал камешки и палочки и смотрел, как они ложатся; резал животное и глядел на его внутренности,—все это для него были знаки, которые он один умел толковать. Или знахарь сам звал в себя духа: оглушал себя звоном и треском бубна, бешено скакал, вертелся до головокружения, падал изнеможенный и кричал в беспамятстве; его крики считались вещью речью самого духа. Таким способом можно было узнать, какую жертву следует принести, чтобы ублажить духа, можно было узнать имя своего тайного врага или того вора, который увел лошадь, и т. д.

Ведуном бывал нередко очень умный, даровитый человек: слагатель песен, знаток трав и цветов; его особенный ум окружающие принимали за внушение духа. Вещий человек мог показать путь, вдохновить в битве; он иногда шел предводителем. Часто гадал сам глава дома, отец: он звал домашнего духа или духа, ближнего по месту. Верили, что у костра, который горит в каждом доме, живет дух-покровитель этого дома. Поэтому очаг был святым местом. Чтобы не потерять помощи духа, человек старался сохранить на очаге неугасимый огонь.

II.

Большие державы старинного Востока.

Речные равнины на Востоке. В то время, как европейцы среди суровой природы жили бедно и медленно поднимались над правами дикарей, два народа, в северо-восточной Африке и западной Азии, *египтяне и вавилоняне*, достигли большого богатства, искусства в работе и образованности.

Природа в этих странах совершенно иная, чем в Европе. Здесь нет дремучих лесов, через которые так трудно было пробиваться европейцам. Круглый год стоит тепло; летом оно доходит до раскаленной жары; зимой не опускается ниже, чем в нашем апреле и мае; эту зиму проводят в Египте перелетные птицы, которые возвращаются весною к нам. Человеку нет нужды думать о тяжелой одежде для защиты от холода, заготавливать топливо для согревания дома. Он освобожден от многих забот и защищен от многих тяжелых случайностей, которые так затрудняли жизнь старинному европейцу. Он скорее может добыть пропитание. Он может вообще жить легче, безопаснее, отдавать досуг на украшение жизни, на размышление об окружающем.

Большой пояс бездождных пустынь, протянувшийся по северной Африке и середине Азии, прерывается узким Аравийским заливом; по обе стороны его находятся долины двух больших рек—Нила и Евфрата. Начинаясь на высоких горах, среди снегов и высоких озер, обе реки несут весной много воды и, вступая в низкие равнины, широко разливаются. Эти разливы заменяют редкие дожди; иначе долины рек стали бы похожи на окружающие их пустыни. Но, помимо того, от рек каждый год остаются наносы, из которых составилась жирный плодородный слой земли. Хлебные злаки приносят здесь громадный урожай. Зерно пшеницы дает 200—300 зерен. Поэтому на небольшом пространстве могло прокормиться несравненно больше народу, чем в лесных странах Европы.

Египет. Долина Нила и в настоящее время представляет ту же картину человеческого поселения, что 4—5 тыс. лет тому назад. Между двумя цепями возвышенностей тянется узкая ровная полоса длиною в 700, шириною от 8 до 15 верст, и только у моря, где Нил разделяется на несколько рукавов, равнина расходится на 200—250 верст ширины (край, охваченный рукавами Нила, называется Дельтой, по сходству с греческой буквой Δ). Это и есть весь населенный Египет, „черная земля“, как говорили египтяне: его площадь меньше маленькой Бельгии, тогда как вся

остальная страна, причисляемая к Египту, вдвое более Франции; по этой остальной стране—камень и песок, „красная земля“: поселений в ней нет. Зато в нильской долине с ее плодородной наносной землей народа скопилось больше, чем в самой густонаселенной стране современной Европы: непрерывно тянутся по реке города и поселки.

Разливы Нила. Вся эта полоса жива только от ежегодных наводнений Нила. Ко времени начала нашего лета в Египте все замирает в сухом и раскаленном воздухе; листва покрыта серой пылью, нанесенной ветром пустыни. Нил лениво течет между засохших бугров черной грязи. С июня вода начинает прибывать. Цвет ее меняется. Лазурный Нил становится кроваво-красным: эту окраску река получает от наноса, который она увлекает с собой. Могучий поток разбивает одну за другой преграды на пути, переливается через бугры, отрывает комья от земли и широко раздается по всей долине: старинные египтяне звали реку в эту пору наводнения морем. Среди реки начинается яркая и шумная жизнь; Нил покрывается богатой зарослью тростников, травы и цветов; прилетает множество водяной птицы; заводи обильно наполняются рыбой. Города и деревни, выстроенные на возвышениях, стоят островками в этом море: только кое-где дорогами служат широкие плотины; все другие сношения совершаются на лодках.

Около начала сентября вода стоит всего выше, потом она начинает падать, и к ноябрю Нил—опять в своих обычных берегах; население пашет и засеивает поля в течение следующих 3—4 месяцев умеренной погоды, приходящихся на время нашей зимы; надо спешить, чтобы не быть захваченным засухой, которая наступает к поре нашей весны. Тотчас, вслед за уходом воды, выгоняют на поля баранов и свиней, чтобы втоптать зерна в мягкую землю. Так в Египте ясно обозначены три времени года; они зависят от тех перемен, которые Нил своими наводнениями совершает в жизни страны и людей. Причины благодетельных наводнений древние египтяне не знали; это было для них чудо. Но они понимали, что Нил—источник всего их существования. Река была для них богом, к которому они возносили молитвы: „слава тебе, Нил, приходящему в мире, чтобы дать жизнь Египту... твои волны разливаются по садам, которые создало солнце; ты утоляешь все, что жаждет, небесной влагой; когда ты спустишься на землю, бог ее подает зерно, и закидают работы в мастерских. Ты—творец пшеницы и ячменя; тобою держатся храмы. Когда твои руки утомляются от труда, или ты страдаешь, все живое, боги и люди, гибнут; стада стонут; вся страна, все великие и малые мучатся. Когда же молитвы услышаны тобою, и ты приходишь, земля начинает играть от радости, все смеется... Ты даешь всякому счастье по его желанию и никогда не отказываешь. Ты—царь, и приказы твои расходятся по всей земле“.

Как ни велики благодеяния реки, нужна сложная и упорная работа людей, чтобы ими воспользоваться. Если оставить воде полный простор, она образует в низких местах озера и болота, застоит и не даст вовремя засеять почву; в места более высокие она не дойдет вовсе. Издавна египтяне умели равномерно направлять и расходовать драгоценную влагу от разлива своей единственной великой реки. Под прямым углом к реке они провели широкие каналы, к которым примыкали другие, простиравшиеся вдоль реки; этим способом были устроены как бы новые русла по всей долине. Когда Нил подымался, его воды быстро вливались в поперечные широкие дороги; для того, чтобы вода не переливалась через края, на поворотах и вдоль каналов берега были укреплены и приподняты плотинами. Таким образом доводили воду до отдаленных краев долины. Вся плодородная страна Египта была разделена плотинами на большие бассейны. Разные плотины, впуская воду в бассейн и загромождали ей выход, дожидаясь, пока почва не пропитается влагой и наносом.

Разделение богатства и труда в древнем Египте. За 5000 лет до Рождества Христова у египтян уже были выстроены каналы и плотины; они умели вычислять точно по восхождению яркой звезды Сириус начало наводнения. Раньше, чем европейцы, они стали добывать медь и готовить бронзу. В исполнении работ из камня они достигли величайшего мастерства: из гранита, базальта и других крепких пород, которые встречаются в самом Египте, строили большие жилища богам и земным вождям, покрывали стены яркими рисунками, изображавшими жизнь народа; вырезывали из дерева и высекали из камня фигуры богов и людей; готовили тонкие ткани из льна и раскрашивали их пестрыми узорами. В это время они умели также писать; рядом с рисунками помещаются подробные рассказы о событиях, описание стран и путешествий, хозяйственные счета, обращение к богам, молитвы об умерших и т. д.

Когда появится такой сложный и разнообразный труд, среди людей уже не может сохраниться старинное равенство. Прежде все одинаково умели ходить на охоту, копать землю, готовить незатейливые орудия. Теперь в каждом деле выступили особые мастера, которые всю жизнь отдавали одному ремеслу и искусству, отстраняясь от других занятий; каменщик и скульптор уходили навсегда от деревенской полевой работы и работали непрерывно в *городах*, т.-е. в крупных поселках, где около большого храма или при дворе вождя скоплялось множество людей: писец отвыкал от всякой грубой ручной работы и т. д. Занятия эти переходили от отца к сыну, и различие между людьми все более закреплялось.

Помимо разницы в занятиях, получилось различие в имущественном состоянии людей. Когда жизнь бедна, запасов мало, и всякой семье при-

ходится добывать на завтра пропитание, достатки у людей почти одинаковы. Иное дело, когда появится излишек. Кто осмотрительнее и смелее, у кого в семье больше сильных членов, тот неизбежно захватит и сбережет себе больше, такой человек или такая семья заставят еще и других работать на себя и, обогатившись сами, удержат этих других в бедности и зависимости от себя.

По картинам, которые нарисованы внутри могильных камер богатых людей, можно судить об их быте. Вот идут крестьяне и крестьянки на главный двор, нагруженные корзинками с хлебом, плодами, овощами, вином, холстом, ведут ягнят; слуги, вооруженные палками, приводят деревенских старост, которые должны ответить за земледельцев, несправных во взносе оброка; писцы сидят за конторками, проверяют приписанные запасы, записывают доход и недонмки; батраки и пастухи, выстроенные в отряды, проходят с флагами перед господином. Богатый помещик старался прочно обеспечивать себе труд и службу бедного крестьянина или рабочего; он требовал, чтобы более слабые отдались ему в опеку, признали себя „его людьми“, крепостными, постоянно обязанными отдавать ему часть своего дохода и прибыли; он становился *владыкой* всей округи, захватывал часть нильской долины.

Помимо того, разбогатели и приобрели почет люди, служившие богам. Старинные гадатели, к которым обращались в тяжелых случаях жизни, были так же бедны, как и те, кто их звал. Иначе стало у людей, которые делали большие запасы, возводили крупные сооружения; они могли больше отдать *жрецам*, которые молились об их благополучии и узнавали волю богов. Богам отводились большие поместья с дворцами посредине, со всеми службами, полями, садами, озерами, стадами и рабочими людьми; им приносили зерно, плоды, живность, тонкие ткани, красивую утварь и т. д.; драгоценности и разные товары складывались в амбары и магазины. Жрецы, управлявшие этими поместьями, кормились вместе с богами: считалось, что ежедневные мелкие заботы не должны отвлекать их от служения богу. Гадания, предсказания будущего, служба в храме — все это стало делом очень сложным; составила́ся целая жреческая наука: для того, чтобы усвоить ее, надо было много учиться. Жрецы должны были вести особый образ жизни: поститься перед гаданиями, не есть вообще „нечистого“, т. е. неугодных богу животных, воздерживаться от грубой работы и т. д.

Особенно выдавались ученые жрецы *Мемфиса* (развалины близ нынешнего Каира) и *Гелиополя* (на правом рукаве Нила в начале Дельты). Мемфис расположен по левую сторону Нила; с правой стороны реки против города — горный кряж, где ломали крепкий камень для больших зданий. Мемфийские жрецы управляли каменоломнями, учили ма-

Как ни велики благодеяния реки, нужна сложная и упорная работа людей, чтобы ими воспользоваться. Если оставить воде полный простор, она образует в низких местах озера и болота, застоит и не даст во время засеять почву; в места более высокие она не дойдет вовсе. Издавна египтяне умели равномерно направлять и расходовать драгоценную влагу от разлива своей единственной великой реки. Под прямым углом к реке они провели широкие каналы, к которым примыкали другие, простиравшиеся вдоль реки; этим способом были устроены как бы новые русла по всей долине. Когда Нил подымался, его воды быстро вливались в поперечные широкие дороги; для того, чтобы вода не переливалась через края, на поворотах и вдоль каналов берега были укреплены и приподняты плотинами. Таким образом доводили воду до отдаленных краев долины. Вся плодородная страна Египта была разделена плотинами на большие бассейны. Разняв плотину, выпускали воду в бассейн и загоразживали ей выход, дожидаясь, пока почва не пропитается влагой и нааносом.

Разделение богатства и труда в древнем Египте. За 5000 лет до рождества Христова у египтян уже были выстроены каналы и плотины; они умели вычислять точно по восхождению яркой звезды Сириус начало наводнения. Раньше, чем европейцы, они стали добывать медь и приготавливать бронзу. В исполнении работ из камня они достигли величайшего мастерства: из гранита, базальта и других крепких пород, которые встречаются в самом Египте, строили большие жилища богам и земным вождям, покрывали стены яркими рисунками, изображавшими жизнь народа; вырезывали из дерева и высекали из камня фигуры богов и людей; готовили тонкие ткани из льна и раскрашивали их пестрыми узорами. В это время они умели также писать; рядом с рисунками помещаются подробные рассказы о событиях, описание стран и путешествий, хозяйственные счета, обращение к богам, молитвы об умерших и т. д.

Когда появится такой сложный и разнообразный труд, среди людей уже не может сохраниться старинное равенство. Прежде все одинаково умели ходить на охоту, копать землю, готовить незатейливые орудия. Теперь в каждом деле выступили особые мастера, которые всю жизнь отдавали одному ремеслу и искусству, отстраняясь от других занятий. Каменщик и скульптор уходили навсегда от деревенской полевой работы и работали непрерывно в *городах*, т.-е. в крупных поселках, где около большого храма или при дворе вождя скоплялось множество людей; писец отвыкал от всякой грубой ручной работы и т. д. Занятия эти переходили от отца к сыну, и различие между людьми все более закреплялось.

Помимо разницы в занятиях, получилось различие в имущественном состоянии людей. Когда жизнь бедна, запасов мало, и всякой семье при

ходятся добывать на завтра пропитание, достатки у людей почти одинаковы. Иное дело, когда появится излишек. Кто осмотрительнее и смелее, у кого в семье больше сильных членов, тот неизбежно захватит и сбережет себе больше, такой человек или такая семья заставят еще и других работать на себя и, обогатившись сами, удержат этих других в бедности и зависимости от себя.

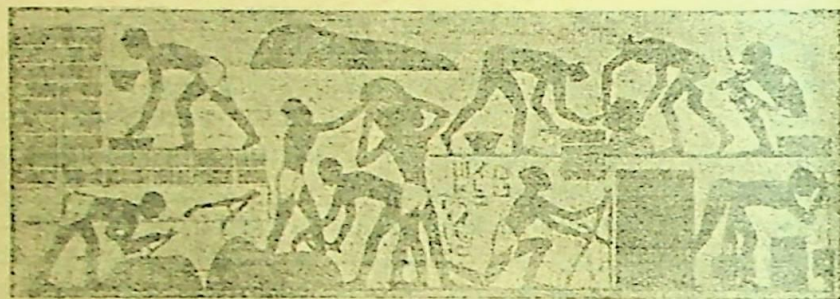
По картинам, которые нарисованы внутри могильных камер богатых людей, можно судить об их быте. Вот идут крестьяне и крестьянки на главный двор, нагруженные корзинками с хлебом, плодами, овощами, вином, холстом, ведут ягнят; слуги, вооруженные палками, приводят деревенских старост, которые должны ответить за земледельцев, несправных во взносе оброка; писцы сидят за конторками, проверяют приписанные запасы, записывают доход и недоимки; батраки и настухи, выстроенные в отряды, проходят с флагами перед господином. Богатый помещик старался прочно обеспечить себе труд и службу бедного крестьянина или рабочего; он требовал, чтобы более слабые отдались ему в опеку, признали себя „его людьми“, крепостными, постоянно обязанными отдавать ему часть своего дохода и прибыли; он становился *владыкой* всей округи, захватывал часть нильской долины.

Помимо того, разбогатели и приобрели почет люди, служившие богам. Старинные гадатели, к которым обращались в тяжелых случаях жизни, были так же бедны, как и те, кто их звал. Иначе стало у людей, которые делали большие запасы, возводили крупные сооружения; они могли больше отдать *жрецам*, которые молились об их благополучии и узнавали волю богов. Богам отводились большие поместья с дворцами посредине, со всеми службами, полями, садами, озерами, стадами и рабочими людьми; им приносили зерно, плоды, живность, тонкие ткани, красивую утварь и т. д.; драгоценности и разные товары складывались в амбары и магазины. Жрецы, управлявшие этими поместьями, кормились вместе с богами: считалось, что ежедневные мелкие заботы не должны отвлекать их от служения богу. Гадания, предсказания будущего, служба в храме— все это стало делом очень сложным; составила целая жреческая наука; для того, чтобы усвоить ее, надо было много учиться. Жрецы должны были вести особый образ жизни: поститься перед гаданиями, не есть вообще „нечистого“, т. е. неугодных богу животных, воздерживаться от грубой работы и т. д.

Особенно выдавались ученые жрецы *Мемфиса* (развалины близ нынешнего Каира) и *Гелиополя* (на правом рукаве Нила в начале Дельты). Мемфис расположен по левую сторону Нила; с правой стороны реки против города—горный кряж, где ломали крепкий камень для больших зданий. Мемфийские жрецы управляли каменоломнями, учили ма-

стерству построек (архитектуре) и проведению каналов с плотинами (инженерному делу). Жрецы Гелиополя (слово это значит „город Солнца“) наблюдали небо и движение светил; были астрономами. Они следили за восходом Сириуса, при первом его появлении на горизонте, в середине нашего июня, давали сигнал начала наводнения; затем они определяли сроки земледельческих работ и устанавливали праздники для всего народа.

Картины, нарисованные египтянами на стенах гробниц, изображают часто тяжелую работу простого люда: как в поле люди пахут на волах или вскапывают землю заступом; как собирают виноград, дают вино и сливают его; как вертят на колесе посуду и обжигают в печи, выдувают бутылки; как женщины ткут материю на глазах надсмотрщиков без отдыха и перерыва; залившегося рабочего на месте бьют палками.

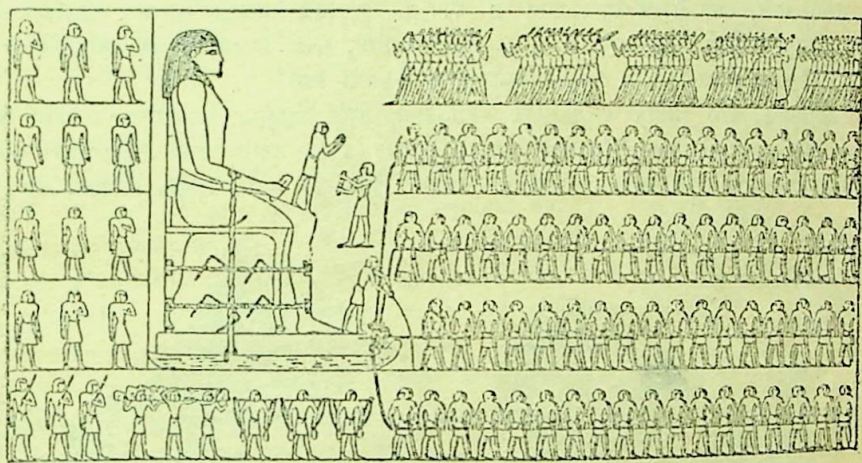

Египетские кирпичники.

Один писец в наставлении сыну своему советует избежать тяжелой ручной работы и изображает мрачными чертами участь рабочего: „медник весь день в работе, а когда наступит ночь, он все еще сидит за ней при свете факела. Башмачник совсем погибает; ему не выйти из нищеты; остается ему только глотать кожи. Погляди на каменщика: онечно недомогает, потому что ему надо работать на ветру, цепляясь за карнизы в виде цветков лотоса; руки его опускаются от усталости; его платье разодрано; этот бедняга шагает изо дня в день по бревнам лесов; едва заработавши себе на хлеб, он идет домой и колотит своих детей. Довольно я посмотрелся этой работы; я везде видел одну жестокость, только жестокость. Поэтому займись книгами, изучи письмо!“

Наставление объясняет дальше, что благородное занятие письмоводством берегает здоровье, дает большую выгоду, ведет во дворец. Обученный письму человек, „писец“, мог в древнем Египте добиться любой должности, смотря по своим способностям: стать жрецом, военным командиром, инженером, архитектором, наместником области, управляющим имением.

Цари мемфийские. Сильный владыка, у которого в распоряжении было большее количество подчиненных людей, составлял из них вооруженный отряд и старался покорить соседние области. Если ему удавалось забрать власть над большой страной, он становился *царем*. Его изображали тогда в особом головном уборе, с булавой (или скипетром) в руке. В Египте составилось два царства: северное в Дельте Нила и южное по Нильской долине. Властитель первого носил красную шапку с султаном, его охраняла богиня в виде змей; правитель второго носил высокий белый шлем, и его покровительницей считалась богиня в образе коршуна. Южные цари старались покорить север, или Нижний Египет; в их пользу было течение Нила: легче спускаться по реке плоты и барки, наполненные воинами, чем подниматься с войском против течения. По

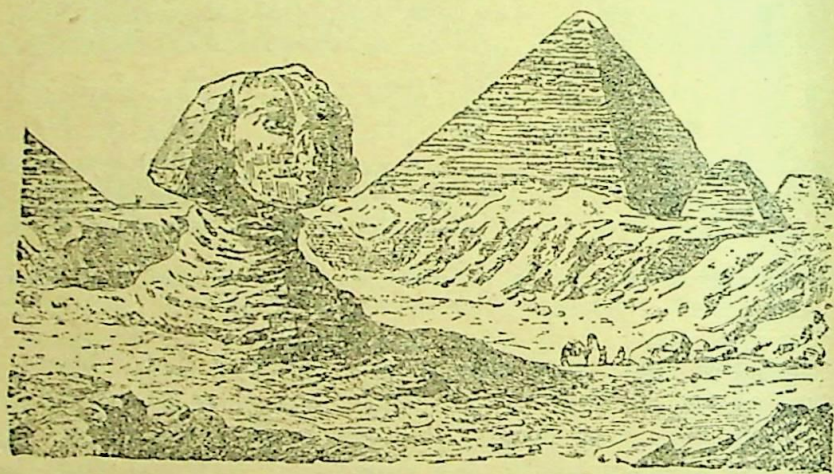
Рабочие перевозят на себе огромную статую (ряды рабочих, нарисованные один над другим, падо представить себе один позади другого).

преданию, имя завоевателя, покорившего северный край, — Менес. Своей столицей он выбрал Мемфис на границе двух стран у выхода Нила в Дельту. Как царь всего Египта, он соединил обе короны и стал носить белокрасную высокую шапку. Все храмы и их богатства, поместья богов, склады зерна, шерсти и других товаров перешли в распоряжение великого царя; он стал назначать для управления ими своих слуг, чиновников. Владыки, которые господствовали в областях, подчинились ему, стали его придворными.

Составленное из соединения многих областей большое государство сильно отличалось от старинных союзов и дружин. Вождь, выбранный дикарями, может вести несколько тысяч человек. У царя всего Египта было от семи до девяти миллионов подданных. Соединяя в своих руках

огромные богатства, египетский царь мог раздать много подарков и милостей. Придворные звались „друзьями царя“, „тайными советниками царских приказов или тайных слов царя“ и т. п. Царь поднимался над всеми, в роде высшего существа. Его нельзя было уже звать по имени, как обыкновенных людей. Чаще всего о нем говорили: *фараон* (что значит „высокий дом“). В знак своего величия царь опоясывался львиной шкурой с привешенным сзади хвостом или надевал особую длинную развевающуюся одежду, обвешивал шею ожерельями, руки украшал браслетами. Он принимал людей, сидя на высоком кресле под навесом, обратившись лицом к восходу солнца. Приходящие перед лицом его должны были падать на землю, стоять на коленях, протягивать к нему с мольбою руки, как к богу; они должны были называть его разными почетными и возвышенными именами: избранником солнца, могучим золотым орлом, сильным правдой и т. д. Когда надо было нарисовать царя, его изображали втрое, вчетверо выше, чем остальных людей; и не только его самого, но и колесницу, и коней его.

Казалось, что такой сильный человек, как царь, должен быть особенно близок к богам. Жрецы учили, что царь — сын сильнейшего бога, после смерти присоединяется к богам. Думали, что царь может наеди-

Джизехское поле с пирамидами Хеопса и Хефрена. Впереди громадный сфинкс, высеченный из скалы.

не беседовать с богами: царь заходил в святилище и, обращаясь к изображению бога, спрашивал совета, напр., идти ли в поход. Если ему казалось, что статуя кивает головой, это означает „да“; если она оставалась неподвижной, это означало „нет“. Во имя бога, своего родоначальника или покровителя, царь совершал походы; ему он посвящал

добычу; когда царь в ожесточении приказывал убивать пленных врагов, это считалось жертвой богу. Проезжая по улицам, выходя на балкон к народу, царь бросал в толпу хлеб, фрукты или золотые колечки в знак того, что от него, как от бога, сыплются на людей все милости.

После смерти царя двойник, или дух его, должен был получить великое вечное жилище. Старинные египетские цари обыкновенно сами строили себе заблаговременно *пирамиду*, для чего пригоняли рабочих со всего Египта.

Египетские пирамиды несравненно крупнее самых больших европейских каменных могил. Это—целые горы, сложенные из огромных тесаных камней. В пирамиде окон нет; узкий и темный проход ведет в темный зал, где стояло каменное изваяние царя; под ним помещается подземный склеп, где похоронен умерший. Большие пирамиды сохранились до нашего времени; они находятся недалеко от Мемфиса, на левом берегу Нила. Самую большую выстроил царь Хеопс, за 3000 лет до Р. Х., она—в 70 сажен высоты и состоит почти из $2\frac{1}{2}$ миллионов крупных камней; рядом с нею почти такой же величины пирамида его брата Хефрена; недалеко от них высеченный из скалы громадный сфинкс (туловище льва с человеческой головой).

Греческий путешественник Геродот, посетивший Египет в 450 г. до Р. Х., более 2000 лет спустя после построения пирамид, рассказывает со слов туземных жителей следующее: 100,000 человек работали надвозведением пирамиды Хеопса в течение многих лет по 3 месяца в году (во время наводнений, когда все крестьяне свободны от полевых работ). Камень ломали по правую сторону Нила и по реке во время разлива сплавляли на левый берег; от воды люди тащили тяжесть на веревках (в Египте тогда еще не было прирученной лошади) к выступу гор на западе, где должна была подниматься пирамида; для этого перевоза надо было выстлать сначала гладкую каменную дорогу. Десять лет строили дорогу, возили камень и выкладывали подземные своды для робницы. Здание самой пирамиды строили 20 лет.

Мастера, которые тесали камни, лепили статуй, раскрашивали картинами стены гробниц, были выучены в школах при храме мемфийского

Старинная статуя из дерева, изображающая надзирателя царской постройки.

бога Пта, покровителя искусства. Всеми работами руководил главный жрец этого бога. Кругом царской гробницы располагались каменные могилы царских родственников и придворных, которые в виде особой милости получали право быть похороненными близко к фараону.

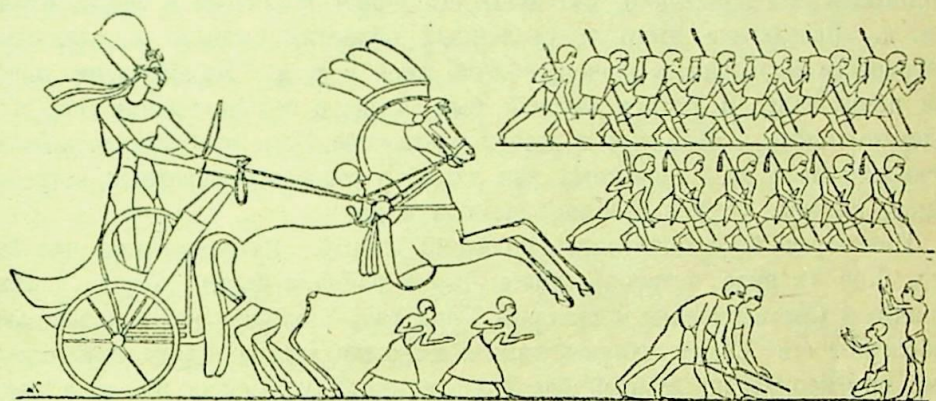
Царь требовал от своих подданных не только работы, но и доставки разных припасов и товаров. Жители каждой области платили ему *подати* хлебом, золотом и другими вещами. Сбирать подать, заведывать складами, призывать на службу воинов и смотреть за порядком он поручал своим наместникам и приказчикам. При них состояли, как в больших царских или божьих имениях, многочисленные писцы, которые вели подробный отчет получению и проверку расходов. Своих придворных, слуг и чиновников царь вознаграждал припасами, одеждой, посудой, мебелью, украшениями. Огромные количества различных предметов свозились в царские склады, магазины; из них выдавалось все нужное его подданным.

Фиванские цари. В течение нескольких столетий фараоны, царившие в Мемфисе, встречали общее повиновение. Но около 2300 года до Р. Х. они потеряли власть над страной. Владыки и наместники областей отказались слушаться фараона и стали собирать подати для себя вместо того, чтобы отправлять их царю. Египет раздробился на удельные княжества.

Из удельных князей особенно усилился владетель города *Фив* в верхней, или южной части Египта, где Нил делает загиб и подходит близко к Аравийскому заливу. Фиванцы проходили пустыню, отделяющую их от моря недлинной караванной дорогой и пускались затем на кораблях в страну *Пунт* (нынешние Абиссиния и Сомали). Разбогатев от торговли, фиванские князья собрали большую армию, покорили других владык и стали фараонами всего Египта от порогов до Средиземного моря.

Фиванские фараоны распространили свою власть далеко за пределы Египта. Царь Сесострис совершил несколько походов на юг, за пороги, в *Нубию*, где жило племя темнокожих негров; египтяне нашли в их стране богатые золотые рудники и заставили туземцев работать на себя, добывать самородки и промывать золотой песок. Тот же воинственный царь повел своих воинов через Суэцкий перешеек в Азию. С давних пор у египтян была построена длинная стена поперек перешейка между Средиземным морем и Аравийским заливом, недалеко от нынешнего Суэцкого канала. Стена эта служила для защиты от кочевников *бедуинов*, как они сейчас зовутся. Азиатские кочевники прорывались, однако, через великую стену. Сесострис решил пройти далеко вглубь азиатских степей, чтобы сломить окончательно беспокойных соседей. В своих походах он покорил *Ханаан*, страну, где впоследствии утвердился народ израильский.

В Библии страна Ханаан описывается, как богатый цветущий край, текущий медом и молоком; лазутчики, посланные Моисеем, принесли показать виноградную кисть, которую пришлось тащить двоим,—так она была тяжела. Один египтянин времен Сесостриса, долго живший в Ханаане, говорит об этой стране: „там были смоквы и виноград, и больше вина, чем воды. Богат был мед этой страны и много масла, всякого рода плоды на деревьях... у меня было вареное мясо и жареные гуси, а также дичь из пустыни, которую ловили для меня в западных, кроме той, которую загоняли для меня охотничьи собаки“.

Выезд египетского царя. Направо первые два ряда наверху—его гвардия, внизу—служители, расчищающие палками дорогу, и народ, приветствующий царя.

Сын Сесостриса, Аменемхет, построил большие сооружения в оазе *Фаюм*, лежащем на запад от Нила недалеко от его вступления в равнину Дельты. Это низкое место затоплялось при наводнении рукавом Нила (называемым в настоящее время Иосифов канал). Аменемхет велел загородить плотинами ущелье, которое было прорыто среди скалистых высот потоком и составляло вход в оаз; болота, заполнявшие низину, осушили; воду стали отводить в бассейны и равномерно распределять по полям оазиса. Благодаря этому, Фаюм сделался самой богатой и хлебодородной областью Египта.

У входа в оаз на обрыве Аменемхет вывел свою пирамиду; недалеко от нее стояло громадное строение для всех египетских богов, которое греки называли *Лабиринт*. Во всю длину этого здания тянулась одна стена, к которой примыкали *порттики*, т.е. четырехугольные дворы, окруженные колоннами. Портиков было столько, сколько областей в Египте, и все они составляли непрерывную афиладу. Каждая область ставила в портике своего бога-покровителя; в праздники собирались сюда старейшины областей и молились каждый в своей молельне. Но прежде, чем добраться до этих святилищ, надо было пройти через кры-

тую галлерею, которая состояла из множества колонн и ходов между ними. Ходы были так перепутаны, что без проводника иностранец не мог ни войти, ни выйти из колоннады. Именем „лабиринт“ греки стали называть потом заколдованный дворец, где можно заблудиться.

Представление о богах. В мысли египтян о богах соединялись остатки старинных верований и новые понятия людей. В каждом городе или округе чтился свой бог или богиня покровители, были свои обряды для их почитания и свой способ изображать их. Одну черту старинны египтяне особенно сохранили: именно—представление, что бог может принимать вид животного, что душа его может вселяться в зверя, птицу и т. д. Вследствие этого в различных областях считали священными животными крокодилов, кошек, ибисов, змей и т. д. Наибольшим почетом пользовался в Египте черный бык Апис, с белым пятном на лбу, содержавшийся в Мемфисе в особом святилище. Боги изображались большею частью в виде животных или людей с головами животных, ястреба, биса, коровы, львицы, барана, шакала и др.

Некоторые боги почитались по всему Египту. Рассказывали, что бог Ха, Хор (в виде ястреба), долго был в войне с богом севера, Сетом. Вражеский Сет вырывает у светлого Хора глаз (солнце), но Хор все-таки побеждает его. Всюду чтились также: могучий водяной дух, принимающий вид крокодила; лунный бог Тот, который установил времена года и порядок вещей на земле, изобрел язык и письмо, обладает всеми тайнами мира, мудро указывает всем богам и людям их дело; Озирис, бог подземный, дающий произрастание травам и деревьям, через которые выходит из-под земли его дуновение.

В разных местах показывали останки бога Озириса, убитого и растерзанного злым Сетом: богиня Изиды (изображаемая с головою коровы, или в короне, украшенной рогами), жена Озириса, похоронила его; сын Озириса, Хор, волшебством снова оживил своего отца, но теперь он уже царит над мертвыми. Так и другие боги страдают, умирают, имеют могилы, но также возрождаются, живут и царствуют вечно. Солнце рождается каждый день утром; к полудню достигает зрелости, а к вечеру старится, умирает. В году были большие праздники рождения бога, высшего расцвета его силы и смерти бога. Во время праздников служители храма и люди особенно святой жизни несли в священной процессии изображение бога или катили их по реке в изукрашенной барке. Иногда происходили театральные представления: жрецы изображали воинство бога, готовое отогнать угрожающих ему врагов, или составляли хор, плававший об его страданиях.

В среде жрецов были ученые, которые освободились от грубых старинных понятий и пытались создать общую веру для всех египтян. Они

учили, что над богами отдельных городов поднимается одно высшее божество, податель благ людям. Всего усерднее эту веру распространяли жрецы солнечного бога Ра, в городе Солица, недалеко от Мемфиса. Они сложили гимн во славу бога своего, в котором говорилось: „живое солнце, ты восходишь во всей красоте на небесном горизонте. Лучи твои обнимают все созданные тобою страны. Ты, великий Ра, покоряешь их своею любовью. Ты создал землю, по своему желанию, с людьми, стадами и всеми животными, все, что есть на земле, что ходит на ногах, плавает в воде и летает на крыльях. Ты создал Нил в глубине и привел его сюда по воле своей, чтобы питать людей. Всем дальним странам ты создал питание и поместил Нил на небесах, чтобы он дождем спускался к ним. Он поднимает волны в горных потоках, как океан, и увлажняет их поля. Как прекрасны решения твои, государь вечности!“

Жители нильской долины думали, что их страна находится в середине мира; земля плавает в большом океане; небо — плоская крыша, краями покоящаяся на высоких горах и укрепленная четырьмя столбами; с потолка в виде светильников свешиваются звезды. Небо представляли также в виде громадной коровы, которая утвердилась четырьмя ногами на поверхности земли: на севере, востоке, юге и западе поднимаются четыре горы, поддерживающие небо.

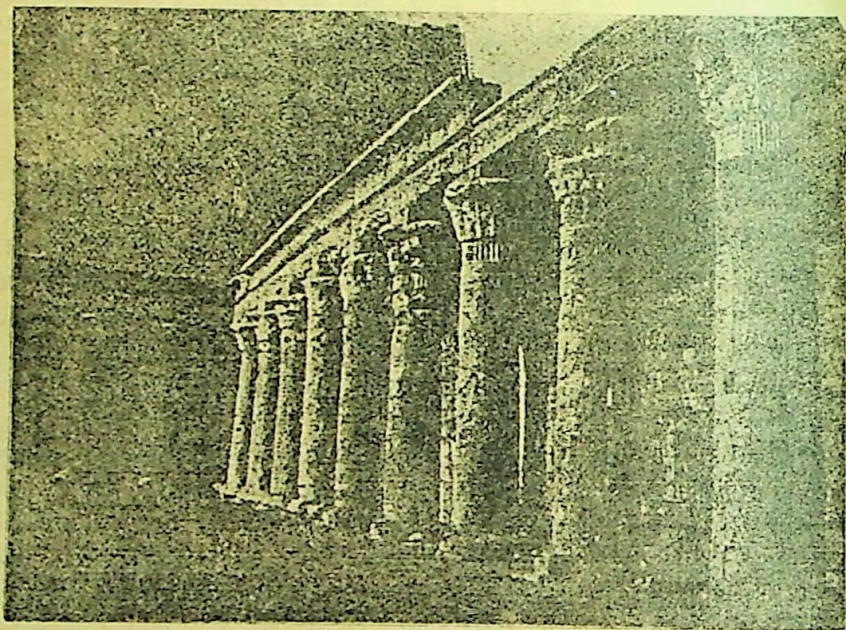
Вера в загробную жизнь. По картинам и постройкам египтян видно, что особенно их занимала мысль о продолжении жизни после смерти. Целая половина Фив, все, что лежит на левой западной стороне Нила, состоит из „города мертвых“. Это — кладбище, в котором могилы — просторные, крепкие жилища, более прочные, чем дома живых. Они полны предметов, изображений, надписей и молитвенных листов, по которым мы узнаем о верованиях египтян. В этих верованиях смешивался страх живых перед покойниками, боязнь за собственную судьбу и надежды на лучшую участь в другом мире.

Египтяне думали, что между добрыми и злыми духами идет непрерывно борьба за жизнь человека. Болезнь и смерть — это победа злых духов. Но демоны не окончательно берут верх; за гробом продолжается еще спор добрых и злых сил. Первые охраняют, вторые стараются истребить ту часть человеческого существа, которая покинула тело при смерти. В этой борьбе родственники и близкие умершего могут помочь ему так же, как помогают живому при болезни, посредством волшебных слов и молитв, обладающих таинственной силой. Грамотки с этими молитвами лежат во множестве в египетских могилах.

Очень живо представляли себе и загробный мир, в котором странствует умерший. Этот небесный мир похож на земной: Посредине его протекает великий небесный Нил, а по реке ежедневно проплывает бог

солнца, сидя в крытой беседке наверху корабля; в темноте он возвращается по ночной реке опять к востоку, откуда снова начинается его дневной путь. Путешествие солнца казалось египтянину похожим на человеческую жизнь: в нем также сменяется рождение, жизнь и смерть. Солнце, скрывшееся ночью, это — умерший бог, который спустился в ад в подземное царство. Корабль его едет среди мрачных берегов, где ждут злые духи; страшнее всех огромная змея, готовящая гибель солнцу; но в последнюю минуту друзья солнца бросаются на врага и заковывают его в цепи.

Умерший человек может с помощью молитв и обрядов, исполняемых живыми, разделить участь солнца; душа его может счастливо проскользнуть с солнечным кораблем сквозь ночь и возродиться к новому утру.

Двор египетского храма.

она может также улететь в виде птицы в небесную страну. Для того, чтобы облегчить этот переход, умерших хоронили на западном берегу Нила и клали лицом к закату солнца: так они должны были скорее увидеть тот свет. Далекий запад, куда уходит солнце, считался блаженной страной душ, перешедших к другой жизни. Многие старались обеспечить себе могилу в священном городе Абидосе, где находилась главная великая могила подземного бога Озириса: эти люди верили, что на

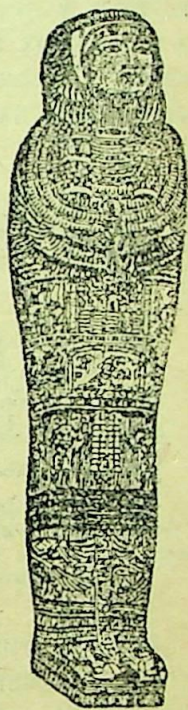
святой земле их тела будут под покровительством бога и вместе с ним возродятся для новой жизни.

В погребальных обрядах египтян отражаются мысли о загробной участи человека. Когда выкладывали умершему большую каменную могилу, то ждали, что его дух, или „двойник“, обитавший при жизни в теле, опять вернется в прежнюю свою оболочку. Поэтому старались обеспечить ему „вечный дом“ со всем убранством комнат, одежду и утварь, свежую пищу и, особенно, питье; иначе он будет страдать от голода и жажды, начнет тревожить живых людей.

Чтобы привлечь двойника, ставили каменное изображение умершего; с особым искусством исполняли на нем портрет лица. В то же время старались сохранить тело, в котором двойник должен был найти свою прежнюю обитель. Это повело к обычаю приготавливать из трупов *мумии*, т. е. вынимать внутренности из тела умершего, заливать асфальтом, обвязывать тканями и класть в раскрашенный деревянный ящик, изображавший завернутого человека. Мумии совершенно высыхали; в таком виде дошли до нас тела некоторых египетских царей. На стенах могил изображали выпукло и раскрашивали съестные припасы, плоды, цветы, платье, предметы обихода. Богатому владыке ставили в могилу деревянные или каменные фигурки работников с орудиями в руках: они должны были на него пахать, возить мешки, варить еду и т. п. Для улады умершего рисовали картины привольной жизни, напр., охоту в нильских тростниках, пиршества и пляски.

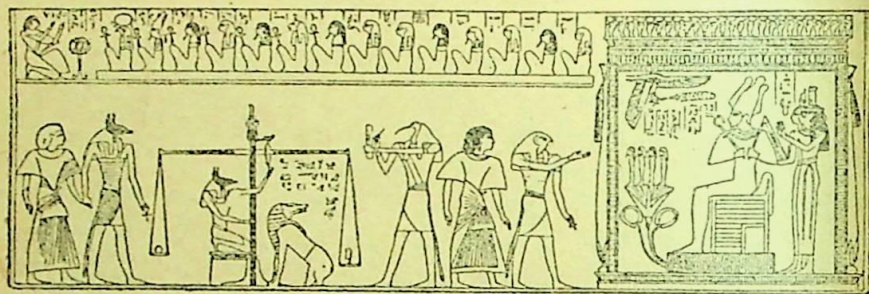
Простой человек, не имевший средств сделать все это, засыпал тело покойника солью и зарывал его в землю. Казалось, что на том свете умершие бедными должны будут отставать в благополучии от богатых так же, как это было и в земной жизни. Впрочем, жрецы утешали неимущих обещаниями волшебной молитвы: „да будет богу Озирису принесена царская жертва, чтобы он даровал покойному 1000 быков, 1000 гусей, 1000 хлебов и т. д.“. В могилы клали длинные записи с подробными пожеланиями подобного рода.

Благополучие умершего, таким образом, зависело от щедрости его близких или от искусства жреца, который читал молитву. Но, на ряду с этим, у египтян пробивалась более возвышенная мысль: умершему бу-

Деревянная статуя в мерку человеческого роста, в которую вкладывалась мумия.

дет воздано на том свете по его делам. Отправляясь вслед за солнцем душа подвергается суду в подземном царстве. Там сидит справедливый судья Озирис, бог, который сам пострадал и умер. Он разбирает жизнь души, предстающей пред лицо его, и произносит приговор. Поэтому в могилу, как бы в напутствие умершему, клали особый молитвенник, где подробно было записано, что должна отвечать душа на суде. „Я не обманывал никого, я не пребывал в праздности, я не отнимал раба у господина его, не мучил вдов, не грабил могил, не охотился на священных животных, я чист, давал хлеб и воду нищему, одевал нагого, я приносил жертвы богам и кормил умерших“. Из этих ответов видно, какие заповеди у египтян считались особенно важными.

Суд Озириса в подземном царстве. Слева бог Анубис (с головой шакала) вводит душу. У весов, где взвешивается сердце умершего, опять Анубис; рядом чудовище, проглатывающее несправедливые души. От весов направо Тот (с головой ибиса) пишет летопись жизни. Рядом душа, которую Хор (с головой змея) ведет пред лицо Озириса.

Письмо. Рисунки на стенах большею частью снабжены объяснительными надписями. Позднее греки, посещавшие Египет, называли их *иероглифами*, т.-е. священным письмом, думая, что это какие-то таинственные знаки, в роде загадок, скрывающие мысль. Но в действительности это была обыкновенная азбука египтян, лишь гораздо более сложная сравнительно с нашей. Ею написаны бесчисленные листки *папируса* (бумаги, сплетенной из волокон египетского тростника).

Письмо началось с того, что люди старались нарисовать вещи, о которых говорили. У дикарей нередко целый рисунок должен передать какой-нибудь уговор; напр., изображение озера с плавающими в нем рыбами и людей по обе стороны—означает, что две деревни уговорились сообща пользоваться ловлей в таком-то месте. Можно набросать немногими чертами изображения различных вещей и существ, напр.: человека, птицы, льва, лопаты, звезды. Слова „день“, „молитва“, „сила“ нельзя нарисовать; их придется только напомнить рисунком: день—кружком, обозначающим солнце; молитву—изображением человека с поднятыми

ках, живописи и ваяния, среди возвышенных понятий у египтян остались в силе старые отсталые обычаи и взгляды: они татуировались, переменили частью каменные орудия, сберегали тела умерших и кормили представляли себе богов в виде животных, применяли детскую азбуку. Все это воспроизводилось в течение сотен лет старательно и точно, хотя смысл многих старых обычаев исчез и забылся.

Передняя Азия. В ином положении, чем египтяне, были образованные народы, жившие в Двуречье, т. е. в равнине по течению рек Евфрата и Тигра.

Страна, которая лежит между Средиземным морем и этими реками на юге незаметно переходит в Аравийский полуостров. Среди них это большого четырехугольника, так называемой Передней Азии, составляла большая аравийская степь. По краям его лежит на юге *Счастливая Аравия*; на западе — *Сирия* (южная часть которой составляет земледельческую *Ханаан*); на востоке — *Сенаар*, или *Вавилония*, область нижнего Евфрата и Тигра. Эти три страны издавна были заселены земледельцами и садоводами. Так как они открыты в сторону степи, воинственные степняки-кочевники часто грабили своих зажиточных и мирных соседей, а по временам, собравшись большой массой, покоряли их.

Сенаар беднее Египта породами растений. Винограда и оливки в нем нет; древесных пород совсем мало. Но очень много в нем родилось хлеба. Большую пользу извлекали от финиковой пальмы: из ее плодов делали муку, вино, сахар, уксус; волокнистые части служили для приготовления тканей; косточки употреблялись вместо угля в кузницах и размалывались на корм скоту. В старинной песне говорилось, что пальмой можно пользоваться на 360 ладов.

Равнина вдоль двух больших рек в сущности составляет продолжение большой внутренней степи; в течение нескольких месяцев в ней стоит невыносимая жара и все высыхает. К концу весны она обращается в страну потопа: воды Евфрата и Тигра разливаются широко местами даже соединяются вместе. И здесь, как в Египте, нужна была огромная работа, чтобы обратить болота, образуемые разливами, и высушить после наводнения степь в цветущие сады и нивы. Многочисленные каналы, озера для отвода воды, плотины и водоподъемы были также искусно сделаны, как в Египте. Насыпи вдоль каналов выкладывались плотными стенами и усаживались пальмами, которые давали драгоценную в этой стране тень. Там, где канал должен был пройти через болотистую местность, или где два канала скрещивались между собой, русло помещали в каменных трубах или на сводах, опиравшихся на большие столбы. Каналы были в действии в течение всего года: они служили для передачи орошения и вместе с тем были отличными дорогами для кораблей и лодок.

В наше время, после множества нашествий, после господства кочевняков в этом краю, когда следа не осталось от великих водных сооружений, страна имеет вид голой унылой степи, прерываемой огромными болотами. Не видно в ней также развалин городов, храмов и гробниц. В равнине Евфрата нет того замечательного строительного материала, которого так много в Египте: мрамора, гранита и других крепких каменных пород. Жителям страны приходилось готовить материал для домов, храмов, плотин из глины: постройки их были кирпичные. Оттого они не выдержали действия времени, как в Египте, и скоро разрушились. Часто от огромной постройки остаются следы лишь в виде бугра земли или груды глиняных осколков.

В то время, когда в Египте возникло большое государство, в южной части Двуречья в Сенааре жили *сумеры*, так же как египтяне, обладавшие искусством письма и мастерством возведения крупных построек, каналов, плотин и храмов. Сумеры не похожи на позднейших вавилонян и ассирийян, которые в свою очередь напоминают наружностью евреев и арабов и принадлежат к одной с ними *семитической* расе (название семитов от Сема или Сима, старшего сына Ноева). Сумеры брили волосы на лице и на голове; у них длинные острые носы и косые глаза на манер монголов, плотное приземистое тело. Одежда воинов — юбка из лохматой шерстяной материи; верхняя часть тела обнажена; через плечо переброшен пелл.

Сумеры выстроили несколько больших городов, между ними *Ниппур*, где стоял храм, похожий на пирамиду в виде широкой башни, подымавшейся семью уступами. Когда один из патеси (князей) сумерских, победив соседей, становился царем всего черноземного приморского края, он отправлялся в Ниппур, чтобы получить одобрение бога Бел-Эллиля. Царь делал богатый подарок храму и его жрецам; драгоценности складывали в сокровищницу храма. Царь помещал на видном месте запись о своих подвигах: „во главе богоспасаемого войска, обильного, как трава, покорил я земли от восхода солнца и до заката; бог Эллиль открыл мне пути и разровнял дорогу от *Нижнего* моря Тигра и Евфрата (т.-е. от Персидского залива) до *Верхнего* (т.-е. Средиземного)“.

Около времени возвышения Фиванского царства на равнину Евфрата со стороны степей напали кочевники семитского племени Амурру. Они отняли у сумеров обработанные земли и накопленные богатства. При этом завоевании погибло многое, чего добились образованные туземцы в улучшении своей жизни, но многое также пришельцы у них перенимали. Завоевание имело еще одно последствие: *культура*, т.-е. изобретения, обычаи и понятия образованных народов, переходила дальше и распространялась за пределы одной страны в другие.

Хаммураби, царь вавилонский. Степняки племени Амурру разорили старые поселения сумеров, но сами сделались оседлыми и выстроили новые города выше по Евфрату и Тигру. Между ними самый значительный был *Вавилон* (слово значит—„врата божьи“), в том месте, где к Евфрату близко подходит Тигр. Вавилон поднялся одновременно с Фивами. Около 2000 года до Р. Х. в нем правил Хаммураби, потомок степных вождей.

Хаммураби прошел со своими войсками вверх по Евфрату и от западного загиба большой реки к Средиземному морю. Ему подчинились все области, лежащие на север и восток от Аравийской пустыни между Средиземным морем и Персидским заливом. Для того, чтобы иметь всегда наготове войско, Хаммураби раздал своим солдатам участки земли с крестьянскими избами; они должны были содержать себя обработкой поля и являться по зову царя на войну. Военные не смели продавать свою землю; в случае смерти солдата, его жене оставляли $\frac{1}{3}$ участка, чтобы она могла вырастить сына для службы царю. Хаммураби велел записать, что „после смут, разоривших народ, он привел в порядок русла рек и каналов, собрал разбежавшихся и обедневших жителей и дал им опять пропитание, охраняя их от врагов“. Самый крупный канал, который выкопали при нем, был назван: „Хаммураби, благословение народа“.

Торговля Вавилона. В нижней части Двуречья земля давала замечательные урожаи, и множество людей были заняты ее обработкой. Рядом с земледелием было еще другое крупное занятие. В то время, как долина Нила замкнута, равнина по Евфрату и Тигру открыта во все стороны. Отовсюду соседи могли приезжать за товарами или привозить свои предметы. У жителей равнины не было металлов, камня, строительного дерева; эти материалы подвозились из горных стран с севера и востока. Из степи кочевники, у которых нет хлеба, нет орудий и растительных тканей, являлись за этими предметами и привозили для обмена шмот, шерсть, кожи. Из стран южной Аравии, лежащих по другую сторону пустыни, те же кочевники подвозили золото, самоцветные камни, ладан для курения в храмах. Наконец, с моря подходили суда из южных стран Азии, особенно из Индии, со слоновой костью, пряностями и др. Кроме произведений своих полей и садов, жители равнины могли заплатить за нужные им материалы множеством ремесленных изделий; они выделяли ковры и узорчатые ткани, тонкое металлическое оружие и особенно глиняную утварь с разнообразной и художественной раскраской.

По стране во всех направлениях проходили удобные дороги. К городам, которые имели на реках и больших каналах пристани, прилегали с одной стороны караванные пути из пустыни, с другой—дороги к горным

проходам. Главный перекресток этих водных и сухопутных дорог и ставлял Вавилон.

Деньги. В Вавилоне и других городах Двуречья множество торго-
сбывали произведения своей страны, покупали и перепродавали чужие
щи, перевозили товары. Большой обмен привел к употреблению дене-

В торговле нужна мерка, чтобы определить цену вещи. Поэтому вы-
рают такой товар, на который удобно мерить и оценивать все остальные
этот товар служит деньгами. Мы употребляем теперь деньги только
металла. В старину или в тех странах, где было мало металла или

Статуя сделана современным французским
скульптором и изображает писца в ожида-
нии работы с готовой для письма глиняной
доской.

не умели добывать, деньгами бы-
меха пушных зверей, напри-
белок (старые русские деньги на-
вались куны, а вогулы называ-
рубль — „сто белок“). У островитян
Тихого океана в обмен за това-
ходят раковины. У скотоводов де-
гами были быки, овцы и т. п.; го-
рили: рабыня стоит 4 быка; золотой
допех — 100 быков; медный — 9 бы-
ков: царский сын давал 100 быков
чтобы выкупиться из плена.

Когда люди стали добывать мета-
или получать его в обмен за при-
званные ими товары, они охотнее в
го обращали в деньги именно ме-
таллические куски. Этому много при-
чин. Крепкий красивый металл все-
гда всем нужен для оружия, инстру-
ментов, для украшений. Затем, он
портится, он как-будто вечен. На-
онец, металл удобно делить на мелкие

части: каждый кусочек его имеет цену, и потому на металл удобно ра-
ценивать и дорогие, и дешевые вещи.

В своей обширной торговле вавилоняне употребляли деньги из мета-
ла в большом количестве. Они готовили из него кусочки одина-
вого веса, т. е. *монеты*. Иногда этим кусочкам придавали вид быков и
бычачьих голов в память о прежних деньгах. В торговле также ходили
золотые, серебряные, медные, свинцовые кирпичики, палочки, кольца
и кружки.

При покупке дома, земли, рабов, одежды, зерна и т. д. платили
личными деньгами. Поэтому, кто мог, старался скопить побольше мета-

лических денег. В старину большие запасы золота и серебра собирались при храмах богов. Они состояли из вкладов и даров, но кроме того, многие люди отдавали деньги в храмы на хранение, так как кладовые богов имели хорошие затворы. Позднее по образцу храмовых складов цари устроили свои магазины, амбары и сокровищницы.

Верхняя часть камня, на котором записан закон Хаммураби: царь принимает поучение из уст бога Солнца.

Если уплата производится на деньги, имущество быстро может переходить из рук в руки. При этом часто можно еще получить выгоду от покупки и перепродажи товара. Для всякого предприятия нужно иметь

свободные деньги, при помощи которых можно было бы закупать материал, нанимать рабочих и т. п. Из всего этого могут извлечь пользу обладатели металла, если начнут отдавать свои деньги в рост, т.-е. взаймы и требовать себе прибыли за эту услугу. В Вавилоне управители царских складов серебра, *тамжары*, давали торговцам деньги взаймы; у них можно было также купить монету и выменять ее.

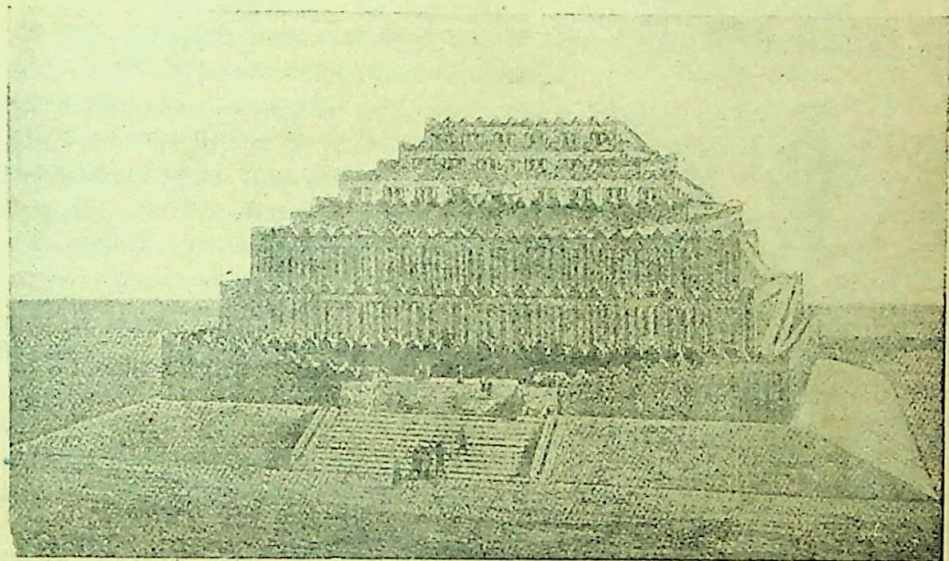
Все подобные расчеты требовали точности. При всякой сделке заключали письменное условие. В равнине Евфрата и Тигра извлечено из земли много тысяч таких условий и квитанций; о выдаче займа и получении расчета, об уплате за наем, продаже имущества и т. п.; они все написаны нарезными знаками на глиняных дощечках.

Писцам было так же много дела, как в Египте. Чтобы не было подделок и обмана, каждую глиняную грамоту вкладывали в глиняный конверт и на нем повторяли ту же надпись. Если потом поднимался спор между заключившими условие, или было сомнение насчет подлинности подписи, верхний слой разбивали и сверяли содержание его слов по нижней скрытой дощечке. Деловых сношений было так много, что у всякого почти человека имелась печать, выукло вырезанная на крепком камне и служившая вместо подписи; только самые бедные не имели печати и вместо нее оставляли на глиняной грамоте отпечаток своих ногтей.

Богатство Вавилона. Правители страны, царь, его наместники и чиновники, получали крупные доходы с торгового населения; поэтому они следили за тем, чтобы в торговле не было обмана и притеснения. Царь Хаммураби приказал составить большое *собрание законов*. В них подробно определено, что уплачивает арендатор за землю, какой штраф брать с человека, сломавшего плотину и этим испортившего посевы у соседей, сколько платить рабочим в разных ремеслах, сколько стоят услуги врача, строителя дома и перевозчика товаров по реке. Составитель законов настойчиво требует, чтобы наниматели и нанимаемые, кредиторы и должники честно и правильно выполняли условия и обязательства; за нарушение этих правил он грозит наказаниями. Царь напоминает, что сам великий бог „поручил ему дать стране защиту закона, чтобы сильный не мог вредить слабому“.

В Египте богатства составляли большей частью *недвижимость*; это были крупные имения, в которых собирались и проживались различные запасы. В Вавилоне большая часть богатств состояла в *движимости* и деньгах, которые позволяли приобретать редкие и чужие привозные предметы. В жизни вавилонян было больше роскоши и разнообразия. Богатые люди для своего удобства покупали и держали дома привозных рабов. Впоследствии Геродоту, посетившему Вавилон, казалось, что нет на свете людей, которые бы более, чем вавилоняне, ценили изысканность

одежды и украшений. В высоком завитом парике, в вышитой узором, широкими складками ниспадающей одежде, вытканых башмаках, с перстнем-печатью на пальце и художественно вырезанной тростью в руке выходил богатый человек на улицу. Греков, привыкших к более простой обстановке, поражали также размеры города и его укрепления: наружные стены Вавилона были длиной в 8 миль; их высота была до 200 локтей, а ширина—до 50, т.-е. верх стены был похож на широкую моще-

Вероятный вид Нишпурской семиэтажной башни.

ную улицу, по которой могли ехать в ряд несколько военных повозок. В стенах было проделано до 100 медных ворот. За стенами находился широкий и глубокий ров, наполненный водою.

Город был выстроен по правильному плану: прямые улицы шли параллельно реке Ефрату; другие—пересекали их под прямым углом и выходили к набережной реки; эти улицы запирались также тяжелыми медными воротами. Пестрая толпа людей всякого звания и разных народностей сновала по улицам, заполняла базары на площадях. Над жилищами возвышались огромные каменные дома богов. Они строились на широкой квадратной насыпи и поднимались вверх уступами. Чем выше был этаж, тем более узкий квадрат он представлял собою. Каждый этаж был выкрашен особой краской и блистал позолотой. Входы в храмы и дворцы точно оберегались огромными высеченными из камня фигурами крылатых быков с человеческими головами.

Сказания о сотворении мира и о потопе. Надписи и рисунки открываемые в равнине Ефрата, изображают нам не только деловую жизнь вавилонян. Мы узнаем их понятия о мироздании, о божествах, о загробной жизни.

Сказание о *сотворении мира* передает, что царившее в море хаоса чудовище Тихамат породило сначала старших богов, а потом—младших, которые стали теснить старших. Тогда Тихамат, внявши жалобе старших богов, породила великанов, драконов, змей, бешеных псов и собралась во главе их истребить младших богов. Бог Ану созывает своих братьев и сестер на большое пиршество, и они держат совет. Мардук, бог ве-

сенного солнца, вызывается на бой с чудовищем хаоса. Он запутывает Тихамат в громадную сеть, бросает в нее молнии и рассекает на две половины: море небесное и море земное; на том и на другом он укрепляет твердь. Потом он сыплет семена жизни на земную поверхность, создает растения, животные и человека из кома земли.

Мысль, что вначале все было покрыто водой и все возникло из воды, видимо, внушена картиной ежегодных весенних наводнений, после которых возрождается жизнь; по картине весны ежегодной представляли себе и первую весну мира; оттого и бог-творец—весенний бог. Еще другая черта замечательна в понятиях вавилонян; мир небесный похож на земной; его карта такая же: там—большой океан, совершенно так же и внизу земля держится на огромном море; на небе те же две главные реки—Ефрат и Тигр; там есть свой Вавилон, свой храм Мардука и т. д.

Фигурка беса, изображающая сухой и вредный юго-западный ветер; ее вешали над дверью, чтобы безобразный портрет беса отогнал его самого от дома.

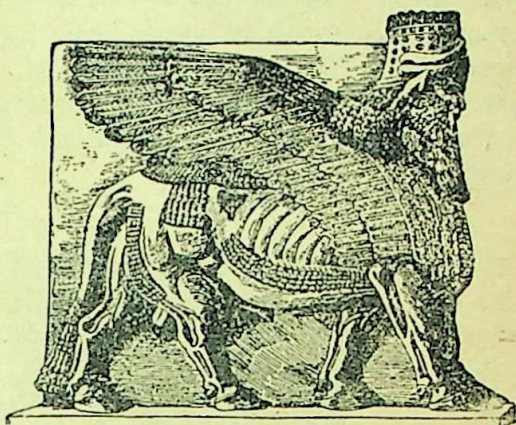
Наводнения внушали еще другое предание—о *великом потопе*. Боги однажды разгневались на род человеческий и решили истребить его, наслав жестокую грозу и ливень. Но морской бог, мудрый Эа, сжалился над любимцем своим Утнапиштим и посоветовал ему построить корабль, взять туда своих близких, все породы животных и семена растений. Корабль носился семь дней по водам; его обитатели высылали голубя, ласточку, ворона, одного за другим, чтобы узнать, не прошла ли вода. По окончании потопа жизнь на земле возродилась опять.

Смерть, ад и рай по понятию вавилонян. Понятия о смерти и о том свете у вавилонян были несколько иные, чем у египтян. Смерть ка-

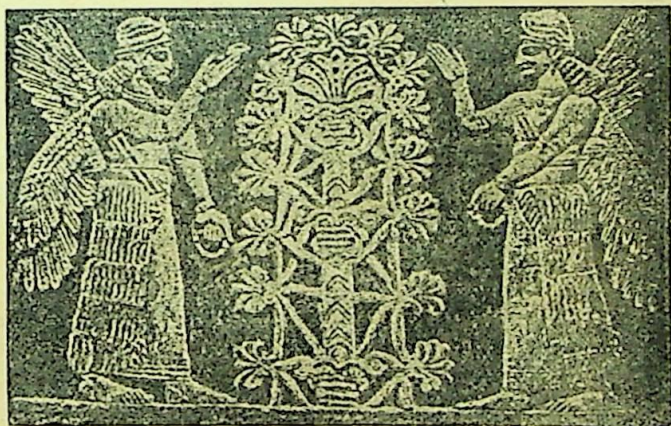
залась им величайшим злом и ужасом. Она „не отпускает на волю“ и „как былинку“ подкашивает жизнь, „бросает в тяжкие оковы“, „пропихивает ножом“. Все величие и сила мира исчезают со смертью. В сказании о богине Иштар, подательнице всякого счастья и радости на земле, изображено, как сама богиня должна была спуститься в ад и перенести его мучения; с нее сорвали ее венец, все украшения, ее заковали в цепи; ее прекрасное лицо и тело покрылось болезненными язвами; ее сердце и голова были разбиты немощью. Так же точно разбивается не утешество человека.

Отвратительные духи наполняют подземный ад. Они мучат души умерших. Но они выходят также на землю; они прилетают из страшной пустыни с запада;

они свирепствуют ночью. Это—чудовища, которые жаждут крови, все истребляют и не щадят даже изображений богов. „Они, подобно змеям, вползают в дома людей. Они похищают жену у мужа, вырывают ребенка

Фигура крылатого быка с человеческой головой.

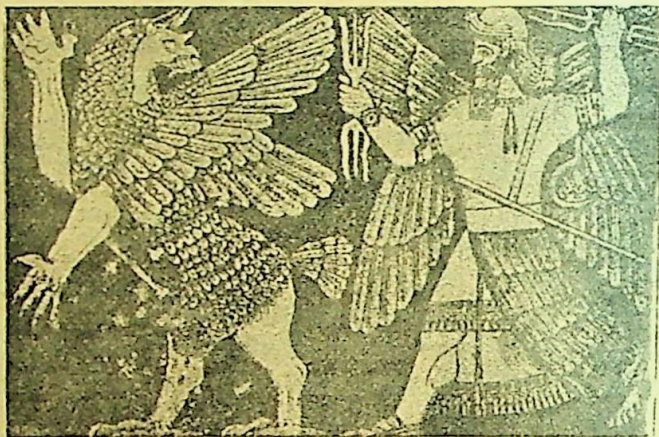

Крылатые божества у священного древа жизни.

из рук отца, выгоняют хозяина из среды его семьи. Они переходят из села в село, уводят детей, гонят птицу из гнезда, бьют волов и агнят; эти злые демоны—дикие охотники“. Они приносят засуху, посы-

лают болезни: один лихорадку, другой—чуму, третий хватает человека за горло.

Будучи окружен злыми бесами и приведениями, человек старается оборониться от них. Самое верное средство—приготовить изображение злого духа, возможно более похожего на него, и повесить эту куклу перед домом, чтобы ее видом отгонять самого беса, или, еще лучше торжественно и с проклятиями сжечь изображение. Вавилоняне придавали бесам безобразные черты: оскаленные зубы, рога и щетину, хвосты и когти и т. д. Из этого составила фигура чорта, которая потом перешла к европейцам.

Бог Мардук в борьбе со злым духом.

Но сквозь мрачные мысли пробивалась некоторая надежда на избавление. Ежегодно празднуется возвращение из подземного мира умершего молодого бога, которого перед тем с великим плачем провожали в могилу. Так может спастись и человек от вечной смерти. Бог весны и весеннего солнца, Мардук, „милосерд“, „любит воскрешать мертвых“. Есть „живая вода“ в тайном месте; кто изопьет ее или окропится ею, вернется к жизни и получит бессмертие. На западе далеко, куда заходит солнце, есть „острова блаженных“, где нет печали и смерти. Сказание передает, как могучий царь Гильгамеш искал пути к ним. Его друг Эабани, с которым они совершали подвиги, погиб; его самого охватила тоска и страх смерти, но он не хочет умирать; он собирается освободить друга из пасти смерти и узнать тайну бессмертия. Отправляясь на запад, Гильгамеш надеется отыскать своего предка, любимца богов Утнапиштим, которого они взяли живым в земной рай. Он проходит

страшные ущелья, встречает у входа к горе громадных людей-скорпионов, идет внутри горы в полном мраке и на выходе открывает чудный сад, среди которого стоит божественное дерево со сверкающими, как самоцветные камни, плодами. Наконец, он добирается до великого моря смерти, через которое ходит лишь солнце и нет переправы. Но Гильгамеш отыскивает лодочника и после тяжких усилий добирается до другого берега. Здесь он рассказывает своему бессмертному предку страдания. Тот погружает Гильгамеша в волшебный сон и велит отвезти к источнику жизни: Гильгамеш добывает со дна морского чудесное дерево жизни, дающее человеку бессмертие. Отправляясь в обратный путь, Гильгамеш берет с собою растение, но змея похищает на дороге древо. Гильгамешу удается еще вызвать тень друга, но тот рассказывает лишь о грустной судьбе умершего.

Священная наука вавилонян. Лучшую защиту против злых духов, кружащих около человека, вавилоняне думали найти в великих светлых богах, которые царят на небесах и показываются в светилах: солнце, месяце и пяти ярких, видимых простым глазом, планетах (их латинские названия—Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн). К этим семи высшим силам обращались с молитвами и просьбами; их волю, их указания людям старались прочесть в движении светил.

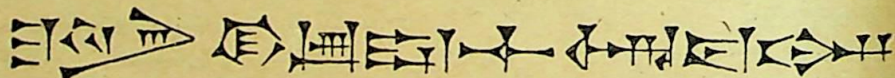
Вавилонские жрецы подробно занялись изучением небесных явлений; у них получалась очень сложная и трудная наука. Они составили календарь, который заимствовали потом европейские народы. В вавилонском календаре соединен счет времени по видимому движению солнца и по движению луны. За год приняли срок, в который солнце проходит по большому поясу неба (эклиптике). Год разделили на 12 частей, по 30 дней в каждой, согласно срока оборота луны (до сих пор у европейцев луна и тот срок, в который она проходит свой круг, обозначаются одним и тем же словом *месяц*). На годовом небесном круге солнца эти 12 частей отметили большими созвездиями (Телец, Близнецы, Рак, Лев и т. д.). Далее каждому из великих семи богов был посвящен особый день, и, таким образом, получили еще разделение месяца на четыре недели. Вавилонская семидневная неделя перешла потом ко всем европейским народам и у некоторых сохранила даже свои старинные названия дней от светил (по-английски воскресенье—*sunday*, т. е. день солнца, по-французски *lundi, mardi, mercredi*—дни луны, Марса, Меркурия).

Из всех небесных явлений человека особенно поражают затмения. Когда на чистом небе затягивался черной пеленой яркий лик бога—светила, люди были уверены, что предстоит что-нибудь страшное или важное. Вавилоняне старались заметить те сроки, в которые повторяются солнечные и лунные затмения, и научились их предсказывать.

Они точно измерили глазами видимое небо и вычислили, что во время равноденствия солнце на небесном полукруге от восхода до заката укладывается поперечником своего кружка 180 раз (3×60). Они стали делить вообще всякий полукруг на 180, а всякий круг—на 360 частей (2×180 или 6×60). Число 60 сделалось одним из священных волшебных чисел: оно было принято у вавилонян за основу счета, как у нас 100. Час разделили на 60 минут, минуту—на 60 секунд. Эти деления круга и часа также перешли к нам.

При всей точности вычислений вавилонских жрецов их представления о мироздании были неверны; они думали, что солнце каждый день действительно катится через все небо и ночью проходит под землей, что все светила кружатся около земли, которая неподвижно стоит в середине мира. Числа и меры не служили для них простыми отметками в мировом порядке и в земной жизни должны повторяться волшебными числами: три, семь, двенадцать, шестьдесят. Мир состоит из двух великих частей: небесного царства и его точного снимка, царства земного. Каждое образует три слоя, один над другим: воду, твердь и воздух. По твердому поясу неба или по плотине небесной движутся солнце и другие светила.

Далее вавилоняне верили, что небо—великая раскрытая книга, в которой ученый может читать все, что есть и будет на земле. Если небесный мир совершенно так же устроен и разделен, как земной, то события, происходящие в нем, должны с буквальной точностью повторяться на земле. Нужно только внимательно замечать все, что происходит на небе, и находить во всех знамениях настоящий их смысл. Появление над небосклоном одной планеты может означать урожай, восход другой—нападение врага. Есть счастливые и есть зловещие светила; бывает благополучное и бывает грозное их расположение. Марс—красная звезда—большею частью приносит беду; Юпитер—белая—возвещает счастье. Судьба царского похода зависит от того, что скажут звезды. Судьба каждого человека определена заранее на небе: при рождении, напр., царского сына замечали положение светил и предсказывали его жизнь. Вавилонские предсказатели взбирались каждый день на высокие башни богов, наблюдали, записывали и гадали.

Титул вавилонского царя: „царь четырех стран света“.

Вавилоняне применяли науку, которую не они сами изобрели. Большая часть знаний и наблюдений перешли к ним от более старинного народа.

сумеров, жившего по нижнему Ефрату. Сумеры придумали азбуку; на их языке были в первый раз записаны гадания, порядок небесных явлений и календарь; для того, чтобы узнать эти сведения, вавилоняне должны были изучать чужой старинный язык, составить к нему объяснения, грамматики и словари. Самый путь к науке был, таким образом, очень сложен и труден.

Вавилонский способ письма был непохож на египетский: для обыкновенного письма брали не бумагу, а тонкие дощечки, и по сырой еще глине надавливали острым резцом: получались бороздки в роде гвоздиков или клиньев, почему этот способ называют теперь *клинописью*. Вероятно, так же, как у египтян, письмо вавилонян началось с рисунков: в некоторых знаках можно узнать звезду, пчелу и т. д. Но при их способе быстро водить по мягкой глине очертания рисунка выходили неясными; скоро первоначальные фигуры были забыты, и остались просто условные знаки для слов, слогов и звуков.

Высохшие написанные дощечки можно было очень долго хранить. Целая книга имела вид стопки положенных друг на друга кирпичиков. Разрывая холмы и мусор на месте старых городов Двуречья, еврейцы нашли большую кирпичную библиотеку. Она принадлежала царю соседней с Вавилоном Ассирии. Ассирияне усвоили науку и искусства Вавилона; царь ассирийский Ассурбанипал, живший почти 1500 лет спустя после Хаммураби, положил много стараний на то, чтобы собрать старинные и новые книги, в которых записаны были сказания, молитвы, наблюдения над небом, гадания.

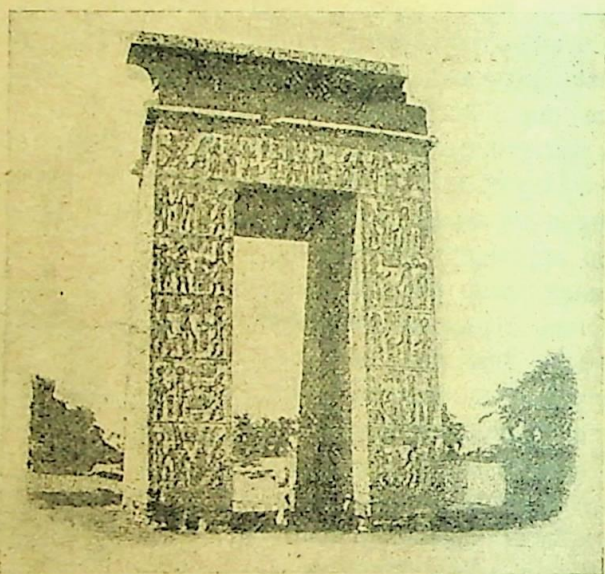
Азиатская держава египтян 1500—1200. Около 200 лет спустя после Хаммураби степняки вдоль всей аравийской пустыни пришли в сильное движение. Большие орды, под начальством *хиксов* (пастухов), направились через Суэцкий перешеек на богатую плодородную Дельту Нила. Хиксы покорили земледельческий Египет, но не перешли к оседлости: их султан вместе с главными вождями остался среди Дельты в большом лагере Аварисе, где они держали награбленные богатства; за получением дани хиксы посылали сборщиков, снабженных государевой печатью. Только фиванцы на юге Египта сохранили независимость.

Сфинкс Тутмоса III.

Около полутора ста лет длилось господство хиксов над долиной Нила. В 1580 г. до Р. Х. фиванский фараон, собравшись с силами, взял приступом лагерь хиксов в Аварисе и разрушил их державу. Часть степных хиксов фараон принял к себе на службу; египтяне заимствовали у хиксов обычай сражаться на лошадях и применять в бою колесницы, запряженные парой; в войско стали нанимать еще левийцев (с запада) и темнокожих нубийцев. Началось *новое фиванское царство*. Командуя большой хорошо вооруженной армией, фараоны двинулись в Азию, и завоевали себе во второй раз Ханаан и завоевали всю Сирию.

Воинственный Тутмес III (около 1500 года) в своих походах добрался до гор Тавра в Малой Азии и до реки Ефрата. В Фивах к

Триумфальные ворота в Фивах.

возвращению домой были выстроены триумфальные ворота: фараон ехал под высокой аркой на своей военной колеснице в сопровождении непобедимого воинства. О подвигах Тутмеса рассказывают надписи на 4 громадных *obelisks* (каменных заостренных кверху четырехсторонних столбах), которые он велел воздвигнуть; два из них были поставлены к югу в Фивах и два — на севере Египта в Гелиополе. В новое время всем хотелось забрать великолепные памятники египетского завоевателя. Один из обелисков Тутмеса взяли турки для Константинополя; другой приобрел папа для Рима; третий увезли англичане в Лондон и четвертый — американцы в Нью-Йорк.

Каждый из фараонов-воителей старался оставить по себе память большой постройкой в столичном городе Фивах; каждый пристраивал свое святилище к храму главного фиванского бога Амона, который считался теперь завоевателем всего мира. В наше время арабская деревня *Луксор* занимает один угол большой храмовой усадьбы в Фивах. Длинная почти в 2 версты аллея вела к другому храму, где стоит сейчас другая деревня *Карнак*; по обе стороны аллеи были расположены большие *сфинксы*, точно каменные стражи, оберегающие дорогу. В Луксоре до сих пор стоят большие входные ворота—*пилоны*, в виде двух башен, похожих на крутые срезанные пирамиды; остались так же развалины огромной колонной залы в 50 сажен длины; столбы (до 150 числом), поддерживавшие ее крышу, были пестро и ярко разрисованы в виде стеблей, наверху раскрывавшихся цветочными чашечками.

Торговля и посольства египтян. Во времена Нового царства египтяне далеко раздвинули свои поездки и сношения. Морем на север они направлялись к острову Кипру, богатому медью. Далее они ехали к острову Криту, который уже принадлежал к Европе. Властители Крита обладали большим флотом: в Кноссе на северном берегу острова они выстроили огромный укрепленный дворец и держали блестящий двор. Критяне мастерски готовили большие глиняные вазы, выравнивая их на *гончарном колесе* и расписывая яркими красками. Много красивой посуды посылали они в Египет, в свою очередь получая от туда предметы роскоши.

Египетские товары везли также сухопутные караваны, направляясь вдоль берега Средиземного моря долинами Сирии к Ефрату и затем по самой реке вниз к Вавилону. Фараоны стали родниться с вавилонскими царями. Хотя Египет был гораздо сильнее Вавилона, однако, египтянам приходилось объясняться с азиатами на *вавилонском языке*. Даже подчиненные фараону князья Палестины и Сирии писали ему по-вавилонски. Этот язык служил в Передней Азии от 2000 до 1000 года до Р. Х.

Критский кувшин, сработанный на гончарном колесе.

тем же, чем был французский в Европе 200 лет тому назад, и служит в настоящее время английский в большей части света.

В местности Амарна на Ниле, почти посредине между Мемфисом и Фивами, найдены среди развалин царского дворца дощечки, сделанные из нильской глины и исписанные вавилонской клинописью. Они состояли из писем из времен фараона Аменофиса, потомка великого завоевателя Тутмеса. Фараон требует себе в жены дочь вавилонского царя; властители уверяют друг друга в верности и преданности, шлют подарки и желают всяких благ „дому, женам, сыновьям, вельможам, коням, лесницам, войскам и всей стране“. Они напоминают о присылке подарков: египтянину нужна бирюза; вавилонянину — золото. В Амарне послание к фараону ханаанского князя Урусалима (т.е. Иерусалима). Семь раз припадает он к ногам царя и еще семь раз; он молит не верить слухам об его измене: „не от отца и матери получил я страну из могучих рук царя“. Его теснят *хабири*, опустошающие все царские владения; пусть царь пришлет свои войска на помощь.

Среди упомянутых ханаанским князем хабири были евреи, в то время степняки, подвигавшиеся к приморским местностям со стороны пустыни.

Падение египетской державы и начало Израиля. Успехи египтян, собиравших богатства со стран, которые лежали в трех частях света, вызвали жадность других народов. Египетскую державу стали теснить с трех сторон: с востока — степняки, с севера — горцы племени хетиты и с моря — пришельцы из Европы.

Хетиты, утвердившиеся на высоком плоскогорьи Малой Азии, пришли из Туркестана и, по своим обычаям, одежде и наружности напоминают современные нам среднеазиатские племена. Они брили голову, оставляя длинный чуб, заплетавшийся в косу, носили высокие острые конические шапки, широкие, длинные халаты и сапоги с загнутыми острыми носками. Их страна была богата медью, и они могли постоянно готовить себе хорошее вооружение.

Объединившись в большую силу, хетиты спустились с гор Тавра, оттеснили египтян от Евфрата, заняли северную Сирию и пошли к Египту на захват Ханаана. Фараон Рамзес II-й собрал против них все свое войска. В отрогах Ливанских гор хетиты окружили передовой отряд, в котором находился сам царь, и чуть не взяли его в плен; его спасла только большая армия, подоспевшая на помощь. Фараон уступил хетитам большую часть своих владений, удержавши за собой Иерусалим, юг Ханаана и берег Средиземного моря (позднее называвшийся *Финикией*). Рамзес II-й был очень славолобив. Несмотря на неудачу, он велел вырезать на береговой скале, близ города Бейрута, надписи

где сказано, что он—*властитель всей Азии* (Рамзес II-й правил между 1300 и 1250 годом).

Скоро, после нашествия хетитов, с запада появился другой враг. Европейские племена, населявшие Апеннинский и Балканский полуострова, сардинцы, тирренцы и ахейцы, стали составлять дружины и отправляться морем на грабеж. Сначала эти морские разбойники напали на Крит, разгромили Кносский дворец и сожгли его. Потом они обратились на дружественный критянам Египет и высадились с большими силами на берегах Ханаана и у Нильской Дельты. Фараон Рамзес II-й отбил нападение „морских народов“ (так прозвали египтяне нового врага), но азиатские владения пришлось все же покинуть. Одно из чужих европейских племен утвердилось на берегу Ханаана; в Библии эти пришельцы называются *филистимляне* (по-еврейски — пелиштим, что значит — береговые; отсюда в произношении греков страна стала зваться *Палестиной*).

С филистимлянами вступили в борьбу из-за Ханаана *сыны Израиля*, или евреи, прибывшие из аравийской степи с востока. Сначала евреи были воинственным кочевым народом, который со своими стадами поселился среди хананеев, занимавшихся земледелием и садоводством. Постепенно они сблизились с туземцами, начали вступать с ними в браки, жить в городах, стали мягче нравами.

У евреев в старину были выбранные народом вожди, которые назывались *судьями*. Но для войны с филистимлянами народ провозгласил царем с неограниченной властью Саула. Преемник Саула, Давид, около 1000 г. до Р. Х. соединил под своей властью весь Ханаан. Его царство доходило на юге до Аравийского залива. Сын Давида, Соломон, женатый на египетской царевне, построил в Иерусалиме большой храм богу Израиля, по величине и великолепию равный крупным святилищам Фив и Вавилона. Для постройки храма Соломон просил царя приморского финикийского города Тира прислать ему кедр и кипарис с Ливанских гор, а также рабочих; взамен Соломон доставил финикиянам, не имевшим плодородной земли, 20.000 четвертей пшеницы и 20.000 мер оливкового масла. Он позволил финикийским торговцам провозить товары Ханааном для погрузки их на корабли, которые отправлялись Аравийским заливом в страну Пунт и в Индию.

Царство, основанное Давидом, скоро распалось. Народ был недоволен тяжелыми поборами, которых требовал царь Иерусалима для своих походов и построек. Из 12 колен еврейского племени отделились 10, которые и составили на севере *израильское* царство с городом Самарией; сын Соломона сохранил лишь небольшое *иудейское* царство на юге со старой столицей Иерусалимом.

Начало железного века и возвышение Ассирии. В то время, европейцы с моря громили Сирию, Ханаан и Египет, поднялась р. Тигре воинственная держава *ассириян*, которые надвинулись на те страны с востока.

Ассирия, с главным городом *Ассуром*, была небольшой областью левой, нагорной стороне р. Тигра. Ее жители, семитского происхождения, находились долго в стороне от оживленной торговли вавилонян. Они обильно усилились, когда ввели у себя новое железное оружие.

Долгое время люди не обращали внимания на железо, так как оно сырым виде более невзрачно, чем медь. Но там, где меди не хватало, поневоле пришлось взяться за железо. Оружие из нового материала оказалось более крепким и страшным, чем бронза. Некоторые народы проявили большое мастерство в делековки железа; наилучшую сталь вылавывали горцы, жившие в нынешней Армении, близ горько-соленого озера Ван и у склонов горного края Арарата; их старинное имя Урарту, — вот же самое слово, что Арарат.

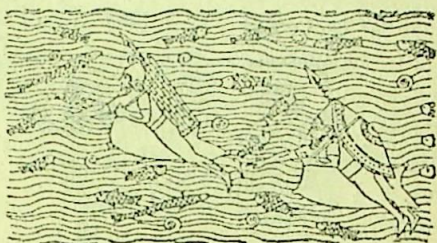
Ассирияне то выменивали железо и сталь у народа Урарту, то совершали к нему набеги за металлом. Всюду они забирали добычу: в виде металлических вещей, набивали склады оружием и кусками железа. Их первым завоеванием была плодородная *Месопотамия*, страна между Тигром и большим изгибом, который делает Евфрат к западу, приближая к Средиземному морю. Здесь ассирияне разбили страшных когда-то хетитов, прогнали их в горы Малой Азии, а с городов, которыми владели хетиты, взяли большой выкуп: золотые чаши, золотые цепи, золотые идола, 100 талантов (т.-е. больших мер) меди, медные идола, медную посуду, 250 талантов железа, мебель из ценного дерева и слоновой кости, 200 рабынь, разноцветные ткани, черный и сиреневый кристаллы, драгоценные камни.

В главном городе своем ассирияне устроили из дани, поступавшей от покоренных, большой *железный арсенал*. Тут были: молотки, заступы, плуги и якоря на цепях, а также много кусков железа с отверстиями на одном конце для подвешивания на веревках; эти клинки держали на случай осады, чтобы иметь большой запас материала дляковки оружия.

Захвативши Месопотамию, ассирияне приобрели в свои руки торговый путь, который шел из Вавилона вдоль больших рек к горным странам Кавказа и к Средиземному морю. Все, что произвели труд и изобретательность вавилонян, перешло к ассириянам. Сама Вавилония, жившая земледелием и торговлей, уступила первое место своей воинственной соседке Ассирии. Ассирийские цари не раз покоряли Вавилон.

Завоевания ассириян 900--650 до Р. Х. Сделавшись самой сильной державой в Передней Азии, Ассирия, подобно Вавилону при Хаммураба,

устремилась к Средиземному морю. Здесь завоеватель привлекали плодородные оазы и долины Сирии и Ханаана, а также богатые торговые города, лежавшие на берегу Финикии. Страшной грозой налетали ассирияне на противника, быстро двигались вперед воины: они переплывали реки на больших раздутых мехах или перегораживали поток стволами деревьев. На множестве картин, изображенных ассирийцами, можно видеть однообразные ряды мускулистых, мрачных, бородатых воинов; голова их, покрыта остроконечным медным шлемом; на теле, поверх убахи, панцырь т.-е. кожаная куртка, обитая выпуклыми металлическими пластинками; в одной руке—длинное копье с железным наконечником; в другой—большой щит, обитый бронзой; ноги также защищены металлическими полосами. Такой воин был почти неуязвим.

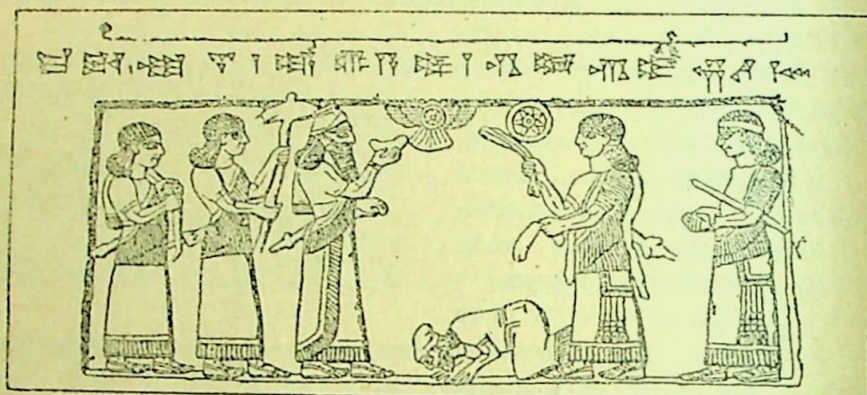

Ассирийские воины, переплывающие реку на раздутых мехах.

При нападении страны были также боевые колесницы, обитые медью и запряженные парой лошадей. На них обыкновенно стояли три человека: возница, стрелок из лука, или конейщик, и оруженосец, закрывавший воина щитом. Ставши в ряд, эта тяжелая кавалерия старалась сильным натиском опрокинуть врага. Когда он рассеивался и бежал, воины на колесницах добивали и растаптывали колесами отступающих, сбрасывали беглецов в реку. За армией следовал отряд землеконов и механиков, которые выравнивали дороги в горных местностях, готовили орудия для разрушения стен, и т. д. Ассирийские солдаты казались людьми несокрушимой силы. Иудейский пророк Исаия, близко видевший их, говорит: „смотри, вот они спешно и быстро подходят, и нет среди них ни одного усталого или ослабевшего, никто не задремлет и не заснет. Ни у кого из них не распухнет пояс на боку и не оборвется ремень на обуви: стрелы у них заострены; все тетивы натянуты. Копыта их коней словно из камня, а колеса—как бурный вихрь. Рев их подобен львиному; они рокочут, как молодые львы, с рычаньем хватают добычу и уносят ее; никто не в силах укрыться от них!“

Суровы были и вожди ассириян. На стенах дворцов, на каменных досках и столбах они оставили рассказы и отчеты о своих предпринятых, где с особенной гордостью говорят о разрушениях, которые они произвели, об уничтожении городов и сел. Один из них пишет: „я пронесся подобно истребительному урагану. На обгащенной земле оружие тонуло в крови врагов, как в реке. Я нагромоздил трупы солдат в виде победных кур-

ганов и отрубил им конечности. Пленникам я отсекал руки; я сокрушил их, как соломѣ. Часто ассирияне постребляли все мужское население покоренной земли; женщины и детей забирали в плен и продавали в рабство. Иногда, впрочем, щадили часть побежденных, но лишь для того, чтобы

Иеуя, царь израильский, преклоняется перед Салманассаром, царем ассирийским. Слова наверху поясняют: „поцеловал ноги царя и вымел землю своей бородой“.

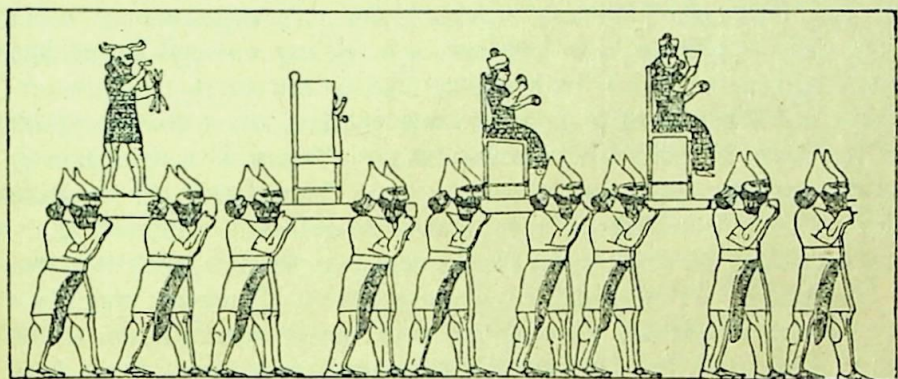
насилъно переселить их в другую покоренную и опустошенную страну там новые переселенцы не могли быть опасны, но должны были работать на земле и платить дань.

На картинах видно, как цари и их приближенные стоят с важной осанкой, гордо выпрямленные, или несѹтся, бешено увлекаемые конями в опасной охоте на львов. Или еще: царь отдыхает в бесѣдке своего парка; он полулежит на высоком диванѣ; ниже сидит на креслѣ одна из его жен, оба с кубками в руках, кругом придворные, размахивая веерами, прохлаждают царскую чету; на ближнем деревѣ висит, раскачиваемая ветром, голова побежденного царя-соседа.

Ассирийскій царь Салманассар в 855 году до Р. Х. надвинулся в Сирію и Палестину; заставил израильскаго царя Іеуя выразить полную покорность; прошел к берегу Финикіи и, разграбив ея города, велел поставить надпись о своих победах рядом с камнем фараона Рамзеса I. так же, как египтянин, ассирийскій царь объявил себя властителем всей Азии. Сто тридцать лет спустя царь Саргон захватил Самарію, столицу израильскаго царства, опустошил страну и переселил большую часть народа в горныя области, лежавшія за Тигром (722 г.). Его сын, Сеннахериб, подступил к Іерусалиму. Иудейскій царь Езекия спасся только тем, что выразил полную покорность завоевателю: он послал в новую столицу ассириян, *Виневію*, 300 талантов серебра, 30 талантов золота, драгоценныя камни, своих дочерей и придворных слуганок. Иудейскіе

пророки называют Ниневию „логовищем львов, кровавым городом, скопищем добычи“. Внук Саргона, царь Асаргаддон, прошел в Египет, захватил Мемфис и Фивы; нильская долина стала доставлять ассириянам свои урожаи. При царе Ассурбанипале, собирателе священных книг вавилонских, ассирийское государство простиралось от гор Армении и Ирана до Сахары.

Падение Ассирии и Иерусалима. Великая держава Саргонидов (т.-е. потомков Саргона) продержалась недолго. В Египте Псамметих, один из князей соседней Ливии, нанял *греческих* воинов, прибывших морем, и изгнал ассириян с Нила. Вавилоном завладели степняки *халдеи*, а с гор Ирана надвинулись на Ассирию *мидяне*, принадлежавшие к большой

Ассирийские воины несут изображение богов.

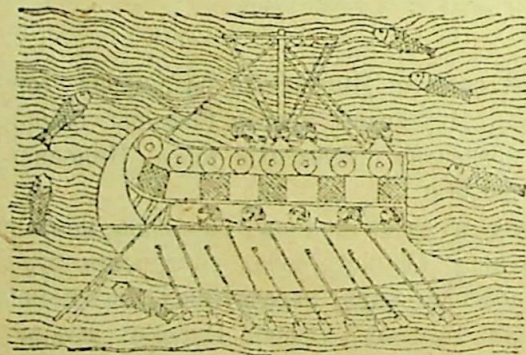
ветви *арийских народов*. Мидяне осадили Ниневию и разрушили город до основания (607 г. до Р. Х.). Иудейский пророк Софония говорит: „Господь истребит Ассирию и превратит прекрасный город Ниневию в пустыню, в дикий край, где нет дороги“.

Царь халдейский Навуходоносор из своей столицы, Вавилона, повторил походы ассириян к Средиземному морю. Он потребовал покорности иудеев и подступил к Иерусалиму. Иудейский царь рассчитывал на помощь египетского фараона и не сдавался. Напрасно пророк Иеремия предостерегал не обманываться и не ждать избавления. „Даже если вы разобьете все войско халдеев и оставите лишь несколько раненных, они поднимутся каждый из шатра своего и сожгут этот город огнем“. Пророка не послушали и бросили в тюрьму. Навуходоносор взял Иерусалим и поступил так же, как раньше Саргон с израильским царством: разрушил город и храм, взял в плен царя и переселил часть иудейского народа в Вавилонию (в 588 г. до Р. Х.). Это—начало *великого вавилонского пленения*.

Финикияне. Жители долины Нила и Евфрата, египтяне и сумеры, создали истари сами свою культуру (т.-е. богатства, изобретения, науку). Позднее народы семитского племени, вавилоняне, ассирияне, евреи, финикияне, заимствовали у старинных туземцев их искусство и знания. Из всех семитов финикияне оказались самым подвижным народом: в своих торговых поездках они далеко распространили во все концы культуры Египта и Вавилона.

Финикия составляет береговую полосу Сирии, отделенную от остальной страны крутым хребтом Ливана. С тех пор, как египтяне завладели Сирией, береговые жители взяли на себя подвоз товаров из Азии в Египет и сбыт египетских произведений за границей. Одни стали ходить караванами вдоль Сирии к Евфрату и на юг, вдоль Аравийского залива к так наз. Счастливой Аравии. Другие двинулись морскими путями, по которым раньше ездили сами египтяне: к о. Кипру, который лежит прямо против Финикии, к Малой Азии и еще дальше на запад.

Скоро места отправки и приема товаров сделались бойкими приморскими городами. Из них особенно выдавались *Тир* и *Сидон* (о предприимчивости тирских финикиян и дружбе их с Соломоном было рассказано раньше). Финикийские города окружили себя крепкими стенами; под их защиту спасались беглецы, когда Сирию стали громить страшные завоеватели — ассирияне. От наплыва новопоселенцев в Финикии стало тесно: многие начали снаряжать корабли для того, чтобы искать новой родины. Перед ними открывался широкий морской путь к странам запада.

Финикийская галера по рисунку ассириян.

Средиземное море и колонию финикиян. В старину морское плавание было непохоже на современное. Морские выезжали только летом, они не решались далеко отходить от берега, погибали иногда ради этого огромные дуги вместо того, чтобы ехать прямо в открытое море, или перебирались от острова к острову, стараясь уже при выезде заметить впереди ближайшую стоянку. Средизем-

ное море вырезано именно таким образом, что в нем можно делать не большие переезды. Далеко вытянулись с севера 4 длинные выступа: Пиренейский, Апеннинский, Балканский и Малоазийский полуострова. На встречу первым двум выдвигаются оконечности северо-западной Африки.

Марокко и Тунис. В виде продолжения мысов, от которых могут выходить в море плаватели, поднимаются острова: Кипр, Родос, Крит, Сицилия, Сардиния, Корсика, Балеарские. Это — промежуточные стоянки, с которых часто видна дальняя следующая цель.

Первые заморские поселения были основаны финикийцами на о. Кипре. Им пришлось миновать о. Крит и берега Балканского полуострова, так как тут жили племена, в свою очередь искусные в морском деле. Дальше к западу финикийцы утвердились на о. Сицилии и против Сицилии на выдавшемся полуострове северо-западной Африки в нынешнем Тунисе, где ими был основан около 700 года до Р. Х. *Карфаген* (что значит „Новгород“). Направляясь уже из Карфагена, финикийцы заняли южные берега Испании, богатой серебром. Пророк Исаия сравнивает финикийские корабли, нагруженные испанским золотом и серебром, с быстро несущимися облаками, с голубями, которые летят к своим домам.

Финикийские города, расположенные в трех частях света, не составляли одного государства. Но между городами *метрополи*, т.-е. родины, и *колониями*, т.-е. новыми поселениями, сохранились дружеские отношения; везде чтили солнечного бога Мелькарта, который странствует с мореплавателями, показывает им путь; изображение его ставили в гавани; перед отплытием и по окончании путешествия ему приносили жертву.

Добравшись до Гибралтарской скалы, против которой поднимается высокий берег Африки, финикийцы сначала решили, что Мелькарт поставил здесь людям пограничные столбы: позади них бог уходит на покой. Но потом они отважились и за столбы. На берегу Испании у Атлантического океана они построили на выдающейся скале *Гадир* (нынешний Кадикс). Особенно далеко финикийские моряки плавали на юг вдоль берегов Африки: они знали Канарские острова и Гвинею. Однажды финикийцы, находившиеся на службе египетского царя, совершили путешествие кругом всей Африки, отправившись Аравийским заливом на юг и вернувшись через Гибралтарский пролив Средиземным морем к устью Нила.

Ни один народ в старину не объехал столько стран, как финикийцы. Им хорошо были известны извилины берегов Средиземного моря, проливы его, стоянки на островах, удобные гавани и опасные скалы или мели. От тех двух названий, которые они дали своей родине и новооткрытым землям, *асу* (восход) и *зреб* (закат), произошли имена двух материков, Азия и Европа.

Финикийцы везли на Запад по большей части изделия вавилонского и египетского ремесла: ткани, оружие, посуду, предметы роскоши, между ними стеклянные вещи; напротив, с Запада в Азию они доставляли сырые материалы: металлы, красную краску, добывавшуюся из пурпуровой

упткп. С берега Балтийского моря они получали янтарь, ценившийся украшениями, из нынешней Англии олово, необходимое для приготовления бронзы. Тот и другой предмет подвозились через Среднюю Европу в долинах рек к берегам Средиземного моря. Финикийцы воспользовались не только товарами, но также изобретениями Вавилона и Египта. Они взяли оттуда меру и вес, а также азбуку. В торговом деле им нужны были простые знаки, которые можно быстро писать. Они заимствовали поэтому одни *звуковые* буквы, в их азбуке было только 22 знака. На финикийскую азбуку похожи все позднейшие европейские азбуки (греческая, латинская, германская, славянская).

Во времена Саргона, около 700 года до Р. Х., финикийцы встретили на море сильных соперников в лице греков.

III.

Старинная Греция.

Греция и Эгейское море. Страна, которую вот уже около 3000 лет занимают греки, составляет южную часть Балканского полуострова. Это — край очень гористый; по всем направлениям расходятся горные хребты и ветви. От широкой части полуострова очень трудно пробираться на юг; одна загородка поднимается за другой. Высокий, покрытый снегом край *Олимпа* закрывает доступ к самой большой греческой области *Фессалии*. Между этой областью и *средней* частью Греции опять горные цепи, через которые нет дорог, а есть только трудные перевалы. Восточный край средней Греции выходит острым углом в море; это — *Аттика* (что значит „предгорье“, или „мыс“). Узкий перешеек *Истм* соединяет среднюю Грецию с крайним югом, *Пелопоннесом*, т. е. „островом“ Пелопоннеса (имя одного из старинных царей); действительно, эта часть более всего похожа на остров, так как со всех сторон омывается морем. Восточный, выдававшийся подобно Аттике, край Пелопоннеса называется *Арголидой*. На юге Пелопоннес оканчивается тремя мысами; между ними лежат две плодородные долины *Лакония* и *Мессения*. Вся Греция разбита на небольшие области, и во всякой из них мог засесть независимый народ.

На каменистой почве Греции плохо вырастает хлеб; скорее привилась оливка и виноград; можно также разводить скот, коз и овец, которые щиплют траву на склонах. Пресной воды в стране мало: с гор водопадами сбегает речки и ручьи, после короткого течения впадающие в море; летом многие из них высыхают. Оттого из-за воды были вечные ссоры между соседями.

Живя в такой скудной земле, люди легко снимались с места, бросались на грабеж чужого, искали новых поселений. Везде открывалась для поездок удобнейшая дорога—море. Особенно выгодно устроено восточное, *Эгейское* море. Оно больше похоже на озеро. С двух сторон, северной и западной, оно закрыто Балканским полуостровом, с третьей, восточной—Малоазийским; с юга оно загорожено, точно засовом, длинным островом *Критом*. Во многих местах Эгейское море входит в землю глубокими бухтами, в которых нет бурь, и суда могут стоять спокойно. Всюду недалеко от берега виднеется островок или даже несколько островков, которые составляют точно продолжение выдавшихся в море мысов. За мелкими *Кикладами* (т.-е. лежащими в кругу) дальше на восток расположены более крупные острова *Хиос*, *Самос*, *Родос*, подходящие близко к берегу Малой Азии.

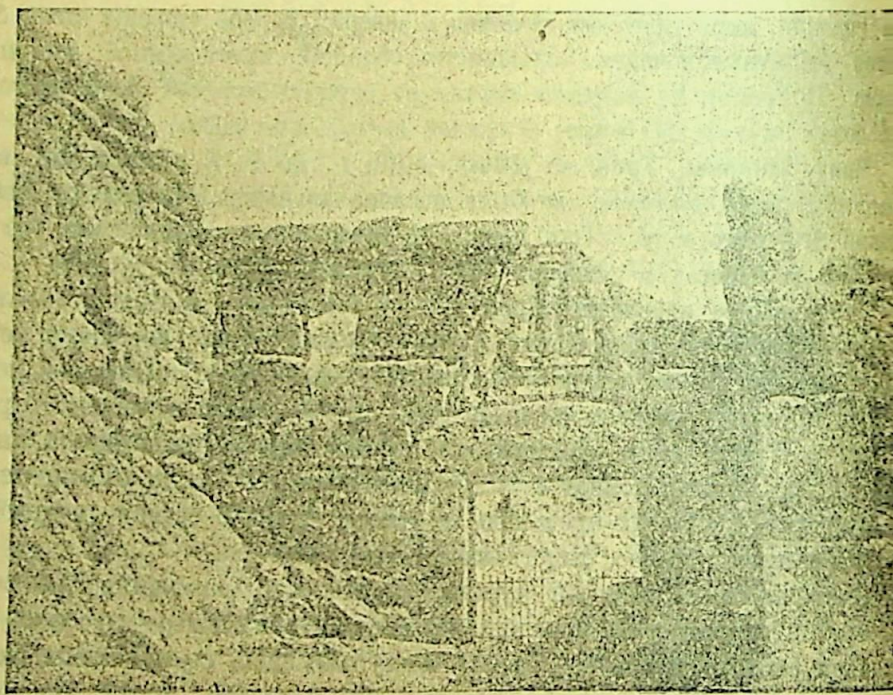
Эгейское море неспокойно только в короткое зимнее время. В остальные месяцы моряки пользовались правильными ветрами и течениями. Днем поднимается сильный северный ветер, который к вечеру ложится. По середине моря проходит течение с севера; по обе стороны вдоль берегов—обратные течения. Большинство областей имеет прямой доступ к морю. В Греции не найдется места, от которого морской берег отстоял бы более, чем на 60 верст; с каждой высоты оно видно.

Крит, Микены, Троя от 2000—1000 г. до Р. Х. Греки, или, как они себя звали, *эллыны*, не были первоначальными обитателями побережий Эгейского моря. Они пришли с севера из-за Балканских гор и застали на берегах и островах более старинных туземцев.

Это прежнее население Греции по своему быту, одежде и правам было непохоже на позднейших греков. Туземцы были хорошими моряками; их вожди выстроили себе дворцы недалеко от выездов в море. Самый крупный из этих дворцов стоял в *Кноссе* на северном берегу о. Крита. Греки потом рассказывали о нем чудеса, называли его Лабиринтом, по обилию комнат и запутанности ходов похожим на египетский Лабиринт; согласно их преданию, в Кноссе царил в старину мудрый и могущественный Минос, сын главного Бога Зевса.

Очень недавно разрыли курган, скрывавший развалины кносского Лабиринта. Раскинутое широким квадратом трехэтажное строение—величиной с целую крепость. Наружу выступают лишь глухие стены; войти в покой можно было только со двора, расположенного внутри. По краям здания вдоль длинных коридоров расположены кладовые, где хранились запасы, помещались гардеробы, посуда, оружие; ко двору ближе—просторные залы, где проходил большой прием у государя или совершалось богослужение.

В одной из зал, разделенной колоннами, кипсский царь с в трона мог обозревать свой многочисленный двор, стоявший ряд длинной очереди. В торжественных церемониях по открытым терра мощным дорожкам носили священные предметы и изображения бо опять в этом участвовал весь двор. Праздник в честь богов зак вался хороводом, пением и живыми картинами; для таких представ имелась открытая сцена с царской ложей, в которую можно было п из дворца внутренним ходом. Очень любили также при дворе смо бон быков и отчаянно-смелые прыжки акробатов через спины раз кных быков. Придворные дамы раскрашивали себе лицо, надевали кие шляпы и наряжались в пышные платья, туго натянутые на к лины; царские нарки загибали волосы, корсетом стягивали себе у талию. Вдоль стен, покрытых яркой живописью, стояли художест расписанные вазы: особенно любили критяне изображения глубины ской, водорослей, осьминогов и т. д. (ср. рисунок на стр. 47).

Львиные ворота в Микенах.

Кроме Крита были сильные вожди в *Микенах* (в области Арголь в *Афинах* (в Аттике) в *Трое* (в северо-западном углу Мало-азиатского полуострова близ пролива Геллеспонта, ведущего из Эгейского моря

Черное). Дворцы этих вождей были меньше кносского Лабиринта: дом, в котором жила царская семья, скрывался внутри укрепленного замка, выстроенного на холме с очень крутыми склонами. В Микенах наружные стены замка давно разрушены, но до нашего времени сохранились входные ворота, так наз. *львиные*: косяки и притолки состоят из цельных камней, а над ними две львицы, приподнявшиеся на передних лапах.

В Микенах, как на Крите, старинные вожди любили золотые и серебряные чаши, украшенные выпуклыми картинками, зеркала, медальоны, книжалы с нарезными рисунками, туалетные вещицы из слоновой кости. Двери и пороги блестяли металлической обивкой, пол выкладывался из цветных камешков, карнизы покрыты были яркой синей глазурью. Загробную жизнь представляли себе, как старинные египтяне. Задолго готовил себе вождь гробницу на подобие египетской пирамиды. Она выкладывалась в виде большого каменного свода внутри скалы; купол разукрашен металлическими розетками, как будто изображая небо, усеянное звездами; на лицах умерших лежали золотые маски. К склепу вел длинный узкий коридор; над входом одной гробницы лежит камень в 7½ тысяч пудов.

В то время, когда хетиты столкнулись с египтянами, т.е. около 1400 г., стали появляться на берегах Эгейского моря воинственные греки. Их привлекали богатства, накопленные вождями Крита, Микен и Афин. Большая орда греков нагрянула на кносский Лабиринт, перебила все его население и сожгла великолепный дворец. Пришельцы были люди грубые, лишенные вкуса; они безжалостно уничтожили все произведения искусства. Микенский замок, который был поменьше, уцелел; греческие вожди нашли его удобным для жилья. Вместе с другими европейскими племенами греки совершили большое нападение на Египет и Сирию, о котором мы знаем из египетской истории; египтяне прозвали нападавших „морскими народами“.

Героический век в Греции 1000—700 г.г. до Р. Х. После нашествия греков весь быт побережий Эгейского моря стал проще и беднее; исчезли большие гробницы, похожие на египетские, художественные сосуды; забыли мастерство возведения больших изукрашенных внутри зданий. Позднейшие поколения смотрели с удивлением на остатки старинных построек и считали их работой допотопных великанов (*киклопов*).

Завладев богатствами прибрежных жителей, греки не успокоились. Предприимчивые вожди время от времени собирали дружины товарищей и слуг из самых сильных людей и отправлялись морем на крупный грабеж. Иногда такими набегами жил целый народ. Забранную добычу частью продавали и выменивали. При дележе захваченного богатства народ считал своего вождя особой наградой, уступал ему лучших пленни-

ков, которые делались рабами, выделял ему лучший участок земли всей области. Когда все племя сходилось на общий пир в честь бога-покровителя, вождя сажали выше всех и давали ему лучшие куски жертвенного мяса.

Греческие вожди считали себя существами высшей породы, назывались *героями*, потомками богов, принимали царский титул. Но их не сравнивали с восточными царями Египта, Вавилона и Ассирии. Владения были передко с наш небольшой уезд или даже волость; под началом были отряды в несколько сот человек. Иногда среди них выпался сильный вождь, который требовал в своих затеях подмоги других, мелких. Старинное сказание передает о большой войне европейских греков с Троей в Малой Азии следующее.

Сын троянского царя Приама, Парис, похитил Елену, жену Менелая царя Спарты в Лаконии. Брат обиженного, Агамемнон, сильный царь Микен, вызвал своих подчиненных и союзников из Арголиты, Лаконии, Фессалии, Аттики, с Крита и других островов. Греческие витязи со своими дружинами отправились морем к Трое, вытащили на берег сушу и устроили укрепленный лагерь с валом и рвом. Каждый день выходили они на бой с троянцами, которые покидали свои крепкие стены, оставляя внутри них только стариков, женщин и детей. Брать укрепления в это время не умели. У осажденных и осаждавших паслись стада в стороне от города и лагеря; иногда воины заняты были тем, чтобы отбить скот у врагов.

Битвы. Вожди и их товарищи выезжали вперед на двухколесных повозках, запряженных парой коней; они были одеты в бронзовые латы и шлемы; в левой руке был тяжелый медный, обтянутый кожей щит, иногда щит был роскошный, разрисованный фигурами и с позолотой; в правой руке было длинное ясеневое копьё с металлическим наконечником. В повозке ехали двое, обыкновенно близкие друзья; один стоял, готовясь бросать копьё, другой управлял конями. Простые воины шли кулаками кругом вождей, пешие, в холщевых рубашках и кожаных шапках с короткими дротиками; они бились враспынную. Встретив такую кучу пеших врагов, вождь проскакивал между ними или гнал с десятком перед собою.

Вожди и богатыри обеих войск искали друг друга, чтобы померять силами. Перед поединком они спрашивали имя друг у друга, хвастались, вызывали один другого или выговаривали условия: например, чтобы победитель, сняв с убитого доспехи, выдал родным тело для погребения, не бросал на съедение собакам. Иногда, если силы противников были равны, они расставались мирно, даже менялись оружием. По временам оба войска уговаривались выпустить своих лучших бойцов и ставить

условие, что та сторона, богатырь которой будет побежден, должна отступить или выдать выкуп. Тогда все воины сядились рядом и смотрели на бой. В поединке сначала бросали конья, от которых противник закрывался щитом; иногда метали друг в друга попавшийся под руку тяжелый камень; наконец, подойдя вплотную, рубились мечами.

Совет вождей и общее собрание воинов. Агамемнон распоряжался иной раз сам, а иногда, если ему нужна была поддержка других вождей, звал их всех на *совет*. В собрании вождей каждый по очереди брал в руки царский жезл (скипетр) и говорил свое мнение. Иные говорили очень красно и их охотно слушали. Нередко вожди распаялись в споре и бранили главного царя. Они позволяли себе уходить от общей битвы со своими товарищами и слугами. Лучший греческий витязь Ахилл, поссорившись с Агамемноном из-за добычи, остался сидеть без дела в своей палатке. Два других богатыря, храбрый Диомед и хитроумный Одиссей, не спрашиваясь Агамемнона, совершают смелый набег на заснувший конный отряд, который только-что прибыл на помощь Трое, и крадут лошадей, чтобы оставить добычу только себе.

Когда надо было обдумать важное решение, главный царь звал всех воинов на общее собрание. Царские вестники скликали их по лагерю громким голосом. Народ, собравшись, садился рядами: на особом возвышении сажались вожди. После ссоры с Ахиллом, Агамемнон созвал собрание и стал спрашивать, хотят ли они продолжать осаду или готовы ехать домой. Поднялся шум, и большая часть греков бросилась бежать к кораблям. С трудом остановили их вожди. Тогда выступил простой воин, Терсит, и начал нападать на царей, особенно на Агамемнона: „Всегда у вас на уме собственная выгода, а воины за вас отдуваются, получают раны и удары“. Терсита стали-было поддерживать другие воины, но Одиссей схватил палку и жестоко избил оратора. Из этого случая видно, что возражать царю было опасно, но вовсе не считалось преступлением. Совсем иначе посмотрели бы на такое дело при восточном дворе; там смельчак поплатился бы жизнью.

Быт вождей. Между вождями и простыми людьми была, однако, большая разница. Не даром вожди в старинных греческих песнях зовутся „благородными“, „жирными“, „счастливыми“ людьми. Царь жил во дворце со своей родней и кормил за своим столом товарищей и подначальных вождей. В доме Приама, по словам песни, жили 50 его женатых сыновей и 12 дочерей с мужьями. Это был целый род. Спали в небольших каменных каморках, а на обед или для беседы собирались в просторный деревянный зал внутри дома. В середине его горел очаг. В жизни было много грубости: кругом очага в зале стояла зола и сор; оружие, висевшее на стене, было покрыто копотью от дыма. В комна-

тах и на дворе бросали в углы, что попало: кости, пищу, об'едки, входе в ворота можно было наткнуться на навозную кучу, на гол лежащая старая собака; кругом дома бродило много лишней дворни.

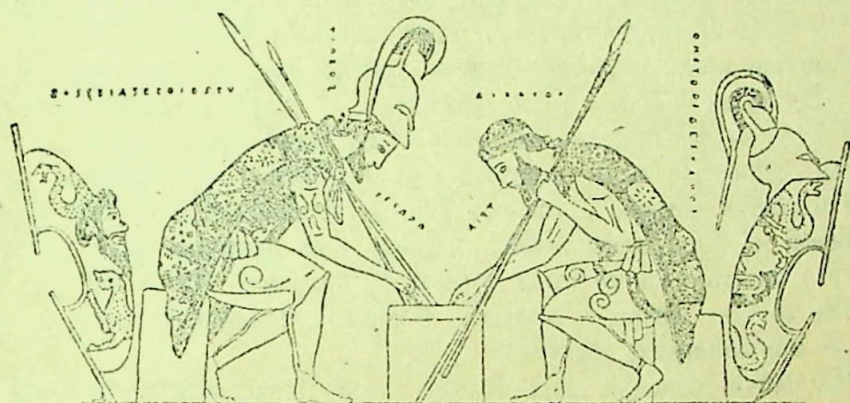
Владелец замка имел у себя в поместье все, что было нужно пропитания. В садах и на полях работали крепостные или наемные люди. В девичьей сидело множество рабынь; они пряли и ткали одежду для всего дома. У Одиссея, царя острова Итаки, во дворце было 500 рабынь, и к стадам было приставлено столько же рабов; всего у него было 72 стада; из них 24 стада свиней в 1200 голов. Господа и сами умели много сделать: на войне они жарили мясо в палатке; царь Одиссей готовил себе кровать и небольшой корабль. Царица сидела за шитьем с служанками; царская дочь ходила с рабынями полоскать белье в речку.

Витязи умели хорошо торговать захваченными богатствами. Агамемнон посылал на ближний к Трое остров Лемнос медь, железо, бычьи шкуры, пленных рабов и получал от лемнийского царька в обмен серебряные и золотые чаши.

С большой пышностью справлял вождь похороны своего родного сына или близкого. Под Троей витязь Ахилл потерял в битве друга, названного брата своего Патрокла. Ночью к нему является душа умершего, умоляя поскорее похоронить тело, иначе она не может пройти в подземный мир через адскую реку и осуждена блуждать; Ахилл хочет обнять душу,—так похожа она на умершего друга,—но она, испуганная дымом, опускается в землю с тихим шелестом. На другой день войны собирают огромные дубы и устраивают из поленьев широкий костер. Ахилл и другие срезают с себя волосы и бросают на костер. В середину кладут тело умершего; тело покрывают жиром жертвенных баранов, быков, а туши их разбрасывают кругом; около тела ставят еще чашни с маслом и медом. На костер кидают убитых лошадей и собак. Наконец, Ахилл бросает еще 12 зарезанных молодых пленников и зажигает огонь. Всю ночь льет он на землю вино из кубка, призывая на помощь огонь. Утром потухающий костер заливают темным вином, отбирают кости сожженного труна и кладут их в золотой сосуд. Останки засыпают сверху высоким курганом.

Певцы. Вожди любили слушать песни о своих подвигах. При дворах постоянно гостили певцы, которые слагали новые былины или повторяли старые, особенно любимые. Певец мерно и протяжно сказывал быль, ударяя по струнам гуслей. Иногда он пел среди хоровода; около него так вертелись скоморохи. Лучшие песни были позднее соединены поэмами поэтами в два больших стихотворных рассказа, Илиаду и Одиссею. Греки приписывали их одному автору, — Гомеру.

В Илиаде рассказывается о битвах под Троей (иначе называемой Илион) и, особенно, о подвигах Ахилла, лучшего греческого витязя, сына морской богини. Ахилл поссорился из-за добычи с главным царем, Агамемноном и перестал биться против троянцев; но когда троянский богатырь, сын царя Приама, Гектор, убил его друга, Патрокла, и снял с него Ахилловы доспехи, кованные самим богом огня, разъяренный Ахилл вышел на мщение; он перебил множество троянцев и в поединке зако-

Два витязи играют в кости.

лот Гектора. Старик Приам видит со стен, как тело его любимого сына предается позору, привозит страшному Ахиллу дары и выпрашивает труп Гектора на погребение.

В Одиссее рассказывается о том, как после разрушения греками Трои царь Одиссей поехал домой, но был занесен далеко, испытал много чудесных приключений, потерял все свои корабли и товарищей и вернулся на свой родной остров Итаку нищим. Дом Одиссея оказался разграбленным; там пировали молодые князья, которые искали руки его жены и обладания царским дворцом; Одиссей при помощи богини Афины перебил их и воцарился опять.

Игры. Когда царь принимал знатного гостя или поминал умершего, он любил показать и свое богатство, и удалство богатырей. Похоронив Патрокла, Ахилл позвал всех греческих вождей на воинские игры в честь убитого. Сначала шестеро лучших возниц поскакали на колесницах большим кругом по полю. Наградой победителям Ахилл выставил на первый приз искусную рабыню-работницу и огромный медный сосуд для варки еды; на второй—лошадь; на остальные—свешанное золото и кубок. Пока неслись ездоки по полю, между зрителями многие держали пари. Затем состязались в беге, и тут первый приз взял Одиссей, лучший бегун после Ахилла, который в играх не участвовал, а только присуждал награды.

ской силой: богиня-воительница кричит в битве, как несколько десятков человек; морской бог Посейдон в четыре шага переходит пол-моря.

Иные представления у Гесиода, который не любит воинственных героев и всей душой стоит за миролюбивое, трудовое крестьянство. Гесиод верит, что верховный бог Зевс — единый правитель мира; бесчисленному множеству бессмертных духов поручает он окривлять людей. Божество далеко от человеческих страстей. Дочь Зевса, Дева-Правда, открывает ему все обиды, творимые на земле, все замыслы нечестивцев. Гесиод обращается к царям и судьям с пророческими словами: „судите по-совести; не произносите несправедного приговора. Око Зевса все видит, все знает: он может покарать все народ за безумную гордость царей“.

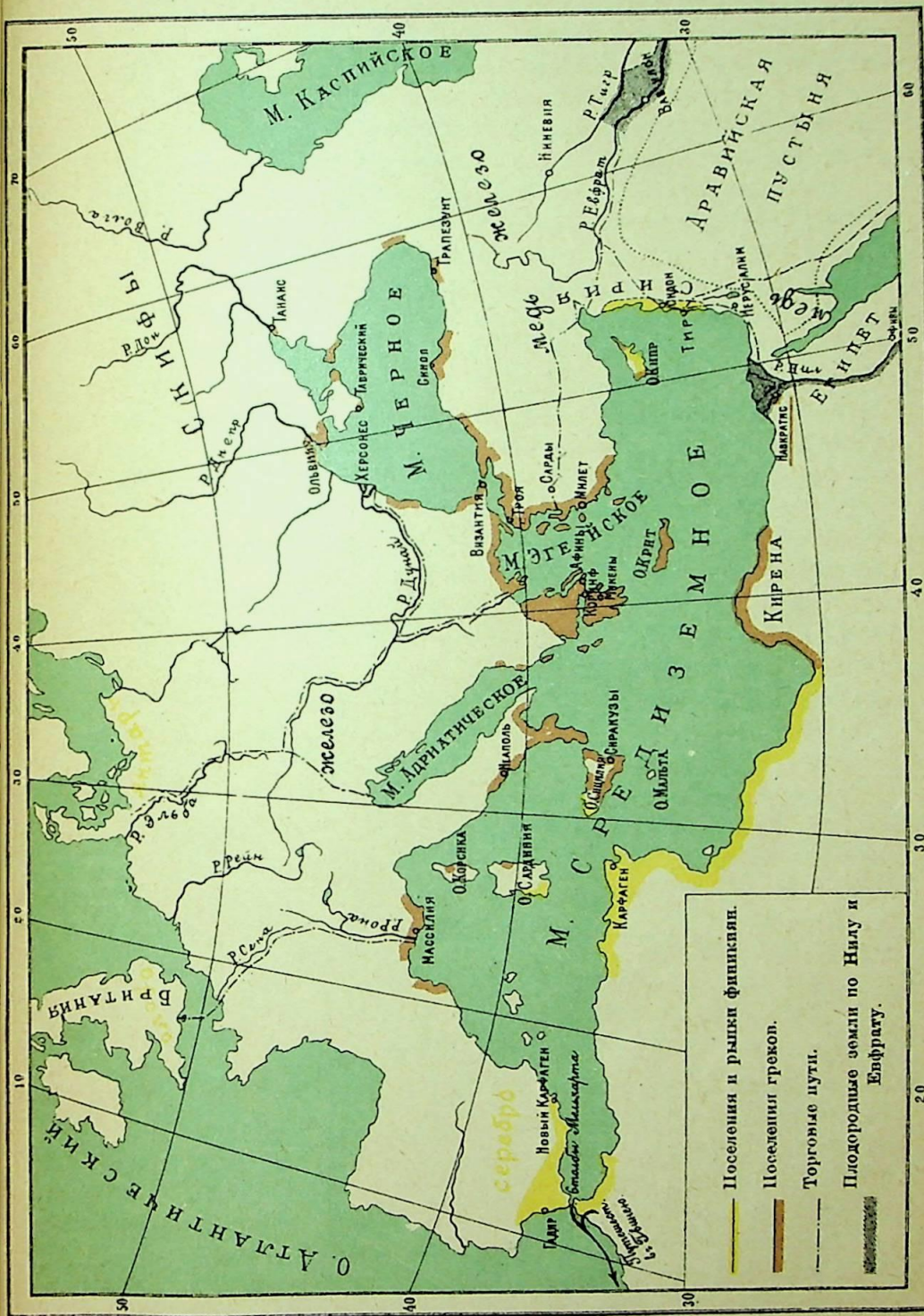
Мифы. Греки без конца рассказывали о богах и о приключениях могучих божьих детей. В этих рассказах, по-гречески *мифах*, можно найти черты, сходные с вавилонскими и египетскими сказаниями. Вот некоторые из них.

В дальней Финикии жили брат и сестра, Кадм и Европа. Зевс принимает вид белого быка; он уносит Европу на своей спине и переносит ее с моря к острову Криту. Здесь у них родится Минос, будущий царь Крита. Его сын Минотавр — чудовище, полубык, получеловек. Отыскивая сестру, Кадм отправляется в странствование на западе, доходит до Греции и основывает город Фивы. Он учит людей обрабатывать землю и сообщает им азбуку.

Другой выходец с востока, Данай, прибыл из Египта в Пелопоннес. В числе его потомков есть царевна Даная; она заперта в темном склепе, но Зевс проникает под землю золотым дождем; у них родится сияющий сын Персей. Мать с ребенком замыкают еще раз в тесный ковчег и бросают в море; но волны выносят их на берег. Персей, выросши, убивает страшную Медузу и отсекает у нее голову, обвитую вместо волос змеями; этот лик смерти он наводит на морское чудовище, грозящее поглотить деву Андромеду (Персея Андромеду показывали среди созвездий).

Персей совершает свои подвиги на чудесном коне Пегасе, который носится в поднебесьи на золотых крыльях. Тот же конь служит герою Беллерофонту, который побеждает чудовище Химеру, обладающую тремя головами: львиной, змеей и козливой. Летать под небесами пытался еще великий мастер-изобретатель Дедал. Он построил в Кноссе царю Миносу великолепный дворец-лабиринт. Вместо благодарности царь запер строителя в высокую башню. Дедал мастерит себе и сыну Икару восковые крылья и они вылетают на волю. Но Икар неосторожно приближается к солнцу, крылья его тают, и он падает в море.

Потомок Персея и опять сын Зевса, Геракл — величайший из героев греческих. Он служит трусливому царю города Аргоса и выполняет 12

трудных подвигов: между ними борьба со львом, шкурой которого потом покрывается Геракл; борьба с гидрой, т.е. многоголовым драконом; укрощение бешеного быка; путешествие на дальний Запад за золотыми яблоками райского дерева, растущего в волшебном саду, при чем по дороге Геракл встречается с великаном Атлантом, который держит на своих плечах небесный свод; наконец, нисхождение в подземный мир, откуда Геракл приприсит страшного трехголового пса Кербера, стерегущего врата ада. Эти приключения напоминают странствование и страдания вавилонских богов (Мардука и Гильгамеша), их временную смерть, сокрытие в аду и торжество, а во льве, драконе, быке (тельце) и т. д. можно узнать название 12 созвездий, через пояс которых проходит солнце.

Другой великий герой—Фезей, сын морского бога Эгея. Первые его подвиги—очищение от разбойников и убийц страшной дороги из Пелопоннеса через перешеек к Афинам (также Илья Муромец очищает дорогу, где залег Соловей-разбойник). Потом, когда афиняне посылают на о. Крит царю Миносу живую дань, 7 юношей и 7 девушек на с'едение Минотавру, Фезей едет с ними. Минотавр живет в огромном запутанном здании Лабиринта. Но Фезею помогает дочь Миноса, Ариадна; она дает герою клубок с золотой нитью, по которой Фезей должен найти дорогу; ее золотой венец (созвездие) светит ему во тьме, и он убивает Минотавра. По одному сказанию, бог Дионис велит поразить Ариадну стрелами, и потом ее тень скитается в преисподней; по другому—Дионис отнимает ее у Фезея и делает своей бессмертной женой. Фезей сражается еще с амазонками, армией воинственных женщин, и участвует в борьбе с кентаврами (люди до пояса, с лошадиным туловищем и четырьмя ногами).

Миф об аргонавтах, т.е. пловцах на Арго, волшебном корабле, соединяет большую часть греческих героев вместе. Их предводителю, Язону, поручено добыть сияющее золотое руно, скрытое на востоке. Герои плывут благополучно среди ешибающихся скал, борются с гарпиями, т.е. закованными в броню коршунами смерти. В далекой стране, куда они прибывают, руно бережет дракон. Царь обладатель руна, заставляет Язона вспахать землю на огнедышащих быках, посеять змеиные зубы и побороть выросшее из них воинство великанов. Во всем этом Язону помогает дочь царя, волшебница Медея; она же усыпляет дракона, и аргонавты, выкравши золотое руно, возвращаются домой (ср. египетское сказание о почном корабле и спасении плененного под землею солнца).

Некоторые мифы вставлены в Илиаду и Одиссею. Одиссей встречается на дальних островах огромных одноглазых киклонов, ведущих жизнь пещерных дикарей. Его корабль пристает к острову волшебницы Кирки, которая превращает его товарищей в свиней. Но Одиссею помогают боги,

и он заставляет Кирку вернуть морякам человеческий вид. Потом они едут мимо скал, где сладко поют сирены, хищные птицы с женскими лицами, растерзывающие всех, кто приплывает на их пение к берегу. Наконец, корабль Одиссея счастливо минует пролив, где, с одной стороны, затягивает в водоворот чудовище Харибда, а, с другой, — Скилла, бросаясь со скалы, выхватывает смельчаков и разбивает о камни. Одиссей вызывает (как Гильгамеш) тени умерших. В числе других появляется Ахилл, убитый под Троей вражеской стрелой; он жалуется на грустное пребывание в преисподней: лучше быть последним батраком на земле, чем парить над мертвыми.

Подземный мир мрачен и страшен. Из него нет возврата. Только раз удалось певцу Орфею сладкозвучной музыкой склонить сурового Ада, бога подземелья, отдать ему умершую жену Эвридику. Но условие было не оборачиваться назад, пока они не выйдут на поверхность земли. Орфей не выдержал и взглянул на Эвридику: тотчас же ее увел опять в преисподнюю бог Гермес, спутник душ, покидающих землю. Как в сказании о Гильгамеше, в греческих мифах упоминается лодочник, перевозивший умерших через реку забвения. Сам Ад не вынес своего мрачного одиночества и похитил с поверхности земли собиравшую цветы Персефону, дочь богини Деметры. Мать считает свое дитя погибшим, надевает траур и проклинает землю, лишая ее травы, зелени и плодов. После долгих поисков боги узнали о нахождении Персефоны и потребовали ее назад, но Ад согласился отпускать жену свою лишь на полгода к матери. Когда Персефона выходит к матери, Деметра узнает о приближении, потому что всюду пробуждается жизнь, начинают расти травы и распускаться листья. Через полгода Персефону опять ждет плен во тьме, и на земле должны наступить снова печаль и оскудение.

Мифы рассказывались не одинаково в разных местах, и они нередко противоречили друг другу. Гесиод пытался связать их вместе в поэме: „Пронсхождение богов“. Он говорит, что боги и вселенная возникли из хаоса. Стариннейшие боги — Уран небо, и земля Гея; от них произошли все остальные; Зевс, его братья и их жены — третье поколение. Эти новые боги правят недавно, после того, как победили своих отцов. Но Гея родит еще враждебных Зевсу титанов, которые должны отомстить за поражение старых богов. Титаны громоздят в северной Греции одну гору на другую, чтобы взобраться на высокий Олимп, где сплотились боги света. Зевс сбрасывает их своей молнией и пригвождает оковами под землей, откуда они в беспилии изрыгают пламя через вулканы (ср. вавилонское сказание о борьбе Тихамат и ее воинства с Мардукем).

Для объяснения географических имен греки охотно применяли мифы. Название пролива Геллеспонта, ведущего из Эгейского моря к Черному,

объясняли тем, что в морскую воду (Понт) упала Гелла, дочь Тучи, летевшая с братом на златорунном баране (руно появляется потом в мифе об аргонавтах). К имени Эгейского моря рассказывали: когда Фезей отправлялся в Крит на бой с Минотавром, он обещал своему отцу Эгею, в случае успеха, заменить обычные черные траурные паруса белыми, но забыл об этом при возвращении; Эгей, увидав издали корабль, в отчаянии бросился в море, которое и носит его имя.

Конец героического века. Греческие воины, сражавшиеся под Троей, принадлежали к племени *ахейцев*. Они были современниками страшных восточных завоевателей, ассириян: те и другие впервые применили железо (не даром Ахилл так высоко оценил железный диск). Ахейцы проявили много храбрости, но разбросали свои силы в набегах. Предание говорит, что при возвращении с троянской войны герои были встречены дома не дружелюбно: Одиссей едва одолел соперников на Итаке, Агамемнона убили в его собственном дворце в Микенах, а Диомед вынужден был уехать из родного Аргоса и стать изгнанником.

Между тем, с севера надвинулись воинственные дружины другого греческого племени, *дорян*. Через Фессалию и Среднюю Грецию доряне пробились в Пелопоннес; они частью покорили прежнее греческое население, частью заставили его бежать. Большинство переселенцев нашли себе новую родину на островах Хиосе и Самосе и на той части берега Мало-азиатского полуострова, который лежит прямо против Аттики. Этот край получил название *Ионии*. Ионийцы основали 12 городов; каждый управлялся независимо, но все признавали общее ионийское святилище, храм морского бога Посейдона, куда и собирались для торжественной жертвы.

Таким образом, от борьбы племен греческий мир раздвинулся по обе стороны Эгейского моря. Но греки не успокоились на этих новых местах. Скоро они стали переселяться во все концы Средиземного моря.

IV.

Греки и персидская держава 700—480 гг. до Р. Х.

Спарта. Пришедшие с севера доряне захватили себе лучшие земли в Пелопоннесе. Одна из дорийских дружин села в Лаконии в плодородной долине реки Эвроты. Завоеватели обратили туземных жителей в своих крепостных (*гелотов*) и заставили их работать на полях, а сами расположились большим постоянным лагерем в середине области. Их поселение называлось *Спартой*; это не был город, окруженный стеною, а, скорее, большая раскинутая деревня; в ее защите воинство полагалось на бдительность своей стражи.

Вонтели не занимались хозяйством; гелоты доставляли им хлеб, вино, оливки с их поместий, а сами они проводили время в охоте, гимнастических играх и упражнениях, в маршировке и боевых приемах. Подобно ассириянам, спартанцы держали большие запасы оружия; недалеко от Спарты имелись железные рудники, а, кроме того, все, кто подчинялся власти спартанцев, должны были подвозить им железные бруски и полосы. В Греции поэтому говорили: „Спарта знает только железные деньги“.

Мессенские войны. Не всем вонтелям досталась земля в Лаконии. Это внушило спартанскому царю Феопомпу мысль идти войной на соседнюю Мессению с тем, чтобы нарезать безземельным воинам участки из ее плодородных полей. Начались упорные войны с мессенцами.

Обе стороны обращались к оракулу (предсказателям) за советом. Оракул ответил: „победит та сторона, где будет убита девушка из царского рода“. Мессенский царь Аристодем принес в жертву родную дочь свою; он одержал победу над спартанцами, но потом с горя лишил себя жизни. Под конец войны спартанцы взяли верх и заставили мессенцев отступить в горы.

Через несколько времени мессенцы восстали, избрав вождем храброго Аристомена. Из своей горной крепости Иры они делали удачные вылазки; набравши летучий отряд, Аристомен разорил долину Эвроты и угрожал самой Спарте. У спартанцев стало падать мужество; их воспламенил в боях поэт и музыкант Тиртей, который составил патриотические песни, придумал звучные хоры и марши. Счастье опять изменило мессенцам. Они объяснили потом беду свою тем, что не вслушались в речи предсказателей. Оракул сказал: „погибнет та сторона, которая допустит козла испить воды из пограничной речки“. Мессенцы перестали гонять к ней коз. Но по-гречески слово трагос значит и „козел“, и „смоковница“. На берегу росло фиговое дерево, ветви которого опустились в воду, „испили воды“. Спартанцам удалось, наконец, взять Иру. Аристомен не хотел сдаваться и ушел с небольшой дружиной в изгнание; остальных мессенцев обратили в гелотов.

После этого успеха в Пелопоннесе все стали искать союза со спартанцами. Жители *Элиды*, области, где происходили *олимпийские игры* (о них см. ниже), допустили спартанцев к своим празднествам и обязались присылать подмогу во всех походах; крепкие и здоровые горцы *Аркадии* стали поступать на службу в спартанское войско. Спарта сделалась первой военной силой в Греции.

Военная выправка спартанцев. В своей собственной стране спартанцы составляли меньшинство. Чтобы сохранить власть над многочисленными крепостными, они должны были жить по-военному под постоянной тревогой.

Каждый спартанец был на счету у военного начальства; никто не мог отлучиться без позволения командиров, особенно за границу Лаконии. Приезжим не позволяли подолгу жить в Спарте, а по временам начальство изгоняло из страны всех иностранцев: спартанцы не должны были интересоваться чужими порядками. Все воины, как товарищи, держались на равной ноге. В Спарте, однако, воздавали почет старости: из стариков составлялся *высший тайный совет*, заседавший вместе с царями (спартанских царей было двое из двух старинных династий). Для того, чтобы поддерживать среди воинов товарищеский дух, заставляли сходить на общие обеды в палатках; цари сидели вместе с другими за столом. Спартанцу не полагалось засиживаться дома и заниматься своей семьей, — иначе его бы осмеяли товарищи.

Мальчиков с 7 лет брали из дому и отдавали в военную школу. Здесь дети были поделены на роты под командой старых служак, которые строго их муштровали. В 16 лет юноша выходил на бессрочную службу до старости. Девочек также обучали гимнастике и закаляли с детства, чтобы поддерживать сильную породу людей.

В своих походах спартанцы выработали новый способ боя. Все воины, как люди равные, были одинаково вооружены: в шлемах и латах, одетых поверх красных рубашек. Между ними теперь уже не было витязей, которые выскакивали вперед на военных колесницах. Латники (погречески *гоплиты*) подвигались на поле битвы, не спеша, под звуки флейты; они вступали в бой плотной стеной (*фалангой*) в два или три ряда,

придвинув друг к другу широкие щиты и выставив вперед длинные в сажень конья; все вооружение воина весило более 2 пудов, и часть его в пути везли на телегах. В строю стояли товарищи и соседи, которые связали себя клятвой вместе сражаться и умирать. Спартанцам внушалось, чтобы они оберегали свою воинскую честь, бились до последнего вздоха там, где велит долг и где приказали вожди.

Вооруженный греческий воин в латах, шлеме, поножах, со щитом; в руке надо представить копье; шлем наклонен вниз и закрывает большую часть лица.

Спартанцы крепко держались своих обычаев: они были уверены, что воспитание и закон жизни в старину установил мудрый Ликург, предписание которого одобрил великий оракул в Дельфах.

Торговые города и колонии греков. Очень непохожа на порядки дорян была жизнь ионийцев, подвижных и предприимчивых. Города *Милет* и *Эфес*, острова *Хиос* и *Самос* завели торговлю с восточными странами.

В ближайшем соседстве с ними находилась *Лидия* с главным городом *Сарды*, страна, богатая металлами; сюда греческие мифы помещали сказочного Мидаса, получившего от богов дар своим прикосновением все обращать в золото. Греки, жадные до драгоценных металлов, охотно служили лидийским властителям; особенно запомнился им щедрый царь *Крез*, который не раз обращался к Дельфийскому оракулу за советом и посылал в Грецию богатые подарки. У лидийцев греки научились чеканить монету; применялось, добываемое в Лидии, белое золото (электр).

Из дальней Вавилонии ионийцам подвозили предметы роскоши, пурпуровые и пестро раскрашенные ткани, ладан и притирания. Ионийцы сами приняли восточные моды, стали носить просторные одежды, заплетать длинные волосы и закалывать их золотыми шпильками. Они познакомились и с вавилонской наукой: ученый *Фалес милетский* умел предсказывать затмения. В Ионию начинают *привозить рабов*; но эти рабы совсем иные, чем во времена гомеровских героев. В старину рабы были греки, пленники, взятые на войне, или люди, закабаленные за долги. Теперь закупают рабов-дикарей из далеких стран, с Кавказа, из Черноморья, с Дуная, из Африки. Кроме работы в поле и в виноградниках, невольников применяют в ремеслах, обучают мастерству прядильщиков ткачей, башмачников, седельщиков, оружейников. Владельцы рабов ограничивались устройством больших мастерских или фабрик и не входили в подробности работы: они покупали для рабочих-невольников материал и отбирали у них заготовленные вещи, или же оставляли рабов хозяйничать на свой счет и брали себе только часть выручки.

Новые богатства привлекли в Ионию предприимчивых людей со всех концов Греции. В городах стало тесно, и началось то же самое, что было в Финикии: Милет и Самос взялись снаряжать флоты для отправки переселенцев в другие края.

Сначала ионийские колонисты заняли берега *Фракии*, замыкающей с севера Эгейское море. Эта область привлекала золотоискателей своими рудниками; кроме того, греки нашли во Фракии отличный мачтовый лес для постройки кораблей, между тем как Греция очень бедна деревом. Дальше они двинулись в Черное море (*Понт*). В нынешней южной России греки основали *Ольвию* (близ устьев Днепра) и *Херсонес* (в Крыму).

около Севастополя). Эти колонии вступили в торговлю со скифами, занимавшими обширный степной край между Днестром и Доном. Греки покупали у скифов хлеб, меха и кожи,—все такие предметы, которых не хватало в Греции, а продавали им посуду, глиняную и металлическую, оружие, украшения.

Ионийцы обратились также в другую сторону, к африканскому берегу, и стали посылать колонистов в Египет и *Кирену* (нынешнюю Барку). Так как египтяне усердно покупали греческие изделия, то в *Навкратисе* на одном из рукавов Нила поселилось множество греков-ремесленников, особенно мастера по изготовлению ярко раскрашенной посуды.

Много азиатских, черноморских и египетских товаров стали подвозить к берегам европейской Греции. Большую выгоду от этого подвоза получили моряки *Мега*ры и *Коринфа*, находившихся на Истме, т.-е. перешейке, соединяющем Среднюю Грецию с Пелопоннесом. К Истму с востока, со стороны Эгейского моря, подходит Саронический залив, с запада, глубокого врезывавшийся в материк, залив Коринфский. Мегаряне и коринфяне перевозили товары по короткой сухопутной дороге между двумя заливами и отправляли их опять на кораблях в западные воды.

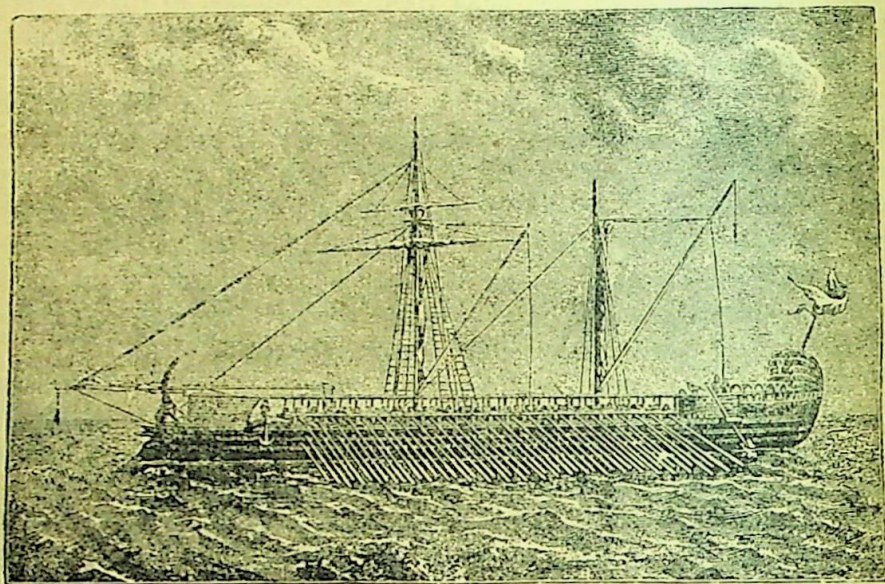
В Коринфе появились свои пекусные ремесла: начали выделывать ткани по восточному образцу; научились лить и паять металлические вещи. Особенного мастерства достигли коринфские изготовители глиняной посуды: здесь придумали новинку—раскрашивать большие красные вазы красной краской и наносить черным блестящим лаком фигуры, изображавшие бои героев, полеты богов и другие мифы. Скоро для сбыта изделий греческого мастерства открылся простор в западной части Средиземного моря. Туда же стали отправляться колонисты, отыскивая себе новую родину. Выезжая Коринфским заливом, они заселили *Коркиру*, остров, лежащий на пути к Италии; в самой Италии основали *Сиба*рис: в Сицилии—*Си*ракузы.

Греческая народность раздалась по всему протяжению Средиземного моря. Крайним поселением на востоке был *Танаис* (при устье Дона); на западе—*Массилия* (нынешняя Марсель в южной Франции). Только к берегам Испании и северо-западной Африки греки не имели доступа: их не пускали финикийцы, укрепившиеся в Карфагене. Греки нигде не забирались глубоко внутрь материка: переселялись большей частью не земледельцы, а купцы и ремесленники, которые заводили торговлю с туземцами. Колонисты не забывали своей метрополии: они посылали богупокровителю родного края подарки; когда новым поселенцам приходилось тяжело в чужой стране, соотечественники отправляли им подмогу.

И в самой Греции, и в колониях всякое поселение держалось самостоятельно. Везде маленький народец иногда в несколько тысяч человек

выстраивал себе укрепленный город, везде выбирал своих особых судей и военных начальников, управлялся в своих делах, как умел, и не помышлял о подчинении одному сильному государю.

Аристократия и тирания в Коринфе. Торговлей коринфской руководил старинный род Бакхиадов, которые, подобно гомеровским витязям, были смелыми воевателями и ловкими купцами. Они выстроили через Исти

Большой греческий корабль с тремя рядами весел.

между двумя гаванями Коринфа, восточной и западной, гладкую дорогу: корабли ставили на колеса и перекатывали от одного моря к другому так, что их не надо было выгружать.

Бакхиады держались высокомерно и не допускали в свои семьи посторонних. Царскую власть они отменили и стали выбирать из своей среды главного начальника по очереди на один год. Они считали себя, подобно героям, высшей породой людей; отсюда—название этого порядка *аристократия*, т.-е. господство благородных.

Выгоды, которые доставались Бакхиадам, вызвали зависть всех других торговцев, не принадлежавших к знатному роду. Раздражены были и ремесленники в Коринфе; им перебивали работу мастерские рабов, привезенных из-за границы. Недовольством людей простого звания воспользовался Кипсел, по матери из Бакхиадов, но отвергнутый аристократией, потому что отец его был человек незнатного рода. Он вооружил народ,

одних Бакхиадов казнил, других изгнал и роздал своим сторонникам золото, накопленное бывшими господами города.

Кипсел правил неограниченно, как царь, но не принял царского титула, смысл которого — в том, что власть освящена богами; он назвался *тиранном*, что значит просто „сильный властитель“. Любимый народом, он передал власть своему сыну Периадру и спокойно умер. Периадр слыл потом у греков за великого мастера управлять людьми. Этому искусству его научил, как рассказывали, другой тиранн, Фрасибул милетский, у которого Периадр однажды гостил. Когда у них зашел разговор о способах управления, Фрасибул повел своего молодого друга на прогулку по полю и стал на спелой ниве палкой сшибать те колосья, которые выросли выше других. Это значило, что правитель должен сбивать гордость выдающихся людей и равнять всех под своею властью.

Тиранны еще расширили торговлю Коринфа. Они стали строить крупные суда с тремя рядами весел (*триэр*), которые быстро ходили и не боялись делать большие переезды по открытому морю. Около 600 года при Периадре Коринф сделался первым торговым городом Греции.

Старинное устройство Афин. В Аттике, соседней с Истмом, аристократия так же, как в Коринфе, отменила царскую власть и выбирала ежегодно из своей среды *архонтов*, т.-е. военных начальников и судей. Главным божеством страны считалась Дева-Афина, храм которой стоял на акрополе (крутом холме) за стеной древнего замка. Все население Аттики по главному городу называлось афинянами.

На другом холме Афин, *Ареопаге*, посвященном богу войны, рядом с ущельем, где обитали кровавые духи мщения, собирались судьи разбирать дела об убийствах. Они держались при этом старинного обряда. Перед лицом суда на двух камнях друг против друга становились обвиняемый в убийстве и обвинитель; ближайший родственник убитого, обязанный мстить за него; между ними клали разрезанную на двое жертву в знак того, что они объявили друг другу непримиримую войну. Оба клялись в том, что говорят правду и призывали гнев богов друг на друга. Если судьи признают, что убийство совершено с дурным умыслом, осужденный выдается родственникам убитого головою для исполнения над ним мести.

Смуты в Афинах и законы Солона. Так же, как в Коринфе, народ афинский стал роптать на правление аристократии. Сами знатные роды разделились: одни старались привлечь на свою сторону сельское население, виноградарей и оливководов; другие — приморских жителей, рыбаков и судовладельцев. Один из аристократов, Килон, богатый коневод, известный по всей Греции победой на Олимпийских играх, задумал сделаться тиранном Афин и захватил акрополь. Но у него оказалось больше врагов, чем

друзей: килонovu дружину осадили в крепости и заставили сдаться. Победенные искали убежища у божьих алтарей, но враждебный Килону знатный род Алкмеонидов бросился вперед и перебил их. За такое святотатство сами Алкмеониды подверглись проклятию и должны были уйти в изгнание.

Для того, чтобы прекратить смуты, народ выбрал *посредником* Солонa, потомка древних царей, человека, по общему признанию, умного и справедливого (в 594 году до Р. Х.).

Солон составил законы, т. е. записал правила жизни для афинского народа. Он потребовал у знатных родов отказа от безумной роскоши: запретил пышные похороны, когда за гробом шли толпы наемных псалмистов, запретил богатым дамам водить за собою большие свиты слуганок. Его законы сообразованы с понятиями трудовых людей; ремесленники, крестьяне, моряки не могут рассчитывать на богатые наследства; их долг — научить сыновей полезному делу; тогда они в праве требовать от детей своих помощи в старости. Солон позаботился также, чтобы не чинилось обид крестьянам Аттики, разводившим оливки, виноград и державшим пчельники. Так как в стране мало воды, он разрешил рыть колодцы на таком расстоянии друг от друга, чтобы не перекапывать соседу водопровода; бедные получили право пользоваться водой от более зажиточных.

Законы Солонa были записаны на четырехгранных деревянных столбах, которые поворачивались на стержнях; их выставили на главной площади, чтобы всякий мог справиться с текстом и требовать себе правильного суда.

Тиранны и начало морской силы Афин. Законы Солонa не удовлетворили приморское население Аттики, которое добивалось далеких морских выездов на подобие Коринфа. Вождем воинственных моряков сумел сделаться родственник Солонa, Пизистрат. Окружив себя стражей, он захватил акрополь и стал тиранном Афин.

Пизистрат приобрел золотые рудники во Фракии и занял у входа в Геллеспонт крепость Сигей против Трои, чтобы иметь собственную стоянку при проезде в Понт. Он заключил союз с Поликратом, тиранном о. Самоса, который в свою очередь дружил с египетским фараоном Амазисом. Афинские корабли дальнего плавания стали проникать в Черноморье и в Египет; своими успехами на море Афины превзошли Коринф.

Тиранн умел также увлечь народ интересными зрелищами и музыкальными исполнениями. На большие торжества приглашались сказители из Ионии, исполнявшие перед афинянами песни Гомера. В праздник Диониса, покровителя виноделия, представляли приезд этого бога с востока: в спящем одеянии он вступал в город на повозке, разукрашенной в виде

корабли и окруженной бешено пляшущими замаскированными его спутниками (следы этого праздника сохранились в Европе почти до новейшего времени в так наз. *карнавале*, соответствующем нашей масленице; карнавал—значит корабль на колесах).

Падение тирании и начало демократии в Афинах. Пизистрат был неизменно счастлив в своих предприятиях, но после его смерти тирания в Афинах пошатнулась. Союзники Пизистрата, Поликрат самосский и египетский фараон, погибли в борьбе с новым страшным врагом, *персами*, которые надвинулись с востока. Поднялись враги афинских тиранов и в Греции; Алкмеониды, которым хотелось вернуться из чужбины, одарили щедро Дельфийский храм и помогли ему вновь выстроиться после пожара. В благодарность за это Дельфийский оракул подал Спарте совет изгнать из Афин тиранов. В самих Афинах составилась заговор, чтобы убить сыновей Пизистрата, Гиппия и Гиппарха. Во время большого праздника, когда все афиняне двигались по улицам торжественной процессией, двое друзей, Гармодий и Аристоклитон, поразили кинжалами младшего брата, Гиппарха. Старший, Гиппий, не потерял однако присутствия духа и велел обезоружить народ: заговорщики были схвачены и казнены. Вскоре после этого спартанцы прошли через Истм и заставили Гиппия бежать к персам (в 510 г. до Р. Х.). В Афины вернулись изгнанные тиранами знатные роды. Между ними опять разгорелась вражда. Исагор хотел восстановить аристократию, Клисфен из рода Алкмеонидов стал решительно на сторону народа.

Клисфен предложил об'явить родственников тиранна врагами народа и изгнать их из страны. Для того, чтобы простые люди не боялись называть по имени, кого следует, решено было писать имена на глиняных плитках (бстраках; отсюда—тайная подача голосов—*остракизм*). Далее Клисфен предложил всему населению Аттики выбрать представителей в большой совет *Пятистот*. Архонты, командиры, судьи и казначей должны были отдавать отчет в своих действиях этому совету. В важных случаях созывалось собрание всех граждан (*экклесия*), где каждый одинаково мог сказать свое слово.

Такое преобразование Афин очень не понравилось спартанцам. Они еще раз привели войско в Аттику, изгнали Клисфена и передали власть Исагору. Но народ осадил Исагору вместе со спартанцами в акрополе и потребовал их ухода. Клисфен опять вернулся с торжеством (506 г.).

Большая перемена произошла в Афинах со времени Килона, когда началась борьба знати и народа. Солон первый стал помогать народной массе; однако, при нем знатные роды еще сохранили власть в своих руках. Пизистрат отстранил от дел аристократию, поддержал предприимчивость народа, но не дал простолюдинам участия в управлении. Клисфен

прибавил к делу своих двух предшественников очень важную меру: он попытался отдать власть в руки народа. Такое правление получило в Греции имя *демократии*, что значит—народоправство (от демос—народ, кратия—власть).

Раздробленность Греции. Нигде греки не образовали большого по размерам государства: в каждой, хотя бы небольшой области или городе народец держался независимо, составлял свою особую *общину*.

Во многих греческих общинах, подобно Коринфу и Афинам, происходила борьба между знатью и народом. Местами народ изгонял аристократию, казнил родовитых людей, отбирал их имущество. Местами брали верх знатные: они связывали себя такой взаимной клятвой: „обещаюсь быть врагом народа и вредить ему, сколько хватят моих сил“. Изгнанники отправлялись во враждебную общину и подстрекали ее напасть на свой родной город.

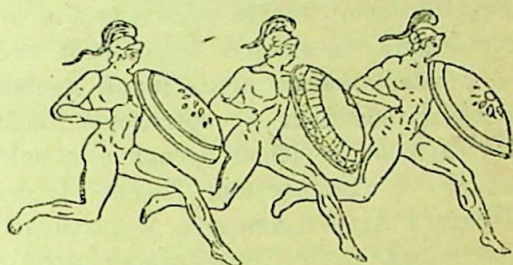
Помимо того, между соседними городами происходили почти непрерывные столкновения: воевали из-за спорной полоски земли, из-за выгона, из-за права отводить воду пограничной речки. Ожесточение доходило иногда до величайшей степени. Граждане Аргоса напали на соседних Микены, сломали старинные стены города (остались только Львиные ворота), избili все мужское население: женщин и детей обратили в рабство.

Общие учреждения греков. Как ни враждовали между собою мелкие общины, города и деревни, но греки всегда чувствовали, что они составляют один народ. Они все могли понять друг друга, потому что говорили на одном языке. Каждый город чтил своего особого бога-покровителя; но греки верили также, что есть общие боги всей Греции—„олимпийские“. Праздники в честь этих богов привлекали греков со всех концов и заставляли их забывать на время о вражде.

„Отцу богов и людей“, олимпийскому Зевсу, было посвящено в южной Греции обширное место—*Олимпия*, где раз в 4 года летом происходил большой праздник. Особые вестники доходили до крайних пределов греческих поселений у Черного моря, в Египте и в Галлии. Они провозглашали священный мир и грозили проклятием бога всякому, кто начнет войну во время праздника или оскорбит богомольца на пути.

Десятки тысяч благочестивых странников и любопытных собирались в Олимпию. Богатые люди приезжали и расставляли у священной рощи палатки. Бедные приходили пешком, часто издалека, и ночевали под открытым небом. Торговцы открывали ярмарку. Каждый город присылал особых почетных послов. На большом алтаре всякий богомolec делал Зевсу приношение, какое мог, начиная от дорогой жертвы в 1000 быков и до мелкой, в виде козленка, горсти зерен, чаши вина и т. п. Участники подходили в белых одеждах с золотой бахромой и в красных лентах.

Главной частью праздника были военные и гимнастические игры, которые, по преданию, установил богатырь Геракл, сын Зевса. Для них была отведена просторная овальная арена, кругом которой на уступах могло усесться около 40.000 человек. Состязания были те же, что во время Ахилла: бег колесниц, запряженных четверкой, бег людей, обнаженных и в вооружении, борьба, метание копья. Родной город победителя в играх очень гордился его славой, встречал его с особым почетом, заказывал его статую для постановки в священной роще Олимпии. Перед публикой в Олимпии выступали также люди, желавшие составить себе имя в Греции, читали стихи, патристические речи, излагали свои научные открытия.

Бег в вооружении на играх.

Еще одно учреждение сближало всех греков — Дельфийский храм и оракул бога Аполлона.

Аполлон считался целителем в болезнях, утоляющим страдания людей. Он совершает великий подвиг — убивает страшного змея, в котором сосредотилось все зло земное. Аполлон учит людей благородным мыслям. Все, что настраивает человека на возвышенные чувства, принадлежит Аполлону, особенно музыка и поэзия. Вдохновение, талант, а также умение предсказывать будущее — его дар. Есть места на земле, где особенно близок людям Аполлон, есть чудодейственные источники, которые дают таинственную силу. Таким местом считали дикие горные ущелья у подножия горы Парнасса, в Средней Греции, где и находились Дельфы.

В Дельфы постоянно направлялись во множестве богомольцы, чтобы очиститься в молитвах, возносимых Аполлону, получить исцеление болезней или спросить у бога совета и указания будущего. В благодарность богу приносили ценные дары, художественные вещи из золота и серебра, и в Дельфах составила богатейшая сокровищница. Спрашивали обо всем: будет ли выгода от нового занятия, решаться ли на путешествие, мириться ли со своим недругом, как воспитывать ребенка своего; наконец, спрашивали от имени городского совета или народного собрания о делах, которые касались целого города или области.

На эти вопросы отвечали от имени бога особые жрецы-предсказатели. В более важных случаях они применяли старинный обычай гадать по речам человека, приведенного в состояние безумства. Вызывали посвященную богу девушку-пророчицу, *пифию*: она садилась близ гор-

ной трещины, где выходил удушливый газ, и быстро впадала в тяжёлое забытие, среди которого произносила со стоном несколько неясных слов; стоявший рядом с нею толкователь связывал их в стихи и передавал вопрошающим.

Несмотря на этот грубый обычай, жрецы были люди умные и наблюдательные. Они изучали положение вещей в том городе или той семье, от которой поступили вопросы. Иногда они давали очень разумный и дельный совет; иногда уклонялись и отвечали двусмысленно (пример таких ответов — в истории Мессенских войн).

Возникновение персидской державы. Во время своих больших торговых путешествий и переселений греки свободно проникали на восток: они служили в войске ассириян, занимались к египетским фараонам, торговали с властителями Лидии. Начиная с 550 года положение дел в Передней Азии изменилось к невыгоде греков. Выступил новый воинственный народ, *персы*, подавивший своей силой всех прежних завоевателей.

Персы принадлежали к большой семье *арийских* народов. Арийцы (что на старинном их языке значит „благородные“) кочевали сначала на высоких плоскогорьях Средней Азии. Они разделились потом на две группы народов. Одни спустились на юг в долину Инда: от них происходят нынешние *индусы*. Другие, между ними мидяне и персы, двинулись на запад и заняли долины и горные склоны Ирана; нынешние персы и сейчас живут на тех местах, где поселились их предки. Арийцы по своему языку весьма непохожи на соседних с ними в Азии семитов, но представляют много общего с европейскими народами, греками, римлянами, славянами, германцами: вот почему все эти народы, начиная от Индостана на востоке и до Атлантического океана на западе, называются *индоевропейскими*.

Из арийцев, заселивших Иран, сначала сильнее других были мидяне: в 607 г. они разрушили Ниневию и овладели богатствами ассириян. Лет 50 спустя, перевес над мидянами взяли персы. Их вождь Күруш, по-гречески Кир, подчинил своей власти весь Иран и повел соединенные силы персов и мидян на старинную столицу Двуречья, Вавилон. Библия передает нам, как иудейский пророк Даниил предсказал последнему халдейскому царю Вальтасару гибель его царства, и как пирующие во дворце увидели на стене огненные слова: „сочтено, взвешено, разделено“. Кир сокрушил господство халдеев, присоединил покоренные Навуходоносором Сирию, Финикию и Палестину и сделал Вавилон своей столицей (в 539 г.). Он стал писать свой титул по старинному вавилонскому обычаю: „Я — Кир, царь народов, великий царь, могучий царь, царь Вавилона, царь четырех стран света“.

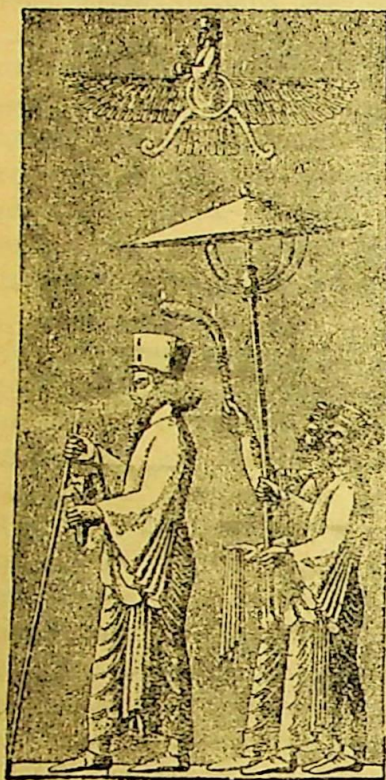
Персы пошли далее войной на богатое металлами лидийское царство в Малой Азии. Кир захватил Сарды, взял в плен дружившего с греками царя Креза и покорил греческие города побережья Эгейского моря. В Милете и других греческих общинах персы уничтожили правление аристократии и назначили везде тираннов, которые должны были отвечать за покорность населения.

Сын Кира, Камбиз, двинулся походом на Египет. У египтян давно не было собственного войска; им приходилось обороняться силами наемных греческих отрядов. Один из греческих командиров, Фанес, изменил фараону, указал персам путь через безводную пустыню, отделяющую Египет от Азии, и посоветовал заключить союз со степными арабами, которые доставили воду персидскому войску. Камбиз разбил армию фараона и вступил в Мемфис; в руки персов перешла вся плодородная долина Нила до порогов.

Устройство персидского государства. Третий царь персидский, Дарий, современник Клисфена, получил в свое распоряжение державу, которая простиралась от Сахары до Индии и от морей Черного и Каспийского до заливов Аравийского и Персидского. Царь считал, что Агурамазда, верховный бог, сделал его господином над всей великой землей, над многими странами и языками, над горами и равнинами по ту и по другую сторону пустыни. Такого большого государства еще не было до тех пор. Оно равнялось почти половине Европы и во много раз превосходило Грецию. Велики были и его богатства. Персы собирали с многочисленного населения Египта, Вавилона, Сирии и других областей подать товарами и деньгами. Из Африки ко двору царскому присылали стволы черного дерева и слоновую кость; от арабов ежегодно поступало 1000 талантов ладана; из Малой Азии отправляли белых коней; из Колхиды (нынешней Грузии) — молодых рабов и рабынь.

Религия персов поражала греков своими особенностями. Греческий путешественник Геродот, побывавший в стране персов, говорит: „они не считают, подобно грекам, богов похожими на людей; они молятся Высшему богу на вершинах гор и озирают при этом весь небесный свод; он и есть для них Бог; когда они приносят жертвы, нет ни огня, ни возлияний, ни музыки, ни цветочных гирлянд, не сыплют они священного зерна“. В строгом и возвышенном представлении о божестве персы сходились с иудеями. Поэтому Кир отпустил плененных Навуходоносором иудеев на родину и возвратил им похищенные халдеями из храма священные сосуды. Сто лет спустя, в 446 г. до Р. Х., вавилонский книжник Эзра, с одобрения царя Артаксеркса, составил для иудеев подробный устав в дополнение к закону Моисея. Напротив, с верой египтян персы не полагали: Камбиз велел сжечь мумию фараона Амазиса, умершего незадолго

до прихода персов, и собственноручно заколол в Мемфисе священного быка Аписа. Оттого в Египте персов ненавидели, и против них почти беспрерывно поднимались восстания.

Персидский царь и его слуги с зонтиком и опахалом; наверху окрыленный бог света, Агурамазда

В управлении персы держались тех обычаев, которые применяют кочевники, когда захватывают обширные страны земледельцев. Дарий разделил все государство на 20 больших областей; в каждую царь посылал всемогущего наместника, *сатрапа*, который распоряжался жизнью и смертью подданных; при нем состояло войско и подчиненные чиновники; заботиться о благоустройстве городов и деревень предоставляли старостам и священникам. Для передачи сатрапам царских приказов и пересылки царю отчетов устроена была особая почта, которая проезжала по большим дорогам, соединявшим окраины государства с серединой. Главная „царская дорога“ шла от *Сузы* (в горах на восток от Вавилона) через Тигр и Евфрат к *Сардам*, главному городу Лидии, недалеко от Милета. Частным лицам не позволялось ездить по дороге; по ней скакали только царские курьеры, меняя лошадей на станциях или передавая рамоты из рук в руки. Так как царь недоверял сатрапам и постоянно боялся измены с их стороны, почта служила

также для тайного надзора за наместниками. Иногда в область внег запно наезжал для расправы важный сановник „око государево“. Часто наместника, по доносу, внезапно отзывали ко двору, сажали в заключение или казнили.

Цари персидские приняли обычай вавилонского и египетского двора, завели пышные церемонии, многочисленных сановников с громкими титулами и большую свиту. Вместе с тем они продолжали кочевую жизнь старины, переезжая со всеми придворными из Сузы в Вавилон (на зиму), из Вавилона в высоколежащую *Экбатану* (на лето). При всех огромных тратах царь не проживал богатств, получаемых с державы. Привозимое с разных концов золото, в виде монеты, посуды и украшений он прика-

звал сплавлять вместе и лить в большие глиняные чаны; глину потом разбивали и куполообразные золотые слитки расставляли в царских кладовых. Когда надо было сделать новый расход, царь распоряжался взять золота, сколько потребуется, из склада.

У „великого царя“, как его звали греки, были большие военные силы. Конницу и стрелков ставили персы, мидяне и другие воинственные жители Ирана. Хороший флот доставляли финикийцы, соперники греков в торговле на Средиземном море. Но и греки малоазийских городов должны были служить царю. Когда Дарий затеял поход против скифов и направился из Малой Азии через Босфор, северо-восточный угол Балканского полуострова и Нижний Дунай в черноморские степи, он взял с собою Гистия, тирана города Милета, и афинянина Мильтиада, который княжил во владениях, захваченных Пизистратом у Геллеспонта. Грекам было поручено сторожить мост через Дунай, а Дарий двинулся к кочевьям скифов. Мильтиад предлагал сломать мост и отрезать персам отступление, но Гистий воспротивился и спас Дария с его войском. Мильтиад после этого уехал в Афины.

Начало греко-персидских войн с 500 г. Греки вообще не охотно подчинялись персидскому царю. Ионийские города, вскоре после похода Дария на скифов, восстали и просили помощи у своих единоплеменников в Греции. Спартанцы оставили эту просьбу без внимания, афиняне прислали небольшую подмогу. Но Дарий двинул финикийский флот и разстроил силы восставших; персы взяли Милет и сожгли его. Рассказывали, что царь очень разгневался на афинян; он пустил стрелу к небу и воскликнул: „Боже, дай мне отмстить им!“ Вслед за этим персы перешли Геллеспонт, завоевали Фракию и Македонию, т.е. весь северный берег Эгейского моря вплоть до горы Олимпа, покорили острова, лежащие по середине моря, и даже захватили угол острова *Эвбеи*, совсем вблизи от Афин. Дарий образовал из этих новых владений двадцать первую сатрапию и стал готовиться к походу на тех европейских греков, которые еще сохранили независимость.

Сначала он двинул большой флот от Геллеспонта вдоль северного берега моря. У мыса *Афонской горы* корабли потерпели в бурю крушение, и вся экспедиция кончилась. Тогда персы отправили другой флот от берегов Ионии поперек моря и высадились в Аттике; с ними был тиран Гиппий, которого Дарий хотел посадить в Афинах в качестве своего наместника. Афиняне в это время доверились вполне Мильтиаду, который хорошо знал персов. Мильтиад повел ополчение навстречу врагу; при *Маратоне* у входа на прибрежную равнину плотная фаланга афинских копейщиков расстроила персидских стрелков и отбросила нападавших на корабли (в 490 году). Увлеченные успехом Мильтиада, афиняне

поручили ему напасть на богатый остров Парос, отдавшийся персам, и собрать с него золото. Но на этот раз Мильтиад потерпел неудачу и раненый вернулся домой. Афинский народ круто перемены свое расположение и потребовал казни прославленного героя; умирающего Мильтиада принесли в суд и приговорили к тяжелому штрафу.

Хотя Дарий скоро после этого умер, но было ясно, что персы не оставят своего намерения завоевать Грецию. В Афинах многие уповали на силу фаланги, показавшей себя при Марафоне, но более дальновидный Фемистокл предложил выстроить большой военный флот, так как, по его мнению, главная оборона будет на море; в крайнем случае, если персы займут сухопутную Грецию, афиняне могут отплыть всем народом в какую-нибудь дальнюю колонию.

Нашествие персов в 480 г. Между тем сын Дария, Ксеркс сам стал во главе большого войска, собравшегося в Малой Азии. Он переправил солдат через Геллеспонт по временному мосту, проложенному на судах, и двинулся на Грецию с севера. За войском тянулся большой обоз; персы во время похода не любили себе отказывать в удобствах, а царь вез за собой свой двор. Впереди царской повозки ехала большая колесница, запряженная восемью конями; на ней везли изображение высшего божества. Вдоль берегов окольной линией рядом с войском двигался большой флот, который должен был доставлять на сушу припасы: для того, чтобы избежать объезда у опасного Афонского мыса, персы заранее перерезали каналом перешеек, соединяющий горный кряж с материком.

Дельфийский оракул советовал подчиниться страшной силе. Фессалия и город Фивы в Беотии (соседней с Атикой), где правили знатные роды, ждали персов, чтобы присоединиться к ним. Только Афины, Коринф и Спарта с пелопоннесцами решили сопротивляться.

Непобедимые на азиатских равнинах, персы в Греции встретились с неудобствами горной природы: пришлось медленно пробираться по горным ущельям и тропинкам и брать врозь каждую небольшую область, защищенную горами, как крепостной стеной. К тому же добыча в скудной Греции была невелика, и кормиться большому войску было трудно. Все же положение тех греков, которые решили защищаться, было очень опасно. Небольшой отряд под начальством спартанского царя Леонида в течение нескольких дней защищал против персов проход *Фермопилы* между северной и средней частью Греции, но был обойден и погиб. Потом Спарта поставила в Фермопилах памятник своему храброму воинству в виде каменного льва с надписью: „здесь мы легли все триста спартанцев, верные законам своего отечества“.

Персы добрались до середины Греции и везде опустошали страну. Жители Атики и Афин должны были бежать. На судах перевезли семьи

граждан и то, что можно было захватить из имущества, на соседний островок Саламин и в ближние города на юге, а все афиняне, способные к оружию и к работе, сели на корабли и соединились с другими греческими эскадрами. Но греки сошлись из разных независимых городов; у них не было ни общего плана, как действовать, ни даже согласия. Пришлось отдать главное начальство (*гегемонию*) спартанским вождям, потому что Спарта считалась самой сильной греческой общиной. Спартанцы, однако, не знали морского дела, и у них почти вовсе не было кораблей. Афиняне, под начальством Фемистокла, желали биться на море у самой родины своей; спартанцы хотели отступить южнее к своим берегам и укрепить перешеек в узком месте у Коринфа, чтобы не пускать персов дальше по сухому пути.

Между тем, флот персов обогнул Аттику и запер греческие корабли в проливе у о. *Саламина*: греки поневоле должны были принять сражение. Здесь среди незнакомых скал тяжеловесные азиатские суда потерпели поражение от быстроходных греческих триэр, а больше всего содействовали победе афиняне, которые рисковали в этом бою последними своими силами. Разбитые при Саламине финикийские моряки, убоявшись гнева великого царя, в ночь после сражения спешно уехали домой. Ксеркс дал приказ плыть к Геллеспонту, чтобы охранять переправу, а сам, недовольный затяжкой войны, вернулся домой. Его беспокоило к тому же опасное восстание халдеев в Вавилоне, в самом сердце персидской державы.

В Греции осталось сухопутное войско персов под начальством Мардония. Персидский командир предложил афинянам дружбу и союз; тогда спартанцы, боясь отпадения Афин, выступили через Истм с большим ополчением пелопоннесцев; к ним присоединились афиняне, и спартанский царь Павсаний дал у городка *Платеи* в Беотии решительное сражение Мардонию. Бились с обеих сторон долго и отчаянно, и опять, как при Марафоне, одолела греческая фаланга. Мардоний погиб в битве, а остатки персидского войска бежали на север. Теперь греческие корабли двинулись к берегам Ионии и Геллеспонта; к ним стали присоединяться малоазиатские греки.

Нашествие персов потерпело полную неудачу. Причиной этого было не отсутствие храбрости у азиатских воинов, а трудность самого предприятия среди гористой страны в борьбе с упорными независимыми общинами. Грекам победа над персами казалась почти чудом; по словам суеверных людей, боги и герои древней Греции появлялись в рядах сражающихся. Несколько лет спустя, после нашествия Ксеркса, афинянин Эсхил изобразил в трагедии „Персы“ саламинский бой и великое поражение азиатского войска. Дух умершего Дария вещает персам: „никогда боль-

те не помышляйте идти походом на Элладу, хотя бы войско ваше было еще громаднее числом; ведь с ними сражается их родная земля; она поражает голодом всех, кто занесся в гордыне непомерной". Греки объясняли еще свой успех тем, что они — люди свободные, сами себе господа, тогда как персы, народ *варварский*, привыкли рабски слушаться, *„кляняться в ноги своему повелителю“*. Заметив намерение царя посадить в Афинах тирана, *афиняне* вспомнили о заговоре Гармозия и Аристогитона и поставили тиранно-убийцам памятник, как „освободителям народа“.

V.

Афины в пятом веке до Р. Х.

Усиление Афин на море. Так как в азиатской державе почти не прекращались восстания, персы уже не могли собраться для нового крупного похода на Европу. Больше того: малоазийские греки освободившись от страха перед великим царем и перестали платить ему дань. Однако, они не хотели подчиняться и спартамцам, особенно, когда в Геллеспонте прибыл победитель при Платеях, царь Певсанний. К тому же спартанский царь внезапно переменялся, стал вести себя высокомерно, как персидский сатрап, и затеял таинственные переговоры с персами. Напротив, афинские моряки привлекали ионийских и островных греков своим мужеством и уверенностью в действиях. Поэтому все общины, которые освободились от персидского владычества, согласились стать под начальство афинян и вошли с ними в тесный союз.

Афиняне и союзники решили собираться для обсуждения общих дел на острове *Делосе* (одном из Кикладских, в середине Эгейского моря), где находился храм Аполлона, почитаемого всеми ионийцами. Союзники обязались платить деньгами в общую казну и ставить корабли; афиняне же взяли на себя командование флотом и продолжение борьбы с персами. Объявив войну за освобождение Греции, афиняне не забыли собственной выгоды: они забрали в свои руки золотые прииски во Фракии, укрепились в проливах Геллеспонте и Босфоре для того, чтобы держа в своих руках доставку хлеба из Черноморья. Афины, бывшие в 480 году на волосок от гибели, сделались сразу главной морской силой Греции. В афинскую гавань *Пирей* устремились теперь товары, которые прежде шли в Коринф с востока и с запада. Торговцы, ремесленники, рабочие из других общин стали перебираться в Аттику, чтобы принять участие в широких предприятиях афинян, служить у них во флоте и работать над сооружением доков (пристаней), набережных и складочных магазинов большой Пирейской гавани.

Главный создатель морской силы Афин, Фемистокл, занят был всевыми и новыми планами. Он предложил народу окружить крепкой вышкой стеной главный город и гавань, а потом провести еще длинные стены вдоль всей дороги между Афинами и Пиреем. В случае нового нападения с суши, говорил он, не нужно будет больше покидать Афины; в городе можно оставить небольшой гарнизон, а главная сила граждан, ставших мореходным народом, выйдет сражаться на кораблях у гавани. Пока афиняне могут подвозить морем припасы и все нужное для борьбы, они непобедимы.

Спартанцы, обеспокоенные усилением Афин, потребовали сломки напруг укреплений. Тогда Фемистокл вызвался ехать в Спарту для переговоров; здесь он нарочно затягивал совещания, уверял, что никаких работ в Афинах нет, а, между прочим, посоветовал спартанцам отправить особое посольство для наблюдения за афинянами. В то же время он тайно известил афинян, чтобы они задержали спартанцев в качестве заложников. Когда в Афинах успели возвести стены до порядочной высоты, Фемистокл объявил внезапно спартанцам, что дело сделано, и афиняне больше не нуждаются в посторонних советах. Он явно замышлял нарушить дружбу со Спартой, заключенную во время нашествия персов, и подчинить афинской мореходной общине всю Грецию. В Афинах было, однако, немало сторонников Спарты, и особенно между ними выдавался Кимон, сын Мильтиада, такой же талантливый военачальник, как и его отец. Кимону и другим врагам Фемистокла удалось добиться его изгнания, да еще, вдобавок, обвинить его в измене и сношениях с персами. В Греции уже не было более места Фемистоклу; он бежал к самому великому царю. Узнав о том, что главный виновник поражения персов просит у них теперь приюта, царь Артаксеркс пришел в восторг и богато одарил Фемистокла, надеясь воспользоваться его талантами против Греции. Но Фемистокл умер, не успевши ничего предпринять против своих соотечественников.

Кимон, хотя и был злейшим врагом Фемистокла, стал однако во главе той самой мореходной силы, которую создал Фемистокл. Он разбил все силы персов, какие только появлялись в Эгейском море, и загнал противника далеко к о. Кипру. Ни один афинянин не доставил общине столько добычи, как Кимон. Его самого очень любили за щедрые подарки народу; из своего огромного имущества, нажитого войной, он выдавал на постройку храмов и на возведение длинных стен, которые, по мысли Фемистокла, должны были соединить Афины с Пиреем в одну крепость.

Полное торжество демократии в Афинах. Преданные Кимону на войне, моряки в городе охотнее слушали новых народных вождей (по-гречески *демагогов*), между которыми особенно выдавались Эфиальт и

Перикл Моряки держали себя в народном собрании иначе, чем крестьяне, понимая, как много они значат в общине они не хотели более подчиняться никакой высшей силе. В особенности, раздражало их то, что решения народа встречают задержку в совете *Ареопага*, самом старинном учреждении Афин. Демагоги решили уничтожить власть Ареопага, но для этого надо было опрокинуть Кимона, главного защитника старозаветных взглядов. Случай представился скоро.

В Спарте произошло землетрясение, разрушившее много домов; смутением господ воспользовались крепостные, которые вооружились и чуть не взяли в плен всех спартанцев. Царь Архидам нашелся в беде, выстроил спартанцев в боевом порядке и разгромил гелотов. Но крепостные ушли в Мессению и окопались на горе Ифоме, где когда-то бились мессенцы за независимость. Спартанцы не умели брать укреплений и стали просить помощи у афинян. Демагоги советовали отказать спартанцам и даже хотели помочь гелотам. За Спарту заступился Кимон. По его словам, Грецию везут два коня, Афины и Спарта, и беда будет великая, если общая родина всех греков станет хромать; он предложил послать спартанцам вспомогательный отряд и вызвался сам пойти во главе его. Но спартанцы, не доверяя афинянам, отослали назад их отряд. Эфиалты и Перикл схватились с радостью за неудачу Кимона и убедили афинян отправить его в изгнание за вражду к народу и приверженность к Спарте.

Вместе с тем Эфиалты предложили отнять у Ареопага надзор за народным собранием, а также суд почти по всем делам, кроме тяжких убийств (462 г.). Разбор тяжб и всякого рода обвинений перешел ко всему гражданству, из которого набирались комиссии присяжных по 100 или 200 человек. Демагоги говорили, что здравый смысл и свободная совесть судей, обновляемых из состава всего гражданства, подскажут более правильные решения, чем строгий разбор немногих лиц, всегда занятых одним и тем же делом.

Новый народный суд в Афинах был очень непохож на прежний. Граждане пользовались здесь полной самостоятельностью; обвинителем выступал не чиновник от правительства (как в наше время прокурор), а кто-либо из граждан по своей воле: обвиняемый должен был защищаться сам. Так же, как и народ в собрании, и судьи долго и обстоятельно выслушивали обе стороны. Для того, чтобы привлечь на свою сторону бедных, Перикл предложил выплачивать судьям дневное содержание из казны. Людям малого достатка нечего было теперь бояться потери заработка за день, проведенный в заседании; напротив, они во множестве устремились к участию в комиссиях присяжных. Передача суда народу была тяжелым ударом для защитников старины. В озло-

блении они подослали убийц к Эфиальту. Но со смертью одного вождя дело не остановилось; его продолжал Перикл. По матери Алкмеонид, Перикл приходился внуком Клисфену; также, как дед, он решительно стал на сторону народа.

Экклесия становится теперь верховной властью в общине. Важные дела обсуждают в Совете Пятисот и докладывают народу. В общем народном собрании каждый гражданин имел право свободно выразить свое мнение. Народное собрание выбирало *стратегов* (главных командиров флота и войска, распоряжавшихся вместе с тем казной). Каждый год происходили новые выборы, и по окончании службы народ спрашивал со всех должностных лиц отчета.

Великая пора афинской республики.

Демагоги, победившие в 462 году, пытались привести в исполнение широкие замыслы Фемистокла. В Египет афиняне отправили большой флот, чтобы поддержать там восстание против великого царя. Одновременно они забрали власть над Фивами в Беотии и пытались загородить подвоз припасов в Коринф и Спарту, чтобы подчинить себе Пелопоннес.

Вместе с тем афиняне начали обстраивать великолепными зданиями свой главный город и его гавань. На афинском акрополе они возвели большой храм в честь покровительницы города *Парфенон* (от Парфенос, что значит Дева). Лучший художник того времени, Фидий, украсил Парфенон скульптурами, в которых изобразил торжественное праздничное шествие афинского народа. Внутри храма была поставлена громадная статуя Афины также работы Фидия. Статуя представляла деревянный остов, обитый пластинками из золота и слоновой кости; глаза были вставлены яхонтовые.

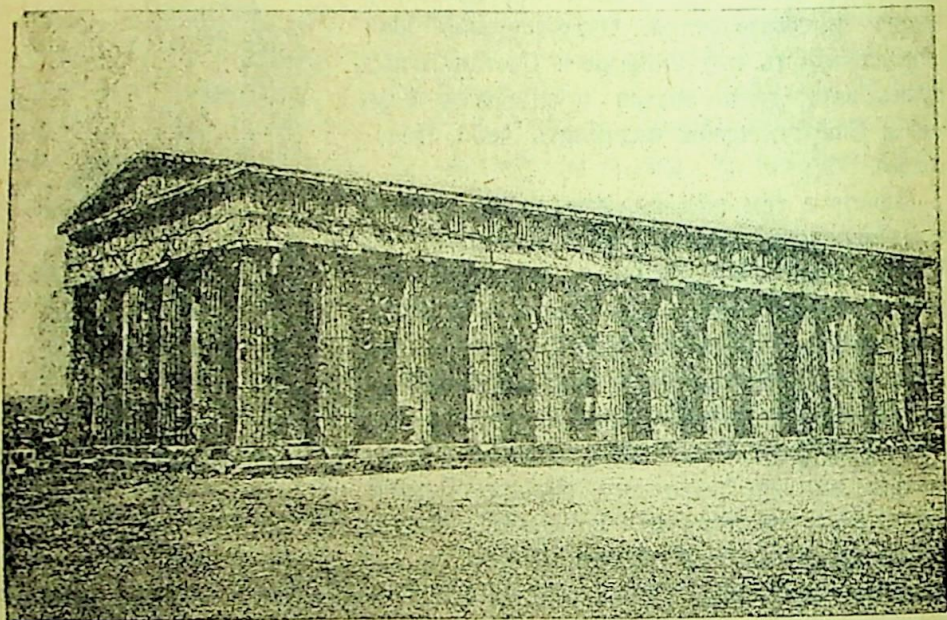

Богиня Афина по изображению Фидия.

Средства на эти дорогие сооружения афиняне стали брать из казны, в которую платили взносы их товарищи по союзу. Перикл убедил народ, что раз афиняне оберегают греческое море, они по праву могут пользоваться этими суммами и тратить их на свои нужды, не спрашиваясь союзников. Вследствие этого союзники из товарищей, каковыми они были в начале, обратились в подданных афинян. Большой союз половины почти греков под руководством Афин стал теперь *державой афинян*.

Казалось, еще немного, и Афины подчинят себе всю Грецию. В действительности, афиняне затеяли слишком много крупных дел зараз и не смогли во всем добиться успеха. Египетский поход окончился большим поражением; афиняне заняли было Мемфис, но персам удалось запереть среди нильских рукавов и истребить весь афинский флот и войско. Спартанцы, справившись с восставшими гелотами, двинули свое ополчение через Истм; этим они помогли фиванцам освободиться от подчинения Афинам. Наконец, большой остров Эвбея, соседний с Аттикой, отложился от афинской державы.

Перикл нашел выход из затруднений. Он предложил народу прекратить завоевания и экспедиции и заключить мир с персами и со Спартой. Мир со Спартой был заключен на 30 лет на таком условии: две главные общины Греции сохраняют свое господство, Афины—на море, Спарта—в Пелопоннесе; переманивать чужих союзников на свою сторону воспрещается.

Храм дорического (старинного) стиля; такой вид имел Парфенон.

В самих Афинах у Перикла появился опасный противник Фукидид, человек старинного рода, заступившийся за союзников. Фукидид говорил, что Афины приобретают дурную славу: на глазах всей Греции растрачиваются союзные деньги, предназначенные для общей защиты, в то время как Афины, вроде суетной кокетки, обвешивающей себя золотом

драгоценными камнями, украшаются миллионными статуями и храмами. Главным же виновником этих несправедливостей и насилий—Перикл.

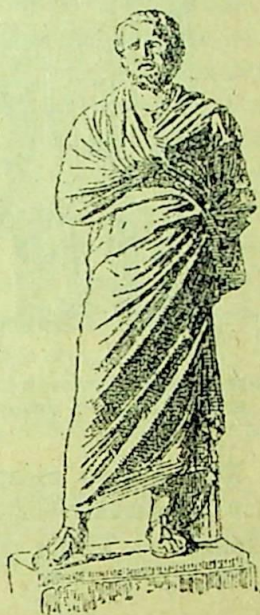
Афинскому народу предстояло решить, за кем из двух вождей он пойдет и кого пошлет в изгнание. В тайном голосовании большинство выказалось против Фукидида, и он должен был пойти в изгнание (в 42 году).

После остракизма Фукидида Перикл занял такое положение, что уже никто не решался ему противиться. Из года в год народ выбирал его стратегом и доверял ему казну, в опасных обстоятельствах назначал неограниченным командиром всего флота и войска. Перикла сразивали с тиранном Пизистратом, и многим казалось, что в Афинах только по виду—правление народа, а на самом деле—монархия первого гражданина. Многие не любили и боялись этого замкнутого в себе, гордого, всегда серьезного и погруженного в дела человека. Между людьми набожными ходило обвинение, что Перикл отрицает силу народных богов; указывали на его близость с ученым Анаксагором, который решился утверждать, что солнце—не живое божество, а раскаленный громадный камень, и что миром управляет разум.

Афинский народ и его праздники. Число афинских граждан было невелико сравнительно с подданными: первых в 20 или 30 раз меньше, чем вторых. В самой Аттике настоящими гражданами считались только дети родителей граждан; все другие, как бы долго ни жили в Афинах, оставались „обывателями“; их мнения не спрашивали в делах, касавшихся всего города или всей державы; они не получали никаких выдач из казны.

Тем более заметны были выгоды, которыми старались наделять граждан. За участие в суде, за потерю времени на какой-либо службе они получали вознаграждение. Иногда между ними разделяли хлеб, купленный и привезенный на общественный счет. Небогатые граждане, кроме того, постоянно получали даровые билеты на театральные представления, при чем цена этих билетов уплачивалась устроителям театра из казны.

Эти раздачи и вообще дневное содержание, выдаваемое гражданам за службу, были, правда, невелики. Но и потребности большей части граждан были очень ограничены. Теплый климат позволял греку носить простейший костюм, состоявший из рубашки, плаща в виде четырехугольного куска материи и подвязанных подошв. Часто он выходил из дому

Оратор, говорящий перед народом (мужской костюм).

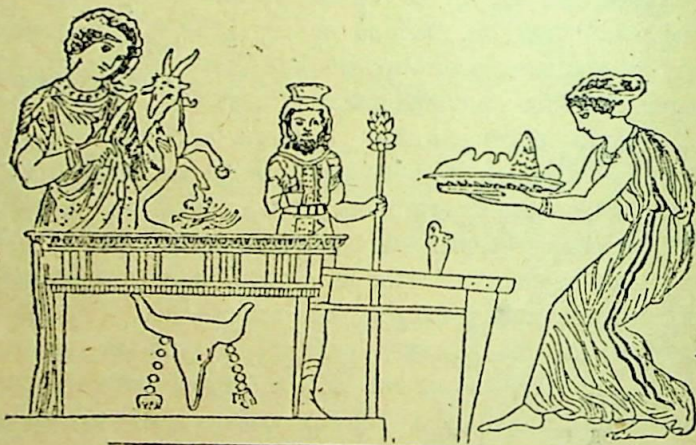
босой и без шляпы; большую часть дня он проводил на воздухе. У простого человека дом был тесен, кое-как выстроен, почти без мебелировки. в питье и еде народ был крайне умерен. Зато в Афинах народ возвел для себя громадные и великолепные общественные сооружения, храмы, театры, бани, гимнастические залы, портики (крытые колоннады для базарной торговли, для отдыха и прогулок).

Богиня мира с божком богатства;
костюм греческой женщины.

С граждан не собирали подати. Но народ заставлял богатых людей тратить на снаряжение кораблей, на устройство праздников: такие траты назывались *литургиями*. Многие находили в этом удовлетворение своего честолюбия, особенно когда на празднике называли имена щедрых дарителей. Но другие роптали, что простонародье взяло себе чрезмерную силу в городе; нигде, говорили они, нет такого господства „корабельной черни“; оттого так своевольны стали в городе и рабы: раб одевается так же, как свободный, не уступает дороги на улице, и его нельзя тронуть, так как он может ответить на удар.

Хотя Афины сделались мореходной общиной, но праздники народа были посвящены больше всего сельским богам, покровителям земледелия и виноделия. Летом праздновались Панафиней, чествовали Афины-Деву и

Жертвоприношение. Налево алтарь, на котором горит огонь; позади него статуя бога Деониса; жрица собирается зарезать козленка. Женщина направо ставит на стол приношение, которое пойдет жрецам.

ее приемного сына Эрхфония (хлебный колос), взрощенного ее служанками (росами). Весною праздновались Большие Дионисии, дни безумного веселья и встречи светлого бога, прибывающего с востока, осенью — Малые Дионисии, дни сбора винограда.

Дионис, как бог цветущей природы, погибающей от стужи и вновь возрождающейся, чествовался вместе с двумя другими божествами, Деметрой и ее дочерью Корой, или Персефой. Большой праздник трех богов справлялся в Аттике в начале осени, ко времени, когда скрываются в преисподнюю благодетельные боги-покровители земного изобилия. Боги эти становятся внизу могучими владыками подземного мира. Люди, которые страшились тяжелой участи за гробом, искали их помощи и принимали особое посвящение. Посвященные в числе нескольких десятков тысяч собирались в Афинах, совершали очистительное омовение в море и отправлялись длинной процессией в священное место *Элевсин*, где происходило торжество. Главное богослужение, *мистерии*, совершалось ночью: народ собирался среди благоговейной тишины в большом открытом помещении, имевшем вид театра; перед его глазами воспроизводили судьбу богов, сходящих в подземный мир и возвращающихся оттуда. Таинственная ночная обстановка, музыка, блеск священных представлений сильно действовали на собравшихся. Они уходили с верою, что подземные боги избавят их от мук, что их ждет трапеза с самими богами на светлой горе, покрытой цветами, в то время, как другие, непосвященные, будут тонуть в смрадном болоте.

Афинский театр. Все афинские праздники сопровождалась музыкой, пением, хороводами, плясками и священными действиями (по гречески *драмой*). Последняя часть торжества заняла особенно видное место в Больших Дионисиях.

Издавна привыкли изображать приезд Диониса, окруженного веселой, козлоногой и хвостатой свитой силепов. Шумный поезд останавливался на круглой площадке, где танцевали и пели хористы в вывороченных шкурах и масках. Среди площадки (*оркестры*, т.е. места хоровода) с возвышения актер-любитель, изображавший Диониса, говорил стихотворную речь, в которой рассказывал свою судьбу, страдания и торжество; свита выражала ему сочувствие, вертелась снова в хороводе, а в это время Дионис исчезал в поставленной позади палатке (*скене*, откуда наша сцена). Переодевшись, актер выходил в новом виде, изображая другое лицо, по мифу связанное с Дионисом; если приходилось представлять злого недруга Дионисова, хор выражал гнев и печаль.

Так как народ очень любил эти представления, устроители праздников принялись расширять и разнообразить их. Кроме мифа о Дионисе, стали представлять еще другие мифы. Поэты писали стихотворную речь.

для главного актера, хороводные песни и разговоры между главным лицом и его свитой. Богатые люди, желавшие приобрести расположение народа, тратились на обстановку, покупали для участников драмы богатые костюмы, нанимали искусных певцов и танцоров или готовили к празднику на выучку целый хор.

Во времена греко-персидских войн вошло в обычай ставить в праздник Дионисий 4 пьесы: три из них содержания трогательного и возвышенного (название их *трагедия* буквально значит „песнь козлов“, т.-е. Дионисова хора) и одну в заключение насмешливого и веселого, *драму сатиров* (сатиры то же, что силены). Много нового для оживления театра

Актеры и хор трагедии; актеры приподняты скамеечками на ногах и высокими головными уборами; направо на столе наградные венки и ветви.

придумал Эсхил, автор трагедии „Персы“. К единственному актеру старинного действия он прибавил другого. Пока из сцены выходило одно лицо, оно могло только рассказать словами о том, что случилось с богом или героем, который изображался перед зрителями. Двое актеров, особенно если они представляли противников, могли воспроизвести само происшествие. Для того, чтобы актеры могли свободнее двигаться и быть все таки выше хора, Эсхил снабдил их высокими каблуками или, вернее, привязными скамеечками (*хотурнами*). Эсхил устроил и первую декорацию: переднюю стенку сцены стали раскрашивать, придавая ей, смотря по пьесе, вид алтаря, скалы, переднего фасада дома с дверью посредине и т. д. Если в пьесе надо было представить и богов и людей, то боги входили на плоскую крышу сцены, чтобы казаться выше людей.

От старого праздничного действия остались оркестр, сцена, хор и говорящие лица: прибавился громадный *амфитеатр*, т.-е. поднимающийся уступами полукруг сидений для зрителей.

В трагедиях Эсхила сюжет был мрачный и возвышенный. Зрители следили с замиранием сердца, как богини кровавых призраков преследуют

несчастливого Ореста, убившего мать Клитемнестру за то, что она изменчески зарезала своего мужа Агамемнона, отца Орестова, когда он вернулся домой после взятия Трои. Они глубоко волновались, глядя на прикованного к скале героя Прометея, благородного друга людей, наказанного Зевсом за то, что он похитил для людей огонь с неба, научил их труду и поднял их над грубой жизнью животных.

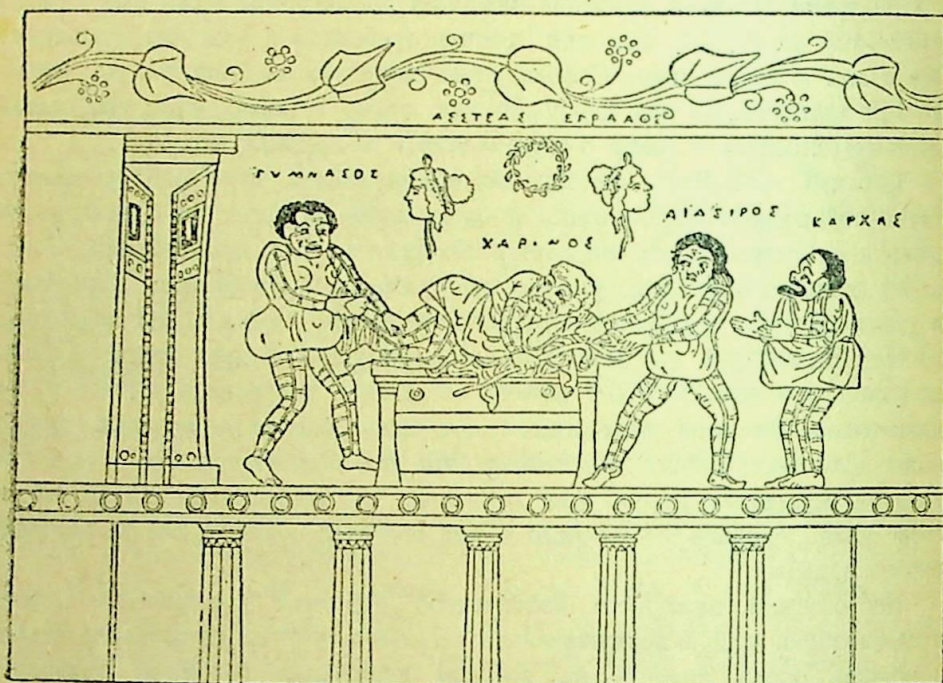
Во время Перикла наиболее любимым драматургом Афин был Софокл (496—408 до Р. Х.). Так как зрители требовали к каждому празднику все новых и новых пьес, Софокл успел написать за свою долгую жизнь до 120 трагедий. Из них дошло до нас только 7, между ними три пьесы, которые относятся к мифу о царе Эдипе и несчастьях его рода.

Царский сын, Эдип, по мнению его родителей, погибший, убивает в случайной встрече своего отца, которого вовсе не знал. Он правит потом долго и счастливо, пока не наступает среди народа тяжелый мор. Тогда от предсказателя узнают, что это наказание за великий грех царя. Эдип в ужасе от того, что узнал, отрекается от власти и выкалывает себе глаза, но беда преследует его дом: два его сына убивают друг друга в споре за власть; его дочь погибает потому, что хотела похоронить убитого брата изгнанника. На всех этих людях нет вины; они ищут лучшего пути в своих действиях; гибнут они потому, что уже заранее решено и предсказано их осуждение. Мысль этой драмы та, что человек, как бы ни строил свою жизнь, сколько бы ни было в нем высоких порывов, все же бессилен против судьбы.

На осеннем празднике виноградной выжимки (по-гречески Ленаэ) представления носили исключительно веселый и шутливый характер. Народ собирался около помоста, на котором появлялись спутники Диониса с большими животами и хвостами; кругом вертелись скоморохи, песнь которых называлась *комедией*. Суть комедии заключалась в передразнивании всевозможных вещей. Все мифы изображались наизусть; герои и даже боги выходили в смешном виде. Напр., великий богатырь Геракл, который, по сказанию, освободил людей от чудовищ и со своей палицей исходил всю землю, представлялся в виде огромного сонного обжоры и болтуна. Писатели комедий высмеивали также современных деятелей, пародных вождей, стратегов и ораторов; не побоялись они нападать и на Перикла, когда он был на верху власти.

Афинская жизнь во времена Перикла. Своей широко раскинутой торговлей Афины превзошли Коринф и Милет. Афинские корабли ходили на запад к берегам Италии и на восток, в Черноморье. Отправляясь во главе афинской экспедиции к берегам Понта, Перикл сказал: „Мы поддерживаем тамошних греков, а варварским царям и князьям покажем, что афиняне смело плавают, где им угодно, и властвуют над всем морем“.

Перикл хотел сделать Афины первой общиной Греции не только по богатству, но и по умственному значению, или как он сам выражался, создать из Афин „школу всей Эллады“. Столица морской державы привлекает чужих посетителей интересной и разнообразной жизнью, красотой своих построек, богатством театральных развлечений. Многие из иногородних греков, приезжавших в Афины, были в восторге от афинского порядка

Сцена из комедии: два вора стаскивают скупого с его сундука; раб плохо помогает хозяину.

жизни, где все граждане пользуются равенством прав и свободой мнений и речи. Геродот (род. 484, ум. 425 до Р. Х.), уроженец малоазийского города Галикарнасса, написавший историю греко-персидских войн, подолгу проживал в Афинах; увлекаясь демократией, он уверял, что само выражение „народовластие“ приятно для греческого уха.

Охотно посещали Афины *софисты*, т.-е. странствующие ученые и преподаватели искусства речи. Мы знаем рассказ о том, какое сильное впечатление произвел приезд софиста Протагора. Он остановился в доме богатого афинянина Каллия. Ранним утром весть об этом облетела город. Целый день стучались в двери дома Каллия люди всякого возраста, добиваясь послушать знаменитого преподавателя. В прохладной галерее, выходившей на внутренний двор, Протагор прогуливался в сопровождении

слушателей и излагал предмет; потом он садился и отвечал на задаваемые ему вопросы.

Начало большой междоусобной войны греков. Недолго протянулся срок спокойной жизни Афин. Историк Фукидид (род. 469, ум. 400 до Р. Х., не имеет ничего общего с противником Перикла) говорит о своих соотечественниках: „они так созданы, что не дают покоя ни себе, ни другим“.

Желая обеспечить себе пути торговли на запад в Италию и Сицилию, афиняне приняли в союз о. Коркиру, лежащий у западных берегов Греции. Коркиряне в это время враждовали со своей метрополем Коринфом, а афиняне взялись им помогать против Коринфа. Кроме того, афиняне заняли важные места у выхода Коринфского залива и начали теснить Мегару, соседку Коринфа. Торговле коринфской грозила полная гибель. Коринф пытался в свою очередь повредить Афинам: склонил к отпадению от афинской державы город Потидею, свою колонию, расположенную на полуострове Халкидике близ Македонии. Но и тут вышла неудача: афиняне заперли коринфский отряд, успевший проникнуть в стены Потидеи. Тогда Коринф обратился с жалобой к Спарте, которая считалась главой и охранительницей всего Пелопоннеса; коринфяне обвиняли афинян в том, что они грозят свободе греческих общин, и требовали расправы над Афинами.

Спартанцев было трудно увлечь к войне. Сначала они предложили Афинам освободить Мегару, а потом, когда, по совету Перикла, афиняне отвергли это предложение, потребовали изгнания из Афин Алкмеонидов, запятнанных святотатством, т.-е., иначе говоря, свержения Перикла. Почти два года тянулись переговоры между двумя главными общинами Греции. Когда стало ясно, что афиняне ни в чем не уступят и что они готовятся в свою очередь подчинить себе Пелопоннес, спартацы собрали ополчение, чтобы вторгнуться через Истм в Аттику. Перикл с своей стороны подготовил план войны. Он убедил сельских жителей Аттики покинуть свои дома, поля, сады и виноградники и перейти под защиту укреплений Афин, Пирея и Длинных стен. Он говорил, что, так как спартанцы на суше непобедимы, то и нечего с ними тут бороться. Зато нет силы, которая могла бы сладить с афинским флотом. Необходимо с моря держать в осаде Пелопоннес; выморенные голодом, спартанцы будут тогда просить мира.

Началась долгая война, которую афиняне называли *Пелопоннесской*; она тянулась с перерывом 27 лет, от 431 до 404 года. Война пошла не так, как ожидали того афиняне, и привела она к гибели афинской державы.

Спартанцы каждый год приходили в Аттику и разоряли ее. Особенно тяжелы для афинян были порубки оливковых деревьев; оливка вырастает

долго и только на 16-й год после посадки дает обильные плоды. Большая часть виноградарей и садоводов Аттики совсем обнищала после спартанских вторжений. В свою очередь афиняне не могли причинить Пелопоннесу особенно тяжелый вред своими нападениями с моря. На второй год войны Афины постигло жестокое несчастье. В городе от скопления множества людей быстро распространилась занесенная кораблями чума. Гибель от страшной заразы вызвала отчаяние между гражданами. Примолкшие противники Перикла заговорили, что на него падает вина за неудачи. Ревнители веры, пользуясь отчаянием простолюдинов, которым несчастья казались гневом божества, напоминали, что Перикл раздражил богов своим неверием. Все эти обвинения подействовали на афинский народ. Первый человек, которого беспрекословно слушались в течение почти 30 лет, был свергнут; его лишили должностей и обвинили на суде за растрату казны. Через год народ опять вернул Периклу прежнее положение, но его уже подкосила смертельная болезнь (429 г.).

В Афинах вообще подняли голову противники правления народа. Они смеялись над тем, что лавочники и мастеровые рассуждают о важных вопросах; по их мнению, править государством—дело „немногих“, „лучших“ людей, т. е. состоятельных, обладающих досугом и образованных. Демагог-преемники Перикла не обладали его искусством успокаивать народ. Богатый кожевенный фабрикант Клеон, сменивший Перикла, хотел вести дело решительно, не обороняться только, а нападать на врагов. Клеон пользовался большим расположением среди простого народа в Афинах; для покрытия военных расходов он предложил увеличить сбор денег с союзников, не взирая на то, что это грозит вызвать среди них раздражение и вмятку. Одна удача придала Клеону большую самоуверенность. Афиняне заняли гавань *Пилос* в Мессении, угрожая поднять восстание гелотов против Спарты. Спартанцы послали отряд лучших воинов из первых семей своих, чтобы отбить назад Пилос. Тогда Клеон добился избрания в стратеги и взял в плен спартанский отряд. Спарта не могла перенести потерю стольких граждан, тем более, что число спартанцев старых семей было вообще невелико. Желая вернуть пленников, Спарта тотчас запросила мира; Клеон, однако, настоял, чтобы афинский народ отверг мирные предложения.

Между тем, у афинян начались неудачи. Энергичный спартанский командир Бразид прошел с небольшим войском на север через Фессалию и склонил города на полуострове Халкидике к отпадению от Афин. Клеон снова вызвался на войну против Бразиды. Но афиняне были на этот раз разбиты. Оба сторонника войны, и Клеон и Бразид, пали в сражении при Амфиполе. Теперь миролюбивому афинскому стратегу Никию удалось устроить мир Афин со Спартой (421 г.). Мир удержался недолго. Афиняне

могли бы сохранить власть над морем, если бы не тянулись дальше своих старых владений. Но народ увлекался новыми морскими планами.

Падение афинской державы. Алкивиад, родственник Перикла, выросший под опекой великого демагога, но очень на него непохожий, представил народу заманчивую картину: завладеть богатой Сицилией, уничтожить торговую силу Карфагена на западе и захватить господство по всему Средиземному морю. Афиняне отправили большой флот и лучшее войско под начальством самого Алкивиада против Сицилии (415 г.). Алкивиад почти ничего не успел сделать. Его враги нашли случай обвинить его заочно. В Афинах незадолго до отъезда флота ночью были сломаны старинные изображения богов, стоявшие на перекрестках улиц. Алкивиад известен был за человека неверующего; пользуясь этим, обвинители догадывались, что оскорбление богов—его дело. Алкивиад не поехал на суд и был заочно осужден на смерть.

Начальство над флотом и войском перешло к Никию, менее даровитому, чем Алкивиад; афиняне осадили большой сицилийский город Сиракузы с моря и суши. Между тем Алкивиад появился в Спарте и дал спартамцам ряд опасных для афинян советов. Во-первых, воспользоваться отсутствием афинского флота, возобновить войну с Афинами и занять крепость Делею в самой Аттике. Затем послать помощь в Сиракузы. В осажденный город, который уже хотел сдаваться афинянам, пробился с небольшим отрядом спартанец Гилипп. Он сумел воодушевить сиракузян, запер афинский флот в гавани Сиракуз и в жестокой битве истребил его; афиняне бросились спасаться внутрь острова, но Гилипп и сиракузяне перегородили пути в горах и заставили сдаться все афинское войско. Никия и других командиров казнили, пленных солдат осудили на каторжные работы в каменоломнях. Афины потеряли в сицилийском походе почти половину сил своей державы.

Алкивиад принялся за планы еще более обширные. Он поехал в Малую Азию, вошел в дружбу с персидским сатрапом и устроил союз между персами и Спартой. Алкивиад умел сходить с людьми разных стран: в Афинах вел беседы с софистами, в Спарте жил просто и по-военному, у персов тратился на роскошную обстановку. Персы дали деньги, на которые спартамцы снарядили сильный флот. Большая часть недовольных афинских союзников стала на их сторону. В самих Афинах противники демократии забрали власть, восстановили старинный порядок, бывший до Солона, образовали совет из богатых людей и перестали созывать народное собрание. Они задумали помириться со Спартой, чтобы опрокинуть раз навсегда ненавистную им демократию (411 г.).

Но войско и моряки, стоявшие флотом у острова Самоса, объявили себя против правления „немногих“ (олигархии) и позвали Алкивиада,

который уже успел поссориться со спартанцами. Самая большая опасность грозила афинянам от того, что спартанский флот завладел проливами, ведущими к Черному морю. Туда и двинулся Алкивиад; он отвоевал прежние владения Афин у проливов и очистил торговый путь, по которому везли в Афины хлеб. После этих побед демагоги в Афинах сбросили господство немногих и восстановили правление народа.

Еще семь лет выдерживали Афины борьбу против многочисленных врагов; мужественный народ снаряжал корабли за кораблями. Но средства истощались; из храмов взяты были последние запасы золота; энергия падала. Народ раздражался от неудач; винил своих вождей в измене. Когда Алкивиад потерпел поражение, его вторично осудили, и он бежал в свой замок у Геллеспонта. Еще раз в великой морской битве у островов Аргинузских, между Лесбосом и берегом Малой Азии, афиняне разбили спартанцев. Но следом за сражением разыгралась жестокая буря, которая унесла в открытое море несколько кораблей и выкинула беззащитных в волны; начальники флота не могли спасти утопающих и похоронить павших в бою. Из Афин тотчас пришел приказ о смещении стратегов и предании их суду: их обвинили в гибели сограждан и оскорблении памяти мертвых. Сильно возбужденный народ не хотел разбирать дело и приговорил их к смерти. Скоро после казни стратегов афиняне раскаялись в своем решении и обратили свой гнев на обвинителей, которые ввели народ в обман.

Но уже близок был конец. Спартанский адмирал Лизандр захватил без боя афинский флот, стоявший в Геллеспонте, в то время, как матросы и солдаты ушли на берег. Афины были отрезаны от подвоза припасов. Спартанцы осадили город с суши и с моря, и после пятимесячной осады вынудили афинян сдаться. Лизандр потребовал срытия длинных стен; афиняне должны были выдать все военные корабли и сжечь свои верфи; все владения за морем были у них отняты. Так кончилась афинская держава, простоявшая 73 года (от 477 до 404 года).

Лизандр потребовал также, чтобы афиняне уничтожили демократию и ввели опять олигархию богатых. Водворился совет 30, которых прозвали *тридцатью тираннами*; во главе их стал Критий, очень способный, но бессовестный человек, который сначала возбуждал простолюдинов против богатых, а потом стал злейшим врагом демократии. Тридцать тираннов не созывали вовсе народного собрания, казнили всех, кто казался им подозрительным, и забирали имущества убитых. Между тем защитники демократии, бежавшие в Фивы, вернулись под начальством Фрасибула, одного из сподвижников Алкивиада, и захватили Пирей. Критий погиб в стычке с демократами; после этого удалось опрокинуть олигархию и вернуть правление народа. Но демократия была слаба и уже не могла более восстановить морскую державу Афин.

Заправлять делами Греции стала Спарта. Ни в чем она не могла заменить Афины, ни в торговле, ни в просвещении, ни в искусстве. Спарта не оберегла также Грецию от подчинения восточному властелину. Мало-азиатские греки, присоединившиеся к Спарте, чтобы освободиться от Афин, были брошены победителем на произвол судьбы; персы опять забрали их под свою власть.

Умственная жизнь века афинской демократии. Время афинского могущества отличалось большими успехами в науке.

Греки, прирожденные странствователи, проявили рано любознательность и пылливость ума. Они жадно усваивали мудрость более старинных по образованию народов: египтян, вавилонян, индусов; они перенимали чужие обряды и веру в новые божества. Сравнение своего с иностранным заставляло их постоянно передумывать вновь смысл собственных мифов и учений о богах.

Историк Гекатей, принимаясь за рассказ о борьбе своих единоплеменников, ионийцев, с персами заявляет: „Я, Гекатей из Милета, пишу только о том, что считаю за истину. Из сказаний, которые ходят среди греков, многие мне кажутся смешными“. Он разбирает миф об адском псе Кербере, за которым Геракл через пещеру спускался в преисподнюю, и удивляется легковерию и нелепости народа: пещера — узка и неглубока, нигде через нее спуститься нельзя; ужасы подземного мира — пустые призраки. По мнению Гекатея, миф надо понимать, как самое естественное происшествие; Геракл схватил в пещере большую ядовитую змею, которую за ее укусы прозвали адским псом, — вот и все.

Живший одновременно с Гекатеем Ксенофан осуждал рассказы Гомера о богах, потому что поэт приписывает им человеческие страсти. По его мнению, „один Бог поднимается над всеми богами и людьми; он не похож на смертных ни внешним видом, ни духом своим“.

Так рассуждали образованные греки времени греко-персидских войн. Современники Перикла и подавно не могли разделять старинный взгляд на мир. Например, они отвергли рассказ о том, что род человеческий создан из камней, брошенных Девкалионом и Пиррой, древней парой, которая спаслась от всемирного потопа. Многие принимали учение Демокрита, по мнению которого существа, заполняющие мир, состоят из бесконечного множества *атомов*, т.-е. малых частиц, пылинок; атомы соединяются в тела и вещи, благодаря взаимному притяжению.

В сочинении Геродота соединяются новые и старые взгляды. Он хочет показать, что война греков с персами — вполне естественное явление: у восточных и западных народов, у Азии и Европы вечные счеты друг с другом. Но в то же время он видит в судьбе человеческой много чудесного: неожиданно могут сменяться счастье и гибель: эти перемены происходят

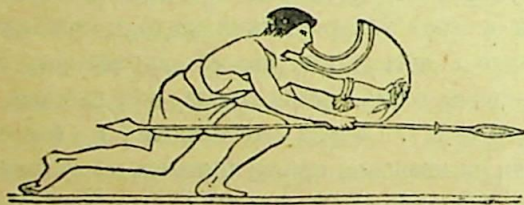
потеряли свою силу, и народ в отчаянии искал виновников беды, несколько демагогов указали на 70-летнего Сократа и привлекли его на суд. Все помнили, что среди его учеников были Алкивиад и Критий, которые принесли так много вреда Афинам. Но на суде Сократа обвинили в том, что он вводит новых богов и развращает молодежь; обвинители ссылались при этом на учение Сократа о божестве, говорящем через внутренний голос в человеке.

Простые афинские граждане могли хорошо разбирать разные тяжбы: они привыкли также толково рассуждать о городских делах и о союзниках. Но им не под силу было судить о науке или о новой вере. Для них были страшны слова: „затронул старую веру“, „пренебрегает богами, которых чтит весь город“. Притом Сократ не старался оправдаться на суде. Он, по обыкновению, резко и упрямо выражал свое мнение, что его надо не судить, а выделить наградой среди граждан за то, что он многих людей сделал лучше. Раздраженные такою речью, судьи осудили Сократа большинством голосов на смерть. Сократ спокойно выпил назначенный ему ядовитый напиток (399 г.).

VI.

Греки на востоке. 400—100 гг. до Р. X.

Наемники. Вследствие постоянных войн между городами, Греция разорилась. Многим сильным и здоровым людям было трудно найти дома заработок, и они уезжали в промысел и на поселение на восток, в Египет, Сирию, к Евфрату. Покидавшие родину часто поступали на службу к персидским наместникам, к владетельным князьям Малой Азии и Египта и к самому великому царю. В Греции можно было

Легко-вооруженный воин времени наемников.

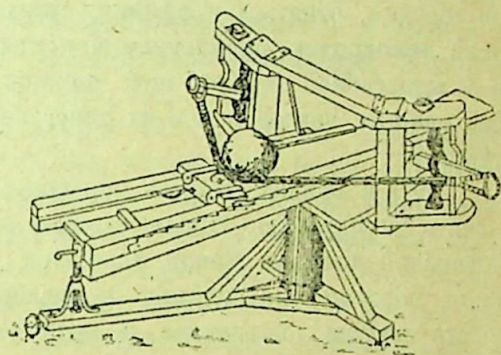
теперь легко нанять солдат, которые готовы были служить всякому, кто только хорошо заплатит; нанимались также офицеры и командиры. Были

прославившиеся командиры, под начало которых особенно охотно собирались солдаты с разных концов Греции.

Наемные вожди обратили военное дело в особое искусство. Афинянин Ификрат умел быстро двигаться со своими отрядами и быстро перемещать их в битве. Он ввел новое вооружение; снял с воинов тяжелые латы и наконечники; снабдил их защитной обувью; дал в руки небольшие щиты

в длинные коня. Наемники устраивали засады; ставили войска клином, чтобы врезываться в середину врагов; придумали употреблять крупные метательные орудия; подводить к крепостям осадные башни и т. д.

Десять тысяч греков на востоке около 400 г. Греческие наемники показали путь в глубину персидского государства. Вскоре после падения Афин персидский принц Кир, бывший наместником Малой Азии, задумал свергнуть своего старшего брата, царя Артаксеркса. Он нанял отряд греков под начальством спартанских офицеров и повел его вместе со своими азиатскими силами. В решительной битве с царскими полками под Вавилоном Кир погиб, но нанятые им греки отбили все нападения многочисленного противника. Царские начальники пошли на переговоры с ними; главные командиры греков доверились персам и были изменнически захвачены. Греческие солдаты, однако, не потерялись; они сошлись все на собрание так же, как привыкли обсуждать дела на родине, выслушали разные мнения и выбрали себе новых начальников. Один

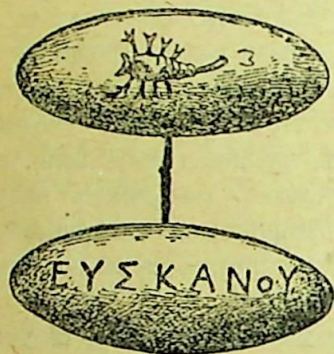
Греческая катапульта, метавшая большие камни и ядра.

из выборных был афинянин Ксенофонт, ученик Сократа; он и сохранил подробный рассказ о походе. Греки двинулись домой; они шли 8 месяцев на протяжении около 1.200 верст, не имея карты страны, частью по пустынным местностям, среди враждебного им населения, преследуемые персидскими войсками. С небольшими только потерями добрались они до Трапезунда у Черного моря, где сели на корабли.

Военная монархия в Сицилии. Там, где приходилось всю защиту доверять большим наемным отрядам, их начальник мог захватить верховную власть над целой страной. К концу Пелопонесской войны карфагеняне завоевали большую часть острова Сицилии; они угрожали последнему оплоту греков, Сиракузам. Двадцатипятилетний командир Дионисий потребовал у сиракузского народного собрания передачи ему неограниченной власти для ведения войны. Он теснил карфагенян на западный угол острова, укрепил Сиракузы громадной несокрушимой стеной и сделал этот город столицей большой державы, захватившей, кроме Сицилии, южную Италию, но вместе с тем отменил демократию, закрыл народные собрания и запретил свободу слова. Новый тиран выстроил себе укрепленный дворец на островке среди сиракузской гавани, засел там со своей гвардией и следил

на рабочих и на воинов; первые способны работать, но не имеют ни рас-судка, ни воли; только вторые обладают качествами, которые нужны для граждан: мужеством, пониманием общего блага. На работу первых должно содержать воинов; они одни будут настоящими гражданами. Они будут жить вместе, должны отречься от узких интересов семьи и вовсе не иметь ничего в собственном владении; дети их, отнятые от родителей, будут воспитываться в больших общественных учреждениях. Воины служат только общему делу. Между ними следует выделить еще философов, лю-дей особого таланта и глубокого познания: они должны править новой общиной.

По мнению Платона, в расстройстве греческих городов виноваты также те из софистов, которые отвергали народные понятия о богах и не давали

Бронзовые ядра: внизу падисей „по-падн хорошенко!“

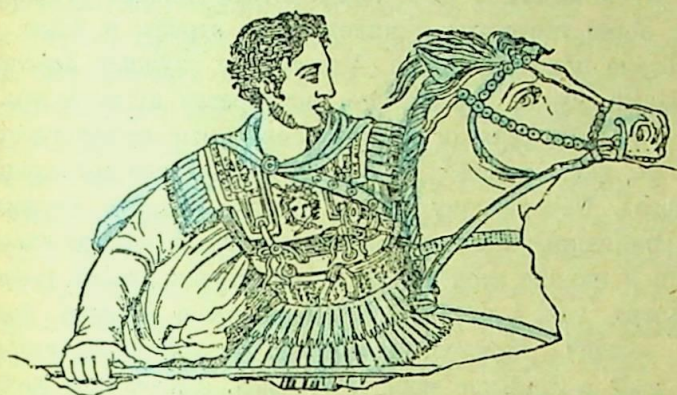
взамен новой опоры для веры. Платон отличает от них Сократа, верившего в божество; он написал горячую защиту Сократа, в которой изобразил его святым человеком. Платон учил сам, что земной мир, окружающий человека, — всего только слабый и плохой снимок с прекрасного и великого небесного мира. На земле есть, однако, частицы, занесенные из светлой надзвездной области: это — души людей. Телесная оболочка человека — тюрьма, в которую заключена душа. Люди похожи на узников, скованных и запертых в пещере, куда едва проникает свет; они не знают, где их истинная родина, лишь слабое чаяние ду-

ши напоминает им об этом. Души большинства людей гложут в ничтожных интересах и низменных понятиях; они погибли для вечной жизни; тем немногим, кто ищет мудрости, мысль и знание открывают путь в истинный мир, далекий от земли.

Платон надеялся найти сочувствие к своим взглядам у сильного монарха; он два раза ездил с учениками своими ко двору сицилийских тираннов, Дионисия и его сына. Другой афинянин, учитель красноречия, Исократ, ожидал спасения Греции от монархии македонской.

Македония с 360 г. Страна эта лежала на север от собственно Греции, между Балканскими горами и северо-западным углом Эгейского моря. Македоняне были родственны грекам, но их постоянно беспокоили дикие горцы, и они отстали в торговле, ремесле и образовании от остальных греков; они оставались суровыми охотниками и воинами; обычай требовал, чтобы юноша, еще не убивший кабана, не смел садиться на пир за стол; кто не умертвил ни одного врага, носил на теле в знак позора

перевку. Порядки у них были старинные: во главе крестьян стояли воинственные князья. Царей окружали дружины людей, с которыми они делились военной добычей.

Македонский всадник (изображение царя Александра).

Македонский царь Филипп перенял у греческих наемников все новые военные приемы, но образовал постоянное войско из своих подданных: в бою посредине становилась неприступная фаланга из плотно сдвинутых рядов солдат, вооруженных длинными копьями; с боков нападала многочисленная конница. Пользуясь слабостью и ссорами греков, Филипп захватил богатую, плодородную Фессалию, затем—старые владения афинян на севере Эгейского моря, богатые золотыми рудниками, и города у проливов, важные для торговли с Черноморьем и для переправы в Азию. В старом оплоте демократии, Афинах, выступили противники македонского царя; самый горячий из них, Демосфен, искусной речью старался подвигнуть народ против Филиппа и составить для борьбы союз из греческих городов. Демосфен доказывал, что цари и тираны—враги свободы; Афины должны стать на защиту правды и закона против произвола. Но Афины не имели ни прежних средств, ни флота; ни большой казны; много было граждан, не желавших войны вовсе и равнодушных вообще к политике.

Когда, однако, македонский царь захватил важный Фермопильский проход и привел свои силы в Среднюю Грецию, в Афинах весь город крайне встревожился. С получением вести ночью зажгли по всей стране сигналы; на другой день собралось множество граждан в народное собрание. На призыв вестника никто не решался говорить. Тогда поднялся Демосфен и предложил немедленно, забыв все счеты, соединиться с соседними общинами.

При Херонее в Беотии ополчения Афин и Фив были разбиты превосходящими силами Филиппа (338 г.). Все греческие города признали

тегомонию македонского царя и обязались доставить подмогу в задуманном им походе против персов; отказались только спартанцы, ссылаясь на то, что они искони никому не подчинялись.

Поход Александра с 334 года. После смерти Филиппа его сын Александр, повел греческие и македонские отряды в Азию. Многие благоприятствовало походу в Азию. Александру служили опытные генералы его отца. Пути внутри персидского государства были теперь известны. В некоторых областях правили почти независимые от персидского царя князья, в других, как, например, в Египте, непрерывно происходили восстания против персов. Персидскому царю, однако, также служили искусные греческие командиры; в его распоряжении были греческие наемники. Можно сказать, что в начале этой войны греки бились против греков.

В то время, как Александр переправился в Малую Азию, один из греческих вождей, Мемнон, предлагал персидскому царю Дарию I отправить флот в Эгейское море и отрезать Александру доставку припасов, подмоги и самое возвращение в Грецию. Мемнон начал свои действия на море очень удачно, но скоро умер. В совете персидского царя было мало согласия; персидские вельможи ненавидели греков. Когда афинянин Харидем, предлагая в царском совете свой план защиты против Александра, резко отозвался о негодности азиатских войск, эти слова сочли за нарушение этикета и уважения к царю: Дарий притронулся к поясу грека, и служители тотчас вывели и задушили его.

Александр прошел Малую Азию и пробил себе путь в Сирию, который ему загородил сам царь Дарий при *Иссе*: здесь все семейство царя и много богатства его досталось Александру. Дарий предложил заключить мир и поделиться: он уступал все приморские земли с Египтом, а себе хотел оставить земли за Евфратом, но Александр не согласился. Подвигаясь дальше вдоль берега, Александр уничтожил города финикия и особенно богатый Тир. Старые торговые соперники греков были теперь погублены. В Египте Александра принимали, как избавителя от персов. В храме бога Аммона, находившемся в далеком оазе среди пустыни, куда Александр проник, жрецы объявили его сыном бога; Александр приказал изображать себя на монетах со знаками божества.

Из Египта он двинулся за Евфрат и внутрь персидского государства. Дарий еще раз встретил его с большими силами за рекой Тигром около развалин Ниневии. Опять рассеял их Александр и направился еще дальше, в нынешнюю Персию, Афганистан и Туркестан, преследуя бегущего персидского царя. Дарий во время бегства был убит одним из персидских наместников; Александр объявил себя законным наследником убитого и взял себе в жены двух царевен-наследниц старой персидской династии. В это время спартанский царь Агис собрал в Пелопоннесе греческие войс-

их наемников, служивших раньше персам, и выступил против Антипатра, македонского наместника Греции. В Аркадии произошла упорная битва, в которой погибли последние остатки горделивого спартанского воинства. Агис, раненый в ногу и подхваченный на руки отступающими спартанцами, приказал им обернуться к врагу и, упав на колено, со щитом и копьем в руке, встретил смерть, как подобало спартанцу.

Александр все больше и больше увлекался обычаями восточного мира: столицей своей он выбрал Вавилон, далекий от Греции; в торжественных выходах он стал появляться в парадном восточном одеянии и требовал, чтобы его встречали земным поклоном; рядом с греческой гвардией он завел персидскую. В Грецию Александр прислал повеление приписать его к олимпийским богам. Многим грекам не нравились эти отступления от привычной им простоты: старые генералы Филиппа возмущались против предприятий Александра; он казнил некоторых из них, совершенно так же, как раньше это делал персидский царь со своими врагами. Завоеванное Александром государство держалось так же плохо, как персидское; поднимались восстания, выступали самозванные цари.

Но Александр строил новые планы: он хотел проникнуть в сказочную Индию, о которой греки знали только по слухам: теперь была надежда добраться и до великого моря, которое, как казалось греческим географам, окружало весь земной мир. Предприятие это не удалось: слухи упорно отражали нападения, солдаты Александра не хотели идти так далеко и заставили его вернуться. Но корабли Александра все же проплыли от устья Инда по Персидскому заливу к устью Евфрата и открыли важный торговый путь, примыкавший к новым поселениям греков в Сирии и Вавилонии. Крайние места на Востоке, до которых дошел Александр, были Туркестан и индийское Пятиречье. Было заложено несколько городов, названных именем Александра; из них *Александрия* в Египте стояла на месте нынешнего Ходжента.

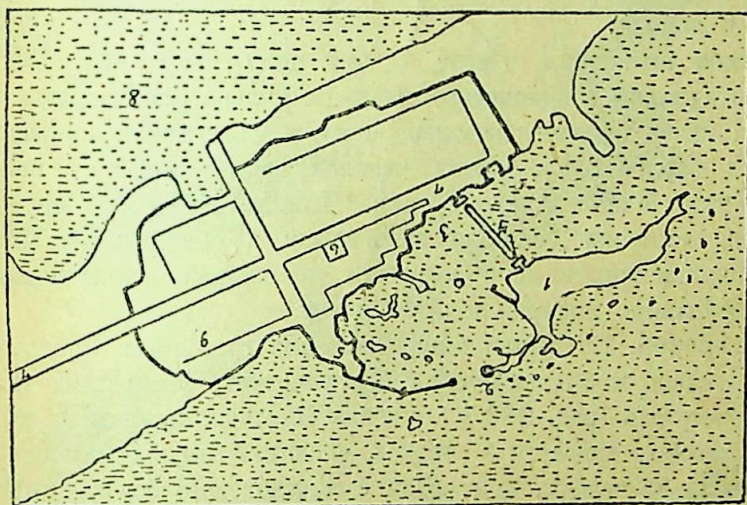
Греки в Европе и на Востоке. Вскоре после похода в Индию Александр умер еще молодым (в 323 г.). Огромное, наскоро сколоченное государство его стало немедленно распадаться. В Греции началось восстание. Афиняне вернули изгнанного Демосфена, и весь город торжественно вышел навстречу великому патриоту. Восставшие пытались загородить Антипатру путь в Среднюю Грецию, но, по обыкновению греков, не выдержали долгой войны и стали расходиться по домам. Антипатр пробился через Фермопилы и напал на Афины с суши и с моря. Когда город сдался, македонский наместник потребовал выселения бедных и окончательного уничтожения демократии, как было во время тридцати тираннов. Демосфен, осужденный на смерть, бежал; когда его в Арголиде настигли македонские сыщики, он принял яд.

В Азии уже во время похорон Александра произошли кровавые схватки между македонскими генералами. Долго спорили они их сыновья из-за наследства. Сподвижники Александра, Антигон, Птолемей, Селевк и другие провозгласили себя царями и образовали несколько греческих государств: главными из них были Македония, Египет и Сирия. Греческие воины, торговцы и ремесленники во множестве устремились на Восток, покидая свою обедневшую и разоренную междоусобиями родину. Сто лет спустя после похода Александра в бывших западных сатрапиях персидского государства, Малой Азии, Сирии, Месопотамии, Вавилонии, Египте, греков жило больше, чем в Европе. Выросли заново огромные города, заселенные преимущественно греками: *Александрия* в Египте, близ устья Нильского рукава у моря, и *Антиохия* в Сирии на р. Оронте в конце караванного пути от Евфрата к Средиземному морю. Метрополия греков, города и области южной части Балканского полуострова, не обогатились от покорения персидской державы. Некоторый достаток удержался в Афинах; полный художественных построек и статуй, знаменитый своим театром, город продолжал привлекать иностранцев: ученые основывали в нем школы. Поднялась также торговля острова *Родоса*, лежащего между Критом и Малой Азией. Но эти города держались только дружбой с большими монархиями, Египтом и Македонией.

Птолемей в Египте. Из греческих государств на Востоке самым богатым сделался Египет под властью царей из семьи Птолемеев. Греческие цари сумели добывать из густо населенной Нильской долины очень много дохода. Они вели через чиновников точный счет всего населения, количества обработанных земель, размера ремесленных и торговых заведений. Каждый домохозяин должен был дать самые подробные показания о том, сколько в его доме или имении живет людей, какой их возраст и занятия, сколько у него рабочих, сколько у него имущества и дохода. Подати поступали деньгами в казну или предметами в склады царя, хлебом, овощами, топливом для войска; масло, льняные материи вырабатывались исключительно на царских заводах, а растительный материал, необходимый для этих произведений, доставлялся со всей страны царю. Птолемен наравне с фараонами старинного Египта были причислены к богам; на этом основании они отобрали себе большие поместья богов при храмах, кормившие множество людей, и перевели доходы с них в свою казну.

Богатая казна позволила им держать лучший флот в Средиземном море. Птолемей I и его сын Птолемей II Филадельф (их правление 321—243 до Р. Х.) захватили Финикию, о. Кипр, часть берегов Малой Азии, Кикладские острова и получили господство над торговлей Греции с Ле-

вантом, т.-е. восточным краем Средиземного моря. Средоточением этой торговли сделалась столица Птолемеев, Александрия, затмившая собою Афины, Коринф и финикийский Тир. Александрия, выстроенная по плану, перерезывалась во всю длину широкой в 14 саженей улицей, тянувшейся на 6 верст. Гавань была закрыта узким длинным островом, который соединялся с берегом широкой каменной плотиной более версты длиной: на краю острова стояла большая башня *фарос*, служившая маяком; огонь, который поддерживали на ее верху, был виден в море на 60 верст. Утвердившись в Египте, предприимчивые греческие торговцы стали пробираться по Аравийскому заливу в Счастливую Аравию, Индию и Китай по путям, которые раньше были известны только финикинам.

План Александрии: 1—остров Фарос, 2—маяк на краю его, 3—торговая гавань, 4—каменный мост, 5—царский дворец, 6—музей, 7—главная улица, 8—озеро от разливов Нила, 9—еврейский квартал.

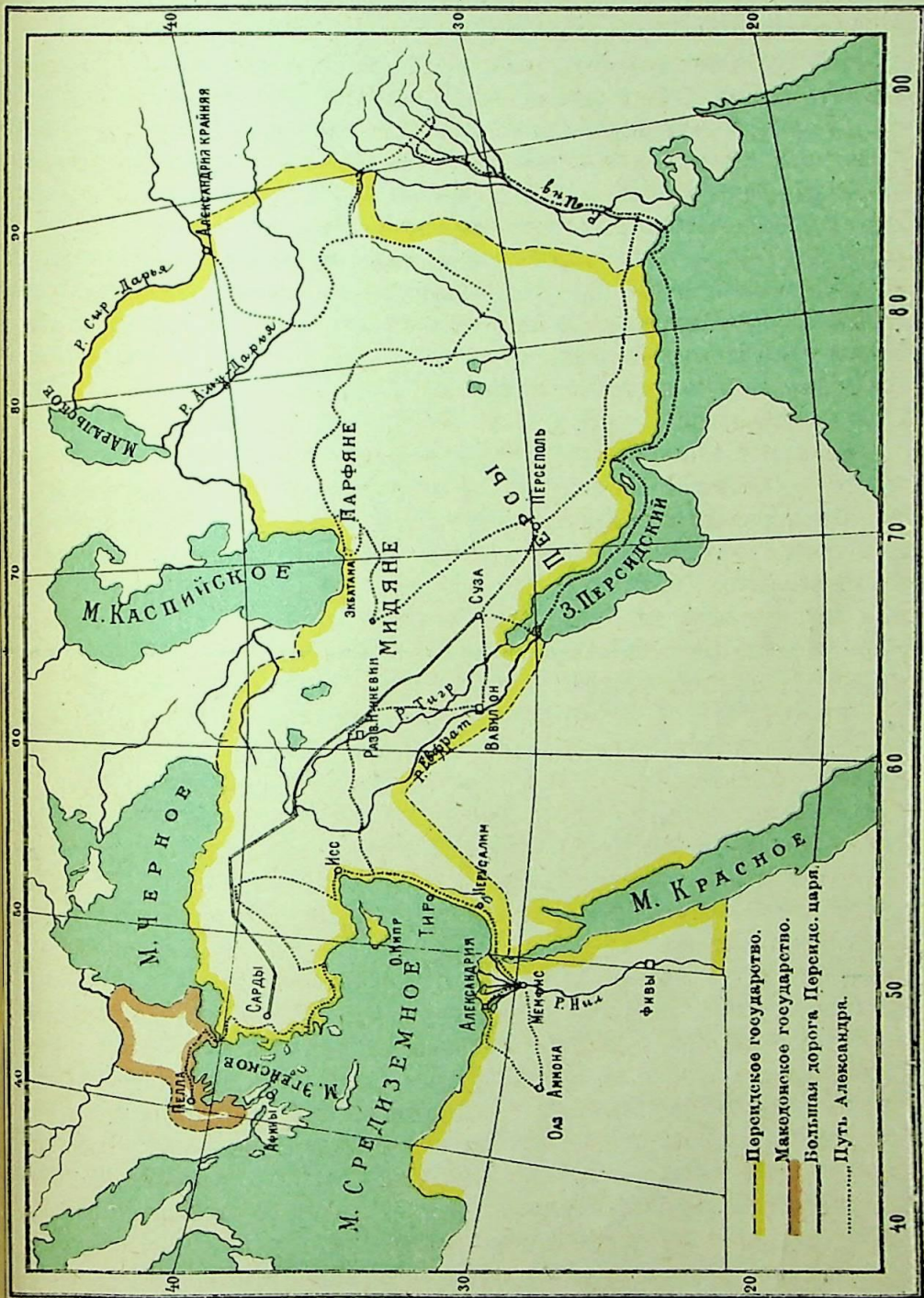
Селевкиды в Сирии и Иудея. Крупнее размерами, чем Египет, но не так прочно было государство, основанное в Передней Азии Селевком по прозванию Победителем; оно охватывало Сирию, большую часть Малой Азии, равнину рек Евфрата и Тигра и все Иранское плоскогорье до границ Индии; столицей его была населенная наполовину греками, наполовину иудеями Антиохия. Потомок Селевка, царь Антиох III Великий (223—187 до Р. Х.) отнял у Птолемеев Финикию и Палестину и собирался в союзе с Филиппом, царем Македонии, разделить Египет; но за Птолемеев вступилась могущественная римская республика, и в Малой Азии римские легионеры разгромили армию Антиоха.

После смерти Антиоха сирийское государство стало распадаться. Восточными областями, лежащими между рр. Тигром, Индом и Амударьей, завладели *парфяне*, народ полукочевой, наездники и стрелки, подобно персам. Отделилась также Палестина. Пока страна принадлежала Птолемаем, вера иудеев не терпела никаких притеснений, но сирийские цари, которые присваивали себе блистательные титулы Спасителей. Явленных богов и т. п., стали требовать, чтобы иудеи ввели в иерусалимском храме почитание греческих божеств. Под предлогом борьбы за веру подняли восстание священник Матафия и его сыновья, прозванные Маккавеями (богатырями). Симон Маккавей занял своим войском Иерусалим, и народ признал его первосвященником „на время, пока не восстанет заслуживающий доверие пророк“ (142 г. до Р. Х.). Его потомки соединили титулы первосвященника и царя и восстановили государство Давида и Соломона.

Палестина заключала в себе в эту пору лишь часть еврейского народа. Со времени вавилонского плена он сильно размножился. Лишенные земли, иудеи преимущественно занялись ремеслом и торговлей; многие искали заработка в чужих странах, переселялись в приморские города Египта, Малой Азии, Греции, Италии. Еврейские переселенцы, или „иудеи рассеяния“, спланивались всюду в общины: они сохраняли связь с единоплеменниками и посылали в великий единственный свой храм в Иерусалиме подарки и приношения.

Наука греков. Ко времени передвижения греков на Восток, у них накопилось очень много сведений географических, физических и исторических. Аристотель (род. 383 г.), ученик Платона, пришел к мысли собрать эти знания, привести в порядок, сравнить сходные явления и вывести поучения. Аристотель был родом с македонского берега, одно время находился при македонском дворе в качестве воспитателя Александра, но большую часть жизни провел в Афинах (умер в 322 г.). Он соединял огромные знания почти по всем наукам. У него была большая коллекция по естествоведению, в которую много интересного прислал Александр со своего похода. Ученики Аристотеля под его руководством описали устройство множества греческих и иноплеменных общин. Аристотель пошел совершенно иной дорогой, чем Платон; у него нет поэтического вымысла, чтобы объяснить явление жизни на земле; он хочет опираться только на точные наблюдения и опыт. Аристотель не поднимал горячо голоса ни за, ни против демократии; он только разбирал спокойно достоинства и недостатки разных видов правления — монархии (власти одного лица), аристократии и демократии.

Познания греческих ученых в следующие два столетия (300—100 гг. до Р. Х.) стали еще шире. Географы составили подробное описание

Персидское государство и поход Александра.

мной поверхности; по крайней мере, в пятью больше был кругозор греков теперь, чем во время греко-персидских войн: моряки греческие бегали до Мадагаскара, до Индо-Китая и даже Китая. В Китай, страну шелка, знали и морской путь кругом Азии, и сухопутную дорогу через среднеазиатские горы, где были устроены рынки шелка. Слоновую кость привозили от великих озер у верховьев Нила. Половина Старого Света была известна грекам.

Греческие ученые сделали заключение, что земля—шар, хотя и не могли проверить это понятие на опыте, как позднее европейцы, совершавшие кругосветные плаванья. Вселенная, по учению греков, тоже сферическая. В середине ее держится в равновесии земной шар, потому что от всех краев неба он отстоит равномерно далеко. Большое внимание обратили греческие ученые и на движение небесных светил. Около 50 г. Аристарх, родом с острова Самоса, первый решился сказать, что и солнце и планеты вращаются кругом неподвижной земли, а, напротив, земля и все планеты вертятся около солнца. Аристарх сделал еще одно важное открытие: до него солнце считали значительно менее земли, примерно, с Пелопоннес величиною; Аристарх объявил, что солнце гораздо больше земли, оттого и должна земля около него вращаться.

Ученых более всего ценили в греко-египетской Александрии. Этот город стал теперь для греков тем, чем были раньше Афины. Царь Птолемей II Филадельф учредил в Александрии *музей* (т.-е. дом *муз*, богинь, управлявших знанием и художествами), где были устроены зоологические и ботанические коллекции, анатомический зал, химическая лаборатория. В музей была собрана огромная библиотека старинных и новых греческих книг; здесь берегли, между прочим, записанные песни Гомера. Всякая книга, привозимая в Египет, доставлялась в музей; с нее снимали копию, и книгу возвращали владельцу. Множество книг переписывалось в большом числе экземпляров и распространялось в обществе. Греческий язык сделался языком образованных людей на Востоке. В Александрию в большом количестве переселились евреи; они стали здесь забывать родную речь и перевели Библию на греческий язык (она называется Библией 70 толковников). Вавилонские и египетские жрецы писали по-гречески историю своего народа.

Эпикурейцы и стоики. По мере расширения кругозора греков изменялись их понятия о других народах. Прежде им казалось, что между ними и варварами лежит неизгладимая разница, потому что они различны от рождения, по крови. Теперь они тысячу раз встречались на каждом шагу с людьми другой крови и видели, как эти люди, изучив греческую науку, приняв греческие обычаи, становятся похожи на греков; следовательно, разница крови не имеет большого значения. Людей надо

различать не по племени, а по хорошим или дурным качествам; все различие между варваром и греком в образовании, а образование может открыться всякому. Значит, все люди на земле могут стать равны между собою, могут составить одну великую семью.

Таково было учение Эпикура (родом с острова Самоса). Около 300 г. Эпикур собирал много слушателей в своем саду в Афинах; он говорил, что главное благо на свете—дружба, и что надо ее распространять как можно шире на окружающих людей, на всех, с кем жизнь нас сводит. Кто нам друг? Прежде всего те, кто с нами одних мыслей. Но не нужно замыкаться с одними близкими, нужно равномерно разделять свою помощь между многими людьми. У меня друг везде, где я могу подать руку спутнику жизни, где я могу сказать хотя бы одно ласковое слово. Пусть помнит человек, что больше счастья в том, чтобы совершить самому доброе дело, чем принять его. В дружбе все мое—твое, а все твое—мое. Когда господин отпускает раба на волю, он сам точно переживает освобождение.

Изменился также взгляд на рабство. Прежде выражали мнение, что рабы—особая порода, низший сорт людей; между свободными и рабами—непроходимая пропасть; рабы—это те люди, у кого нет от рождения ума и воли: они могут только служить и пресмыкаться. Конечно, случается, что благородный, свободный от рождения человек попадает в рабство; но большинство рабов должны быть и оставаться рабами: если их освободить, они тотчас опять отдадутся в службу и подчинение. Теперь многие в Греции пришли к убеждению, что рабы по природе ничем ни отличаются от других людей. Учение о прирожденном равенстве всех человеческих существ особенно настойчиво высказывали стоики; так назывались слушатели и последователи Зенона (род. на о. Кипре) учившего, почти одновременно с Эпикуром, в афинской галлерее *стоа*. По мнению стоиков, все люди—между собою братья. Бог любит людей, как детей своих. Нет человека, о котором бы мы сказали, что он стоит слишком низко и не может требовать от нас любви и справедливости к себе; и раб—человек, и у него то же самое право. Во всем мире один закон, одна душа. Душу мира образует великое пламя в середине его; в каждом человеке горит искра от этого огня.

И эпикурейцы, и стоики составляли кружки, дружеские общества, подобно ученикам Сократа, киникам и платоникам. В такие же общества соединялись все люди мирных занятий, ремесленники, художники, ученые, торговцы, моряки. Члены содружества сходились по временам на общие трапезы; из средств богатых сочленов кружок оказывал помощь бедным и неимущим. Каждое общество выбирало себе покровителя в лице бога, героя или святого.

Со времени похода Александра на Восток, греческий народ как бы разделился на две части. Одни служили в войсках, заполняли гарнизоны крепостей, основанных преемниками Александра, или поступали чиновниками в управление больших монархий Востока. Другие, уклоняясь от всякой службы, уходили в свою частную, кружковую жизнь. Те и другие перестали интересоваться политикой. Народные собрания с их горячими спорами прекратились. Среди греков не было больше сторонников свободы и народного правления: частью они сделались монархистами, частью стали равнодушны к делам государства, заботясь только о своем доме или товариществе, думая о науке, искусстве, ремесле или о спасении своей души.

VII.

Начало римского государства.

Около времени великого похода Александра греки заговорили о новом воинственном народе на западе: это были *римляне* в Италии.

Старинная Италия. Подобно Балканскому полуострову, Италия отделена от материка Европы горной цепью Альп. Ее северная часть образует большую плодородную равнину, орошаемую рекой По, по своему положению похожую на Фессалию. Дальше к югу страна вытягивается в длинный полуостров вдоль хребта Апеннинских гор. Апеннины представляют слабо согнутую дугу, которая начинается у берега западного моря, Тирренского, упирается серединой в берег восточного, Адриатического моря, и возвращается опять на запад, заполняя собой Бруттий (нынешнюю Калабрию), один из двух узких рогов, на которые расходится полуостров. Между главным гребнем Апеннин и морем остаются свободные пространства, иногда широкие равнины.

Таким образом, по Италии легче двигаться, чем по Греции, и страна далеко не так раздроблена горами, как Греция. Но зато Италия и не имеет такой хорошей защиты, как южная часть Балканского полуострова. Альпы, правда, составляют высокую стену, но к ним легко подойти с севера, где склоны отлоги, тогда как напротив с юга защищать крутые обрывы трудно. Поэтому из-за Альп в Италию прорывались не раз воинственные дикие племена, особенно *галлы*, которые заняли равнину реки По. В Италии можно с большим успехом, чем в Греции, заниматься земледелием и садоводством. Сама страна может прокормить больше народу, чем Греция, и населению Италии долго не нужно было искать пропитания за морем. Оттого жители Италии отличались большей привязанностью к старине и не были так перемчивы, как греки.

Италия в настоящее время не имеет лесов; климат ее сухой; ее главные растения — виноград, рис, кукуруза, южные плоды; есть сахарный тростник, хлопчатник, пальмы. Кроме винограда, все эти растения перенесены были в Италию недавно: большую часть их пересадили сюда арабы, лет за 900 до нашего времени. Две тысячи лет тому назад, во времена римлян, Италия имела совсем другой вид. Главные растения в ней были европейские хлеба; больше всего разводили не пшеницу, а ячмень, который теперь сеют только в северных странах. Лесов было очень много, и климат стоял более сырой и холодный, чем теперь. Реки Италии крупнее, чем в Греции, а в старину, благодаря лесам, они были многоводнее. Но они несудоходны, изобилуют стремнинами и порогами. Весною в половодье река, быстро сбегая с гор, запирает себе сама выхода кучами мусора, который несет с собою, и разливается большими озерами и болотами: в них вода застаивается, гниет и заражает воздух лихорадками. Оттого близко к морю было мало поселений; народ должен был забираться на высоты и строить села на холмах.

Вместе с тем море в Италии не так приветливо, как в Греции. Только на юге Тарентский залив Ионического моря изобилует хорошими бухтами, близ которых и утвердились пришлые греческие колонисты. Восточное, Адриатическое море бурно и не имеет гаваней. Здесь иностранные корабли почти не появлялись, народцы, жившие по Апеннинам, близко к Адриатике, были чужды мореплаванию и всеми своими помыслами тянулись на запад. Главная жизнь Италии кипела на более доступном с моря берегу западного, Тирренского моря. Здесь внутри дуги образованной Апенниннами, были расположены плодородные, плотно населенные области, Этрурия (страна этрусков), Лаций (страна латинцев), Кампания. У западной окраины Италии лежат три острова, Корсики, Сардиния, Сицилия, образующие стоянки при переезде в другие страны. Здесь началась торговля с иностранцами, греками и карфагенянами. Отсюда двинулись потом морем сами жители Италии. Наконец, на той же западной стороне возникла римская община, объединившая Италию завоевавшая весь средиземноморский край.

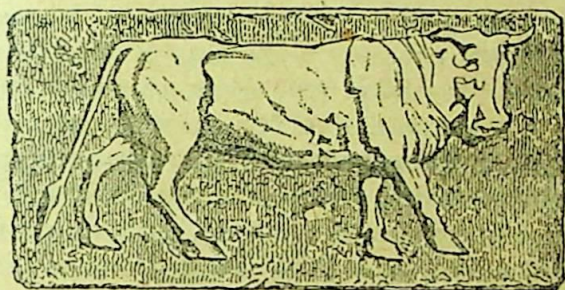
Поэтому можно сказать, что Италия обращена лицом на запад в то время, как Греция смотрит на восток. Греки получали с востока больше товаров и сведений; греков больше переселилось на восток, чем на запад от родины. Жителей Италии, напротив, долго занимали страны, лежащие от них на запад, Испания, Франция, северо-западная Африка. Лишь вслед за покорением западной части Средиземного моря они обратились к странам востока.

Начало Рима. Из западных племен раньше всего выдвинулись мажорской торговлей *этруски*, или *туски* (по имени их и сейчас страна

называется Тосканой). Около времени Пизистрата афинского этрусски, в союзе с карфагенянами, разбили большой флот греков и вытеснили греческих торговцев из Тирренского моря. Этруски заняли береговые места в Лации и в Кампании; одно время им подчинялся и Рим, главное поселение племени *латинов* на нижнем течении Тибра (основание Рима считается в 754 году до Р. Х.). Однако, Рим скоро сбросил господство этрусков, объединил латинов в союз и взялся оберегать их с моря. Римляне заключили договор с могущественной морской державой запада, Карфагеном: карфагеняне обязались не нападать на берега Италии и не строить тут крепостей; в свою очередь, римляне обещали не тревожить Африку и другие владения Карфагена, а только мирно довозить свои товары до Сицилии и Сардинии, где были рынки карфагенян.

О начале своей общины римляне не могли рассказать ничего достоверного. Они передавали только мифы, которые выражают воинственный характер народа.

Основателями Рима считались братья-близнецы, дети бога Марса, Ромул и Рем, брошенные матерью и вскормленные диким зверем, волчицей. Город Рим построен на крови; братья поссорились, и Ромул убил Рема. Замечательно еще одно мрачное предание. Однажды римляне должны были решить спор с латинским городом Альбой посредством единоборства трех братьев Горациев против трех Куриациев. В бою остался жив только один из Горациев, убивший всех трех Куриациев;

Старинная римская монета из бронзы;
1/2 настоящей величины.

возвращаясь домой, он встретил свою сестру, которая подняла плач по убитому Куриацию, ее жениху; тогда победитель поразил ее мечем.

То, что мы знаем о старинных обычаях римлян, согласуется с их рассказами. У них долго держались человеческие жертвы: во время наводнений Тибра бросали людей в реку, чтобы умилостивить ее бога; когда случалось землетрясение, и раскрывались трещины в земле, зарывали несколько человек живыми в жертву страшным подземным богам.

Долго сохранялись в Риме старинные судебные обычаи, которые напоминали расправу: недруга можно было силой притащить на суд или захватить у него любую вещь, чтобы заставить его отвечать на суде; займодавец мог схватить несостоятельного должника и показать

Римская Империя при Траяне.

его суду, а потом увести к себе в кабалу или на казнь; должника выставляли на площади и спрашивали, не поручится ли за него ктонибудь: если никто не вступался, займодавцы могли умертвить должника и, как гласил старинный обычай, разделить между собой его труп. Жалобщику на суде не приходилось доказывать свое право; если он точно знал все нужные слова присяги, этого было достаточно, чтобы добиться приговора вещи, которой он домогался. Отец имел в семье неограниченную власть; жена и дети наравне с рабами и скотом составляли его имущество (все вместе, что было под рукой его, называлось *фамелия*, а сам глава был „отец фамелии“); он мог принять новорожденного ребенка своего и не принять его, т.-е. велеть выкинуть, мог лишить сына наследства. Женщина была в полной воле мужа, а после его смерти подчинялась во всем своему же старшему сыну, заступавшему место отца.

Вера римлян. Римлянам были чужды образы живых и светлых греческих богов. Названия некоторых божеств взяты от человеческих действий; малого ребенка учат ходить, кричать и говорить особые богхоходы, крика и речи; двери домов и ворота города охраняет бог-Отпиратель (Янус). Есть богиня Верность, бог Держатель слова и т. п. Главная сила у бога-воителя Марса и у великого отца Юпитера. Богам служили товарищества жрецов. В жрецы и гадатели выбирали людей, умевших понимать речь богов; ее можно было открыть в цолете и крике птиц, в молниях, в особых приметах на внутренностях животных.

По понятию римлян, между людьми и богом заключен договор: когда люди исполняют в точности все малейшие обряды, бог должен им дать помощь; если он не помогает, значит, что-нибудь в обряде забыли или неверно сделали. Наде зорко смотреть за всем: если, совершая богхо возлияние, забудешь сказать: „прими вино, которое я тебе приношу“, бог может подумать, что ему обещано все вино, лежащее в погребе, и тогда придется все и отдать. Но люди могут также воспользоваться каким-нибудь пропуском в договоре или истолковать его в свою пользу. Например, если обряд требовал принесения в жертву редкостного животного, которое трудно было достать, делали слепочек его из теста или песку и подносили богу.

Можно было перевзвать бога, помогающего врагам, на свою сторону: при осаде города надо было только узнать настоящее имя бога, которое туземцы скрывали от чужих, и помолиться этим именем. Если город удавалось взять, надо было перевезти к себе бога, сделать его из чужого своим, иначе он останется врагом; напротив, если он переезжал к победителям, он должен был увеличить их силу. Все обряды старались исполнять не спеша, спокойно, среди полной тишины; римляне не любили восторгов, излишних чувств и волнения; все это они называли суеверием.

Большое значение имели гадания, без которых не начинали важного дела. Перед началом войны, закладкой города, выбором начальников жрецы молились и гадали внутри священного четырехугольника. Своим загнутым жезлом гадатель проводил две черты, с севера на юг и с востока на запад, в виде креста, и становился на их пересечении лицом к югу. Небо над собою он мысленно делил такими же линиями. Знаменения слева от себя он считал благоприятными, справа—дурными. Если знаки были дурные, гадатель говорил собравшемуся народу или его начальнику: „до другого дня“. Это значило, что с делом надо подождать или совсем отступить от него. Если знаки были хорошие, гадатель требовал полной тишины; затем он наблюдал небо и дожидался ответа богов на поставленные им вопросы.

Военный лагерь в пути или новый город освящали согласно тому же обычаю. Гадатели становились тут землемерами. По бороздам, которые они проводили при закладке, испрашивая помощь богов, размещались главные улицы лагеря и города. На пересечении их в лагере становился алтарь, перед ним была палатка вождя и около—место сбора воинов, а в городе устраивалась большая рыночная площадь, *форум*. Всякое дело у римлян начиналось с гадания. Главные жрецы (*понтифики*) гадали вперед на целый год и устанавливали заранее добрые и дурные дни, когда можно и когда нельзя приниматься за дела; в этом и состоял старинный календарь римлян.

Старинное устройство римлян. Сначала в Риме были цари, как в Греции во времена Гомера. Они советовались с *сенатом* (т.е. собранием старейшин). Сказание передает, что народ изгнал последнего царя Тарквиния Гордого за его жестокое правление (похоже, что римляне заимствовали рассказ об этом у греков, потому что и год свержения Тарквиния—510—совпадает с годом изгнания Гиппия из Афин). Царей заменили ежегодно избираемые *два консула*. Власть консулов была велика. Они командовали ополчением, издавали приказы, присуждали виновным смерть или телесное наказание; приговор тотчас же выполнялся их слугами, ликторами, которые держали наготове секиры, вложенные в связки розог. Консулы распределяли граждан по *классам*, т.е. разрядам, для отбывания военной службы.

Граждане вооружались на свой счет, каждый по состоянию. В первом разряде были богатые и зажиточные: их служба на коне или в тяжелом вооружении, в бою впереди, была самая трудная и самая почетная. У кого не было земли, тот по бедности не служил в строю, а шел за солдатами в музыкантах или мастеровых. Если гражданин был замечен в каком-нибудь позорном поступке, его выключали из разрядов; тогда он платил штрафные деньги и не имел голоса в собраниях ватников.

В самых важных делах, когда надо было решиться на войну, или когда выбирали консулов, созывались все граждане-ратники. Это собрание было непохоже на греческие народные собрания. Собирались по звуку военной трубы за городом на Марсовом поле, т.-е. на плацу военных упражнений. На холме вывешивали военное знамя. Ратники приходили вооруженные и становились, как в войске, сотнями, каждая сотня (*центурия*) со своим значком и с сотником во главе. Речей и споров здесь не было. Консул спрашивал, согласны воевать или нет; в случае выборов он сам называл *кандидатов*, т.-е. тех людей, кого можно было выбирать (кандидат, значит, одетый в белое платье, выделявшее его от остальных). Сначала отвечали сотни высших классов, т.-е. кавалеристов и тяжело-вооруженных пехотинцев; если они были между собою согласны, дело считалось решенным; тогда к остальным сотням уже не обращались с спросом. Все происходило, как на смотре, в строгой военной выправке.

Сначала делами заправляли, как в старину в Греции, родовитые, многосемейные, богатые люди, *патриции*; их окружали слуги, крепостные, ремесленники и мелкие торговцы, отдавшие под их покровительство (*клиенты*). Патрицианские роды с подвластным им народом были весьма многочисленны. Напр., однажды род Фабиев начал воевать на свой страх против этрусского города Вей; в бою Фабии все погибли, числом 306 человек, кроме одного, который остался продолжателем рода. Среди патрициев были уроженцы других областей, привлеченные силой и успехами римской общины; так из горной местности Сабинны на верховьях Тибра перебрался в Рим Аппий Клавдий со всем своим родом и клиентами. Главы патрицианских семей составляли сенат, и только из их среды могли быть избираемы консулы, жрецы и другие должностные лица.

Остальная масса свободных людей, присоединившихся к Риму, называлась *плебеями*. Большинство их составляли земледельцы и скотоводы, жители латинских и сабинских городков и деревень. Плебеи находились в невыгодном положении относительно патрициев. Они являлись в город в праздники, когда бывал базар, для закупки орудий, предметов обихода и для продажи своих сельских произведений. На суде тягаться с патрициями было трудно: патриции брали верх, приводя с собою большое родство и клиентов в качестве свидетелей; нелегко было притом человеку, простому, незнакомому с обрядами и молитвами, заучить слова присяги на суде и не спутаться в них. Особенно терпели плебеи от того, что патриции через жрецов распоряжались народными собраниями; от жрецов зависело назначить такие дни, когда крестьянам было трудно прийти в город: жрецы могли объявить, что человек, которого выбрал народ начальником, не угоден богам, и выбор отменялся.

Поэтому плебеи стали выбирать из своей среды *трибунов*, которые приходили в суд выгораживать плебеев, об'являли себя поручителями за должников или за тех плебеев, которых собирався схватить ликтор по приказу консула. Трибуны, в отличие от других должностных лиц в Риме, не подчинялись консулам; они брали на себя смелость выражать от имени всех плебеев желанья народа.

Войны римлян и перемена внутреннего устройства 400—300 гг. до Р. Х. Недалеко от Рима, по другую сторону Тибра, лежал этрусский город Вейи, давнишний соперник римлян. Около времени падения афинской державы римляне начали осаду Вей, длившуюся 10 лет. Об этой войне потом рассказывались только предания. Победа досталась *диктатору* (т.-е. единому главнокомандующему вместо двух консулов) Камиллу, потому что он чудесным образом проник в храм богини-покровительницы Вей, Юноны, и привлек ее на свою сторону. Вейи подверглись сожжению, жители были проданы в рабство, но Камилл бережно перенес изображение Юноны в Рим, чтобы доставить своей родине ее благословляющую силу. Камилл первый въехал в *триумфе* на Капитолий (укрепленный холм внутри Рима, подобный акрополю в Афинах) на колеснице, запряженной 4 белыми конями.

После этого успеха Рим постигло тяжелое бедствие. С севера из-за Апеннин пришли многочисленные орды галлов, разбили римские войска и заняли не защищенный Рим. Не сдался только Капитолий, но римляне были вынуждены откупиться, заплатив 1000 фунтов золота. Так как варвары не могли утвердиться у берегов моря, их удалось потом отеснить опять на север. Галльское нашествие заставило римлян прежде всего обвести город обширной стеной; Рим сделался неприступной крепостью. Понемногу он восстановил свое господство в средней части полуострова. Около времени похода Александра на восток начались трудные для римлян *самнитские* войны.

Самниты были воинственные горцы, жившие на юге от латинов, по соседству с Кампанией. На них, как великодушных солдат, был всюду спрос: нанимали самнитов на свою службу и карфагеняне, и Дионисий Сиракузский. Самниты стремились захватить большой торговый город Кампании, *Капуя*, лежавший недалеко от Неаполя. В страхе перед самнитами капуанцы заключили союз с Римом: два крупнейшие города Италии соединились в одну общину. В борьбе с самнитами за Кампанию римляне должны были напрягать большие усилия. Не раз они терпели поражения. Однажды самнитский вождь Понций запер римское войско, с обоими консулами во главе, в Кавдинском ущелье: римляне сдались и вынуждены были пройти *под ярмом*, т.-е. полуодетые на манер рабов, согнувшись, проползти под вбитыми в землю копьями,

Война велась с величайшим ожесточением. Когда римлянам удалось победить Понция и взять самнитского героя в плен, его провели в оковах за колесницей триумфатора и задушили. Перед большой решительной битвой самниты совершили страшный обряд: в закрытую палатку вводили по одиночке воинов и заставляли их произносить клятву непримиримой кровавой борьбы; тех, кто отказывался присягать, тут же убивали в качестве жертв богам мести. При всей своей храбрости самниты были, однако, раздроблены и не имели такой неприступной укрепленной столицы, как Рим; поэтому Кампания осталась за римлянами, а самнитов оттеснили в горы.

Продолжительная трудная война заставила правителей Рима сделать немало уступок воинству. Пришлось ввести жалованье солдатам; кроме того, после удачных походов между ними стали распределять добычу. Для того, чтобы исчислить долю каждого воина, завели подробные списки граждан; особому сановнику, *цензору*, поручили заведывание казной и распределение наград. У побежденных отнимали часть земли и раздавали ее *ветеранам*, т.-е. заслуженным солдатам. Войско понимало, как его ценят правители. Плебеи не раз давали чувствовать патрициям свое значение в общине. В свою очередь от патрициев отделялись честолюбивые люди, которые, на подобие греческих тиранов, старались угодить народу и повредить аристократии. Таков был Аппий Клавдий, который в 312 году стал цензором. Он соединил Рим с Капуей превосходной мощной дорогой и провел к Риму большой водопровод. Для того, чтобы принизить патрициев, Аппий Клавдий внес в список сенаторов сыновей вольноотпущенных (т.-е. бывших рабов). Один из его собственных вольноотпущенников, Флавий, раскрыл народу те хитрые приемы, при помощи которых жрецы меняли праздничные дни к невыгоде плебеев, а также выставил на форуме тексты судебных присяг, скрывавшиеся патрициями.

Во главе плебейства выступили трибуны, которые стали добиваться уравнивания прав простого народа с аристократией. По преданию, плебеи выбирали десять лет под ряд трибунами Лициния и Секстия, поклявшихся не уступать, пока патриции не допустят их к занятию консульства; наконец, Секстий сделался консулом. После этого трибуны добились также допущения плебеев к должности жрецов.

Трибуны получили теперь в государстве новую силу. Они начали собирать народ в особые сходки, где плебеи становились не по виду оружия, а по волостям (*трибам*); в каждом отделении вместе подавали голос соседи, близко знавшие друг друга, и здесь не было особенных почетных отделений, голос которых мог бы перевешивать остальные. Власти поневоле должны были принимать к сведению *плебисциты*, т.-е.

решения плебейской сходки, переданные трибунами консулам и сенату. Мало того: трибунов допустили в сенат, где они садились отдельно от остальных членов собрания. Если трибуны находили, что властями принято постановление, невыгодное для народа, они могли наложить запрет на все дела и даже запечатать казну, пока сенат не отменит свое решение.

В среде плебеев выдвинулись свои знатные люди. Те плебеи, которым удалось занять должности, становились сенаторами наравне с патрициями; они собирали около себя родство и клиентов, и таким образом новые плебейские роды присоединились к старым патрицианским.

Римляне могли сказать теперь, что у них все граждане имеют одинаковые права, что всякий может добиться любого положения. Государство называлось *республика* (общественное дело) *римлян*. Но их устройство нельзя назвать демократией. В народных собраниях не было обсуждения и споров, не выступали ораторы из среды граждан; консулы и трибуны лишь прочитывали народу свои предложения, а собравшиеся говорили только „да“ или „нет“.

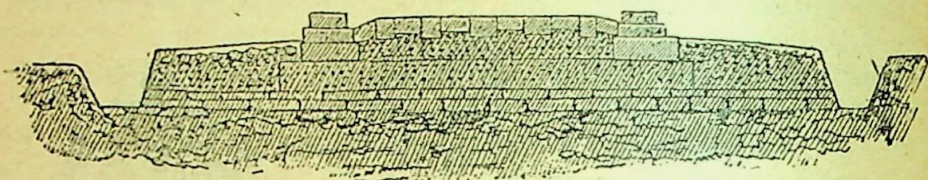
Покорение Италии. После победы над самнитами Рим стал самой крупной силой в Италии. Забравши в свои руки лучшую часть западного берега, римляне как бы отрезали выход к морю всем другим народам полуострова. Общая опасность соединила всех обиженных вместе: восстали самниты, к ним примкнули этруски, затем давнишние союзники Рима, сабины, и, наконец, галлы. Эту трудную войну счастливо для Рима окончил Курий Дентат, один из плебеев, проникших в среду правящих фамилий (290 г.). Все племена полуострова, кроме нескольких греческих общин на юге, подчинились Риму.

Римляне своеобразно устроили свое господство. Земля, принадлежавшая римской общине (*римское поле*), занимала равнины и берега западной окраины полуострова, а кроме того тянулась полосой поперек полуострова от Тирренского моря к Адриатическому; эта поперечная полоса римских владений раз'единяла северных и южных италиков и обеспечивала господство над ними Рима. В границах римского поля все свободные люди считались *римскими гражданами*. Не все граждане пользовались одинаковыми правами; те, которых приняли позднее в состав общины, напр., жители Капуи, не могли участвовать в римских народных собраниях.

Бедный ратник, вооруженный только камнями для метания.

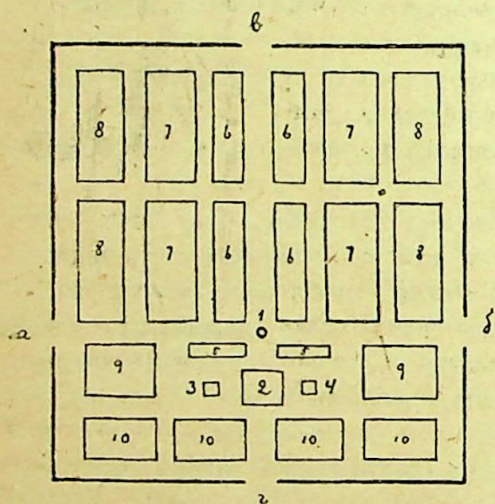
Все другие народцы Италии сделались союзниками народа римского. Римляне не вмешивались в их внутренние дела; города и области союзников управлялись по своим старым обычаям, выбирали своих началь-

Поперечный разрез римской военной дороги.

ников и судей, имели свои советы старейшин. Римляне требовали от них только военной повинности, присоединяя их отряды к своему ополчению. Союзникам запрещалось вступать в договор между со-

бою: они должны были каждый в одиночку ведаться только с Римом. Главный прием римского управления выражался в словах: „разделяй и властвуй!“ Для того, чтобы иметь наблюдение за союзниками и держать их в страхе, римляне образовали по всей Италии военные колонии: это были крепости, гарнизоны которых получали хорошие земельные наделы; от Рима к колониям были проведены военные дороги, по которым быстро продвигались войска; провозились военные снаряды, доставлялась почта. Эти дороги до сих пор ос-

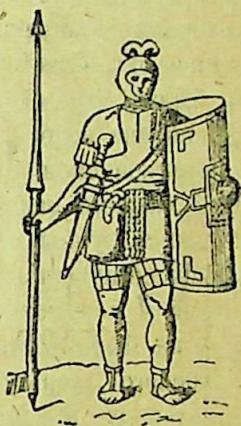

План римского лагеря; аб и вг—две главные улицы, проведенные вдоль линий креста, который вначале начертил гадатель, 1—алтарь на пересечении креста, 2—палатка вождя, 3—рынок, 4—казна, 5—офицеры, 6 и 7—коинница и пехота римлян, 8—союзники, 9 и 10—отборные и вспомогательные войска.

таются чудом инженерного искусства: чтобы сделать их как можно прямее, римляне перебрасывали мосты через долины, возводили широкие каменные фундаменты на болотистых местах, укрепляли бока на скатах громадными стенами, прорезывали туннели через горы. Сама дорога для прочности строилась, как стена: в ров глубиной около сажени клали плотно прила-

В войнах с галлами, самнитами и другими народами римляне вырабатывали свое военное искусство; у каждого из противников они взяли какой-нибудь прием или вид оружия. Особенно замечателен был их обычай строить укрепленный лагерь со рвом, валом, стеной и бойницами. Лагерь давал солдатам неприступную защиту, когда они были окружены неприятелем. Солдаты должны были сами выполнять инженерные и землекопные работы; поэтому они несли с собою в поход, кроме оружия, инструменты и колья.

Самой сильной из независимых греческих общин на юге был богатый торговый город *Тарент*. Однажды тарентинцы, сидя в своем открытом к морю театре, увидели римский военный флот, который с дерзким вызовом въехал в их гавань; немедленно они сели на свои триеры и потопили римские корабли. Но у них не было сил вести сухопутную борьбу против Рима, и потому они пригласили на свою службу царя эпирского Пирра, родственника Александра македонского (Эпир лежит на запад от Фессалии у Адриатического моря). Пирр привел в Италию македонскую фалангу, фессалийскую конницу и 20 боевых слонов. В первом сражении Пирр одержал победу над римскими *легионами* (корпусами); некоторые из союзников римских отпали и присоединились к нему.

Римский легионер в полном вооружении.

Однако римляне бились так упорно, что Пирр сам предложил им мир на условии неприкосновенности Тарента. Его посланник, греческий оратор Кинеас, склонил своею речью большую часть сената. Но против примирения с царем внезапно поднялся знаменитый цензор Анний Клавдий, теперь ослепший старик; он заявил, что никогда римляне не договаривались с врагом, пока он стоит на их земле. Под впечатлением этих слов сенат ответил отказом. Дальше предприятие Пирра пошло неудачно. Он задумал покорить Сицилию, но был разбит там карфагенянами. Тем временем римляне вернули потерянные владения в Италии. Во главе их опять стоял старый испытанный вождь Курий Дентат. Римляне рассказывали потом, будто Пирр пытался подкупить Курия; но послы царские были поражены, увидавши в избушке перед очагом старика в грубом домодельном плаще, сидевшего на деревянной скамейке и варившего себе репу на ужин; заметив подарки, Курий сказал: „Лучше мне повелевать над богатыми, чем быть богатым самому“.

Курий разбил Пирра и заставил его удалиться обратно в Грецию. Тарент остался без защиты и сдался римлянам (272 г. до Р. Х.) Теперь

римское господство простиралось на весь полуостров, от северного загиба Апеннинского хребта до Ионического моря и Мессинского пролива, отделяющего Италию от Сицилии; римляне подошли вплотную к владениям большой карфагенской державы.

VIII.

Рим, Карфаген и Греция.

Карфагенская держава. Переселившиеся в Африку финикийцы сохранили занятия и обычай своего племени. Далеко за Гибралтарский пролив распространялись их торговые посылки, на север — в Британию, на юг — к островам Канарским и к берегам Гвинеи. Весь северный берег Африки, начиная от греческой Кирены и до Гибралтара (нынешние Триполи, Тунис, Алжир, Марокко) был усеян финикийскими поселениями. Многие финикийские колонисты вступили в браки с туземными *ливийцами*; но на потомков смешанного племени (*ливофиникийцев*) смотрели, как на людей низшего разряда, их не допускали к управлению, и во главе дел оставались купцы и судовладельцы чисто финикийского происхождения.

Важнейшую часть финикийских владений составлял нынешний Тунис, который и назывался в древности *Африкой* (тогда как имя для всего материка было *Ливия*). Здесь, на краю хлебодородной долины реки Баграда, у глубокого закрытого морского залива лежал громадный по размерам Карфаген, самый многолюдный город древности. Устройство Карфагена похоже на римское; однако, аристократия пользовалась еще большим перевесом над массой народа, и столица имела еще большую власть над другими городами. Высшую должность занимали ежегодно избираемые *два суффета* (титул — значит то же, что израильские судьи во времена до Саула и Давида). Все дела обсуждались в тайных заседаниях 30-ти старейшин и совета Ста. Лишь в самых важных случаях созывался весь народ; но спрашивали только столичное население. Жители остальных больших финикийских городов, Утики, Гиппона и других, не имели голоса в общих делах и во всем подчинялись Карфагену. Вся торговля с иностранными землями происходила через столицу, и карфагеняне держали в своих руках весь флот.

Туземные оседлые ливийцы, работавшие на земле, обязаны были ставить Карфагену пехоту. Кочевые *нумидийцы* (нынешние берберы), жившие в степях на краю пустыни, присылали конную подмогу, за что карфагеняне богато одаряли их вождей. Денежные средства Карфагена были очень велики: со всякой продажи товара, за границу или внутри

страны, взималась пошлина; кроме того, хорошие доходы давали образцовые имения, разработанные под хлебные поля, фруктовые сады и финиковые рощи. Богатая казна открывала Карфагену возможность нанимать военные силы из иберов (племен Испании), островитян Сицилии, Сардинии, Балеар, а также греков. В войске карфагеняне служили только офицерами. Купечество, которое правило городом, неохотно пускалось в войны; оно готово было предоставлять далекие предприятия смелым командирам на их собственный риск.

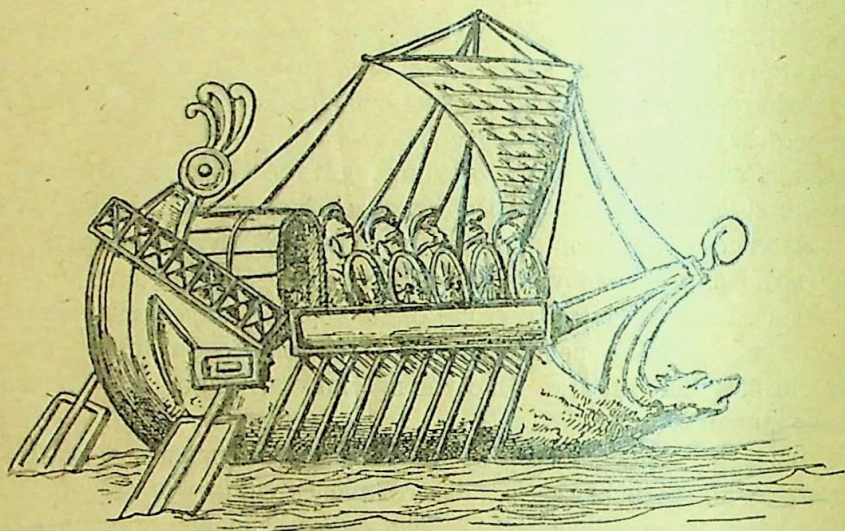
Карфаген значительно превосходил Рим обширностью владений, а также богатством денежных средств, но государство финикиян было слабее: его главную опору составляли наемники, большею частью иностранцы, сражавшиеся за чужое им дело.

Первая пуническая война и ее последствия. Вплоть до покорения Тарента Рим и Карфаген держались дружбы. Каждое из двух государств ограничивалось своим кругом и не вмешивалось в чужую область. Рим не давал посторонней силе утвердиться в Италии; Карфаген не допускал соперников в западной части Средиземного моря, и карфагеняне топили всякий корабль, который решился показаться около Сардинии или по дороге к столбам Мелькарта. Наступила минута, когда обе державы встретились лицом к лицу.

Карфаген уже давно вел борьбу за обладание Сицилией с сиракузскими греками, и греки стали ослабевать перед натиском африканцев. Большой корпус бывших наемников сиракузского тиранна, так наз. *маммертинцы* (т.-е. дети Марса, бога войны), отступая перед карфагенянами, занял Мессану (нынешнюю Мессину) у самого пролива, отделяющего Сицилию от Италии. Когда и тут их стали теснить карфагеняне, маммертинцы, большей частью италийцы по происхождению, обратились за помощью к Риму. Римлянам предстоял очень важный шаг: решаться ли идти за море? До тех пор все походы совершались на сухом пути, и плебеи были мало расположены к заморской войне. Их увлекли расчетом на новую неслыханную добычу. Началась борьба, которой не суждено было прекратиться до полной гибели одной из столкнувшихся великих сил. Три большие войны, захватившие 118 лет (264—146 л. до Р. Х.), римляне называли *пуническими* (по римскому произношению финикийцы—пунийцы).

Римские легионы легко было переправить через пролив в Сицилию; большая часть городов перешла в их руки. Но так как карфагеняне могли высадиться с моря в любом месте острова, римлянам не удавалось прочно утвердиться в Сицилии. Пришлось Риму поневоле строить военные корабли. Римляне старались, однако, и морскую войну превратить в сухопутную: они сцеплялись с вражескими судами борт о борт и бились на палубах.

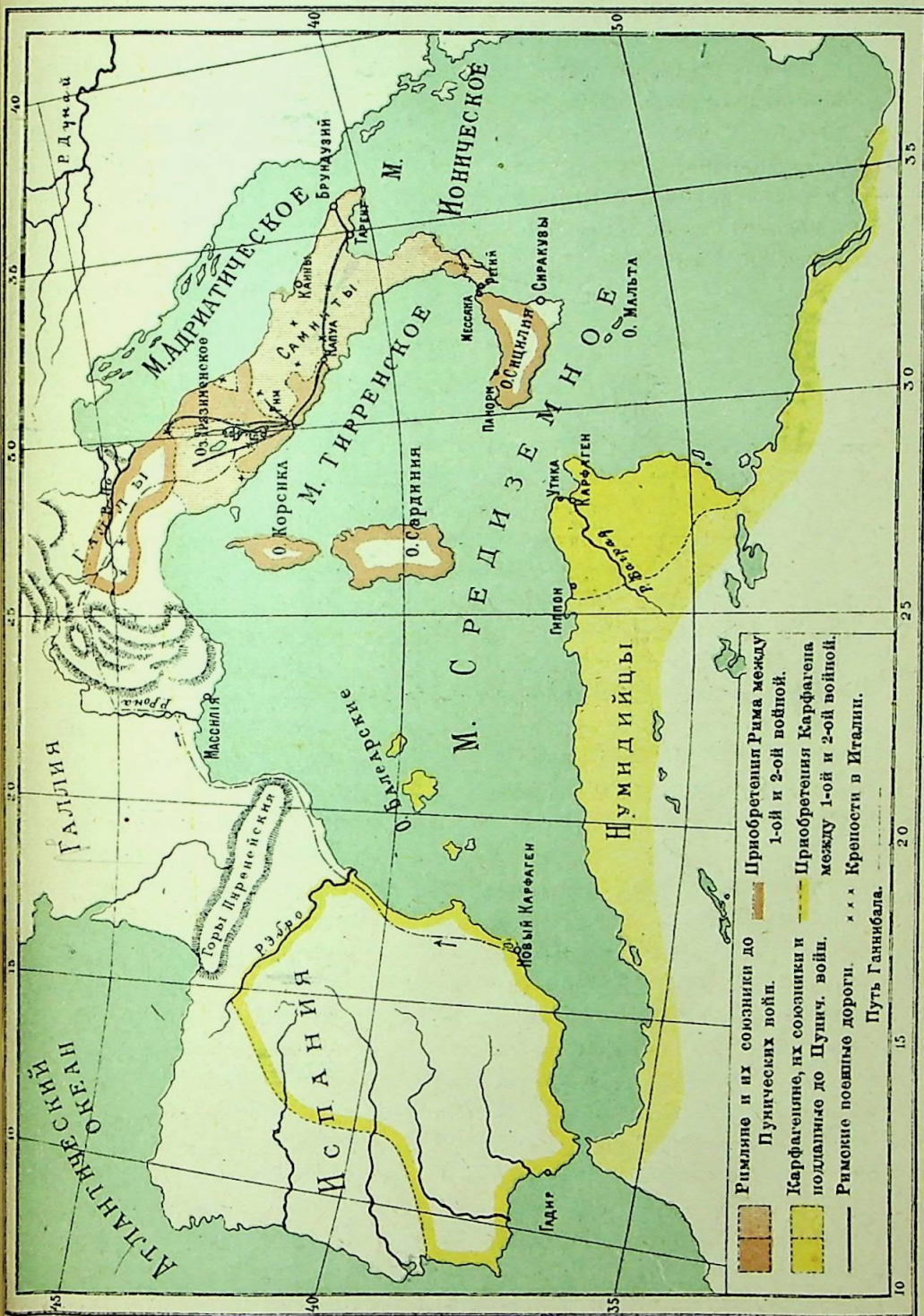
И Рим, и Карфаген несли огромные потери. Три большие флота римлян погибли от бурь. Перед тем, как сделать высадку в Африке, римский транспортный флот столкнулся с карфагенским у мыса Экинома на южной стороне Сицилии; с обеих сторон участвовало около 700 кораблей. Суда были очень крупные, и гребцы сидели пятью этажами один над другим. На корабле люди помещены были так тесно, что с крушением его обыкновенно тонул весь его экипаж.

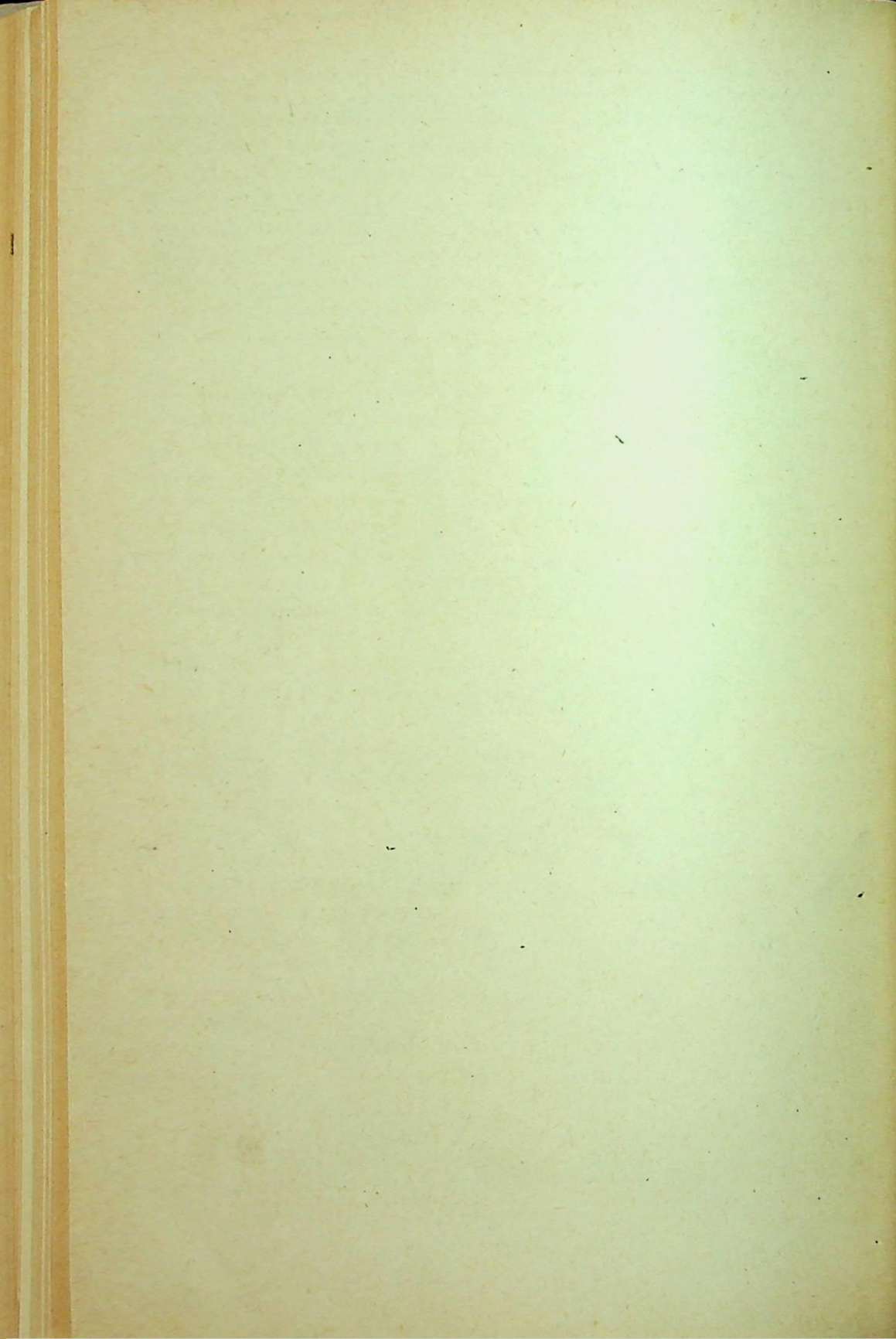

Старинное изображение римского военного корабля; направо, у носа, крюк, чтобы сцепиться с вражеским кораблем; налево у кормы привязан мосток, который перебрасывают на чужую палубу.

Консул Регул задумал смелый шаг: переправить войско в Африку и пойти к Карфагену. Скоро оказалось, что римские порядки совсем не подходят для такого дальнейшего предприятия. Ратники, привыкшие к недолгим походам в Италии, не хотели оставаться в Африке; половину войска пришлось отпустить по домам. Сам консул жаловался в письме сенату, что небольшое его имение в Италии осталось без призора и в полном разорении: приказник умер, а батрак ушел и забрал инструменты. Римлян осталось в Африке слишком мало; они были разбиты греческими наемниками Карфагена под начальством спартанца Ксантиппа, и Регул попал в плен.

Двадцать четыре года (264—241) с переменным счастьем тянулась эта тяжелая борьба за обладание Сицилией. Солдаты, которые сражались в конце войны, в начале еще не родились. Обе стороны, от истощения казны, перестали строить корабли. Под конец у карфагенян появился талантливый вождь, Гамилькар, прозванный Барка (молния). Укрепив-

шись на неприступном скалистом островке у Панорма (нынешнее Палермо), Гамилькар выезжал оттуда с легкими каперами и старался донять римлян разорением берегов Италии; Гамилькару, однако, нечем было платить наемникам. Когда из Карфагена собрались подвести ему подкрепления и оружие, Рим сделал еще одно последнее усилие: на частные средства, на пожертвования граждан снарядили большой флот, и консул Лутаций Катул уничтожил вспомогательную эскадру карфагенян. Гамилькару пришлось заключить мир и предоставить римлянам Сицилию: карфагенские купцы не хотели больше воевать, так как война расстраивала им торговлю.

После заключения мира Карфаген испытал всю невыгоду наемничества: солдаты, возвращенные из Сицилии, потребовали уплаты жалованья за прежние годы и, встретив отказ, двинулись к столице. Их должны были поразить обильные золотые украшения на куполах великого храма; по слухам, внутри находилась статуя божества из чистого золота весом в 1000 талантов. Своими вождями наемники выбрали ливийского крестьянина Матоса и уроженца Кампании Спендия. С трудом удалось Гамилькару раз'единить массы восставших и подавить мятеж. Трехлетняя борьба с наемниками стоила Карфагену обладания Сардинией: римляне тем временем заняли остров без войны.

В Риме большая заморская война вызвала также сильное недовольство среди крестьян. Их вождь, трибун Фламиний, громко нападал на аристократию, которая наживается на морской торговле, отнятой у Карфагена. Фламиний требовал, чтобы по старому вели войну на суше и добывали хорошие наделы для малоимущих крестьян. Когда народ выбрал его консулом, он разбил галлов в долине реки По, захватил их землю для раздачи крестьянам и провел первую военную дорогу на север. Фламиний был „новый человек“: этим именем старинные семьи, привыкшие занимать должности и сидеть в сенате, называли людей, которые не принадлежали к ним и пробивались собственными силами. На Фламиния подняли сильные обвинения в сенате, но народ горячо вступился за своего вождя и не дал его в обиду.

Вторая война с Карфагеном. Гамилькар нашел себе новое поле деятельности в Испании. На свой страх он завоевал более половины Пиренейского полуострова и выстроил на берегу Средиземного моря *Новый Карфаген* (нынешнюю Картагену). Испания стала как бы собственным княжеством фамилии Барка.

Сын Гамилькар, Ганнибал, набрал и обучил большое войско из испанцев и африканских наемников. Его план состоял в том, чтобы нанести Риму решительный удар со стороны суши. Более опасного противника у римлян не было ни раньше, ни позже. Ганнибал был бесконечно

изобретателен, умел управляться со своими полудикими людьми, быстро изучал неприятеля и превосходно пользовался его слабостями. О хитрости его рассказывали чудеса: будто он, переодетый, с фальшивой бородой проникал в чужой лагерь. Его лазутчики были везде и чуть не в самом Риме.

В 218 г. Ганнибал повел войско далеким кружным путем вдоль Средиземного моря, через Испанию, Пиренеи, южную Францию, Альпы—в северную Италию. Переходы через горы были очень трудны и стоили огромных потерь; все боевые слоны погибли в Альпах. Но появление Ганнибала на севере было страшной опасностью для Рима. В долине реки По на его сторону стали галлы, только-что покоренные Фламинием; римские крестьяне, поселенцы этого края, были выгнаны. Ганнибал разбил одну за другой две римские армии. В Риме заволновался народ: говорили, что родовитые люди, которые сидят в сенате, своею медленностью губят дело; надо все покончить одним решительным ударом. Народ выбрал консулом своего любимца Фламиния. С горячею уверенностью в победе отправился Фламиний навстречу Ганнибалу и занял крепкую позицию на высотах Апеннин. Но Ганнибал обошел его; несколько дней двигался он ужасными болотами; солдаты его шли в воде и могли отдыхать только на трупах павших лошадей; внезапно Фламиний увидел Ганнибала позади себя на дороге к Риму. Консул бросился назад: утром, когда его армия растянутой линией спешила вдоль Тразименского озера, с покрытых туманом высот ринулись солдаты Ганнибала и перебили почти всех римлян; Фламиния зарезал один галл.

Дорога к Риму была открыта. Сенат видел теперь все спасение в осторожности. Назначили диктатором человека старинной фамилии, Фабия. Он старался избегать открытых сражений, в которых Ганнибал был непобедим, и затруднять врагу добывание припасов.

Опять народ зашумел против медленности Фабия. Опять сделали уступку: сместили диктатора; одним из консулов был выбран народный вождь Варрон, сын мясника. Консулы дали Ганнибалу битву при *Каннах*; она кончилась отчаянным поражением римлян. Рим, казалось, должен был погибнуть. На сторону Ганнибала перешли римские союзники южной Италии и второй город Италии, Капуа; Сицилия отпала.

Все успехи Ганнибала были одержаны без всякой помощи со стороны самого Карфагена. Между тем его войско очень уменьшилось, и о нападении на Рим нельзя было и думать. У Ганнибала еще оставалась надежда на помощь, которую вел из Испании его брат Гасдрубал. Но римляне не дали им соединиться: консул Клавдий Нерон, стоявший лагерем против Ганнибала в южной Италии, незаметно ночью ушел на север, неожиданно напал на Гасдрубала, разбил его и, вернувшись, велел перебросить Ганнибалу за окопы голову его брата.

Поставив заслон против Ганнибала, римляне двинулись за пределы Италии. Молодой Корнелий Сципион взял Новый Карфаген и отнял Испанию с ее рудниками и большим запасом сильных людей для войска. В Риме народ уверовал в Сципиона, как спасителя республики; на частные пожертвования он снарядил флот и высадился в Африке. Здесь он привлек на свою сторону нумидийцев и составил из них отличную конницу, которой не хватало у римлян. Сципион, не похожий на старинных римлян, мягкий в обращении, образованный в греческой науке, умел располагать к себе людей. Он умел также управиться в новой стране с неизвестными племенами. Теперь, обратно, Карфаген оказался в отчаянном положении. Патриоты думали спасти город, вызвав Ганнибала из Италии. Но ему дали большею частью новые, неиспытанные войска. Сципион разбил его в долине реки Баграда недалеко от Карфагена (202 г.). Рим поставил противнику тяжелые условия: выдать на сожжение весь военный флот, отдать все владения, кроме небольшой области около города, платить 50 лет огромную дань и не сноситься с другими государствами без ведома и согласия Рима. С великим торжеством возвращался в Италию Сципион, получивший прозвание „Африканского“.

Могущество Римской республики после 200 г. Сила Карфагена была совершенно уничтожена, и к Риму перешли его богатства и доходы, которые извлекались в Испании и Сицилии. Римская республика стала самым сильным государством в тогдашнем свете.

Неутомимый Ганнибал пытался и теперь еще после поражения возродить Карфаген. Для успокоения римлян он посылал большие запасы африканского хлеба, а тем временем вооружил против Рима царей — Филиппа македонского и Антиоха III, сирийского. В первый раз пришлось римлянам отступить от Карфагена. Город, утомленный долгой пунической войной, не мог возобновить свое предпринятие; трибуны римляне возмущались, что Карфагенский полудостров. Решило мнение всемогущего сената, который провел в консулы своего друга Квинция Целлула. Римляне искусно приобрели друзей на востоке в лице египетских Птолемея и большинства городов Греции. Фламинин разбил македонскую фалангу в Фессалии среди холмов, прозывавшихся „Собачьими головами“; римские легионеры, искусно сражавшиеся в рассыпную и в рукопашную мечами, оказались гораздо подвижнее греческих латников, которые умели биться только сплоченным строем. Затем Фламинин появился на Олимпийских играх и провозгласил свободу Греции от македонского ига. Между тем Ганнибал, которого римляне заставили бежать из Карфагена, советовал Антиоху напасть на Италию. Царь сирийский, однако, потерял драгоценное время, а римляне успели с Балканского полуострова переправиться через Геллеспонт в Малую Азию.

И в этом походе Сципион Африканский принял участие, сопровождая в качестве советчика своего брата, консула. Оба побежденные цари заплатили большую контрибуцию золотом и серебром и обязались не вмешиваться в дела Греции. Ганнибал, преследуемый всюду римлянами, принял яд (183 г.).

Точно также потерпел неудачу сын Филиппа, Персей, который пытался отвлечь греков от союза с Римом; его разбил консул Эмилий Павл, опять один из друзей семьи Сципионов. Теперь решено было уничтожить македонское царство. Македонию разделили на четыре слабые области и закрыли ее рудники. С Грецией на этот раз поступили более сурово: греческие города должны были отправить несколько тысяч самых зажиточных граждан в Италию в качестве заложников.

Рим предписывал свою волю восточным правителям и народам. Когда сирийский царь Антиох Эпифан вступил с армией в союзный с Римом Египет, римский сенат потребовал его немедленного ухода назад. В Египет явилось римское посольство. Сенатор Попилий, не отвечая на приветствие царя Антиоха, молча, передал ему сенатскую грамоту. Царь попросил немного времени, чтобы обсудить дело со своими приближенными. Попилий очертил на песке место, где стоял царь, своей палкой и сказал: „Ты не выйдешь из этого круга, пока не дашь ответа!“. Восставшие против сирийского царя иудеи прислали в Рим драгоценный золотой щит и просили покровительства: сенат отправил письма ко всем правителям известного тогда мира, требуя охраны для иудеев.

Грозно стало римское имя по всему побережью Средиземного моря: говорили, что в чужой стране достаточно назваться римлянином, чтобы заставить себя уважать и бояться; Рим не даст и волоска тронуть у кого-либо из своих граждан; всюду могут появиться его страшные легионы.

До войны с Карфагеном Италия была деревенской страной: старые римские сенаторы и консулы мало отличались по образу жизни и понятиям от крестьян; торговля была большею частью в руках иностранцев; в казне римской было немного денег; обстановка в домах отличалась простотой и незатейливостью. После великих побед во всем обиходе Рима и Италии началась крупная перемена.

Теперь в Рим стала сходиться отовсюду огромная добыча драгоценностями, золотой и серебряной монетой. У римского народа появились заморские владения: Сицилия, Сардиния, Корсика, Испания. Области эти платили дань нередко доставкой товара, например, плодородная Сицилия присылала хлеб. Лишь немногие города вне Италии, сдавшиеся римлянам, сохранили самостоятельность. Большею частью страну, куда вступили римские войска, Рим объявлял *провинцией*, т.-е. областью под военной командой. Для управления провинцией посылали одного из бывших рим-

ских консулов военным начальником, *проконсулом*. Он распоряжался полновластно. Туземные жители должны были содержать его двор и свиту. Он мог теснить их большими поборами. Тягаться с ним было трудно: пока он управлял провинцией, в Риме не принимали на него жалоб.

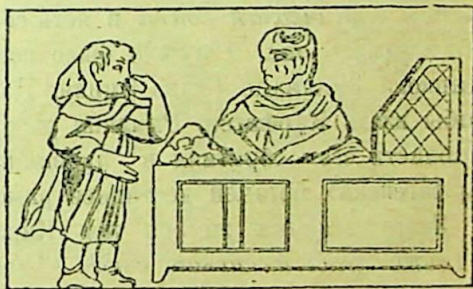
Римские откупщики. В отличие от римских граждан и итальянских союзников, жители провинции были данниками, платили подать. В нынешних европейских государствах подати собирают, считают и проверяют чиновники, назначенные правительством; для этого приходится держать много служащих и платить им жалованье. Римские правители не хотели входить в разные заботы и траты для сбора податей. Они делали то, что делает помещик, который не хочет сам хозяйничать: сдавали имение в аренду.

Вызывалось несколько человек крупных промышленников, которые соединяли свои капиталы и составляли кампанию. Они откупали у казны провинцию: вносили вперед аренду и получали право взыскать с провинции подати, с выгодой для себя. Они как-будто покупали всю область оптом и потом возвращали себе затрату с лихвой в розницу, собирая деньги с городов и поселков.

Эти капиталисты, *откупщики*, как их называли в Риме, нанмали уже от себя множество сборщиков, счетчиков, писцов, заводили канцелярии и склады; из Рима, где сидели директора компаний, посылались в разные места провинции и обратно множество деловых писем: для этого была устроена правильная почта, которая тоже была в руках капиталистов.

Служащие у них были большею частью рабы или вольноотпущенные. Откупщики брали также в аренду у казны рудники, леса, пастбища, соляные варницы, сбор пошлины в гаванях, подвоз хлеба в столицу.

Зажиточные люди в Риме старались, при помощи капиталистов, также получить выгоду с провинций: как у нас клали деньги в банк, так в Риме их отдавали на сбережение или в промысел откупщикам; сберегатель получал на свой взнос процент. Перед началом какого-нибудь предприятия, например, разработки большого рудника, множество людей давали свои деньги вперед на устройство и обзаведение дела; за свой взнос они получали в предприятии долю, пай или несколько паев; в случае удачи всем пайщикам выплачивалась выгода, соответственно взносу каждого. В Риме граждане стали рассуждать и горячиться по поводу разных доходных

Римский меняла за своим столом.

заморских дел: на форуме, большой базарной площади, образовалась биржа: за столами сидели банкиры, которые покупали и продавали пап, обменивали монеты, сходявшиеся из разных стран, давали ссуды.

У денежных людей было чрезвычайно много доверителей и должников между гражданами; в сенате и в народных собраниях капиталисты могли легко склонить голоса в свою пользу, если им хотелось захватить новую доходную область. Своих торговых противников римские откупщики и банкиры безжалостно уничтожали. В угоду им, через 50 лет после войны с Ганнибалом, сенат решил покончить с Карфагеном.

Падение Карфагена и Греции. Карфагеняне несколько раз откупались от беды, исполняя все требования Рима; они выдали даже все свое вооружение. Но когда в Африке высадилось римское войско, и карфагенянам было приказано, чтобы они сами разрушили свой город и переселились за две мили от моря, т.-е. отказались вовсе от морской торговли, в городе все обезумело от негодования. Доведенный до отчаяния, Карфаген быстро вооружился. Римляне нашли перед собою высокия стены с четырехэтажными башнями, настолько просторные, что в них помещались конюшни для целой кавалерии, для массы слонов и казармы для большого войска. *Третья пуническая война* и есть собственно осада Карфагена. Три года продолжалась она, и нужно было все искусство лучшего военного вожда, Сципиона Эмилиана (сына Эмилия Павла, принятого в семью Сципионов), чтобы взять Карфаген. Римляне разрушили город до основания (146 г.), а область его обратили в провинцию *Африку*; великолепные имения карфагенских богачей достались римским сенаторам.

Затруднениями римлян под Карфагеном воспользовались македоняне, а также греки *ахейского союза* (Ахей на севере Пелопоннеса у Коринфского залива) и отложились от Рима. Но римляне быстро справились с восстанием и на этот раз уничтожили свободу Греции. Только Афинам и Спарте, слабым и не опасным для Рима, была оставлена независимость; остальная Греция стала римской провинцией. Главный город ахейского союза, Коринф, римляне разрушили (в один год с Карфагеном), жителей продали в рабство, сокровища, в том числе много произведений греческого искусства, увезли в Италию. От Диррахия у Адриатического моря к Салоникам у моря Эгейского поперек Балканского полуострова, пересекая горы и равнины, римляне выстроили военную дорогу, чтобы быстро и без помехи передвигать свои легионы на восток.

Без войны досталось Риму царство *Пергамское*, т.-е. западная часть Малой Азии с богатыми греческими городами у Эгейского моря, когда-то принадлежавшими к Афинской державе. Царь пергамский Аттал был поневоле союзником грозного Рима; вынужденный платить большую дань, он кругом задолжал римским банкирам, и ему осталось только

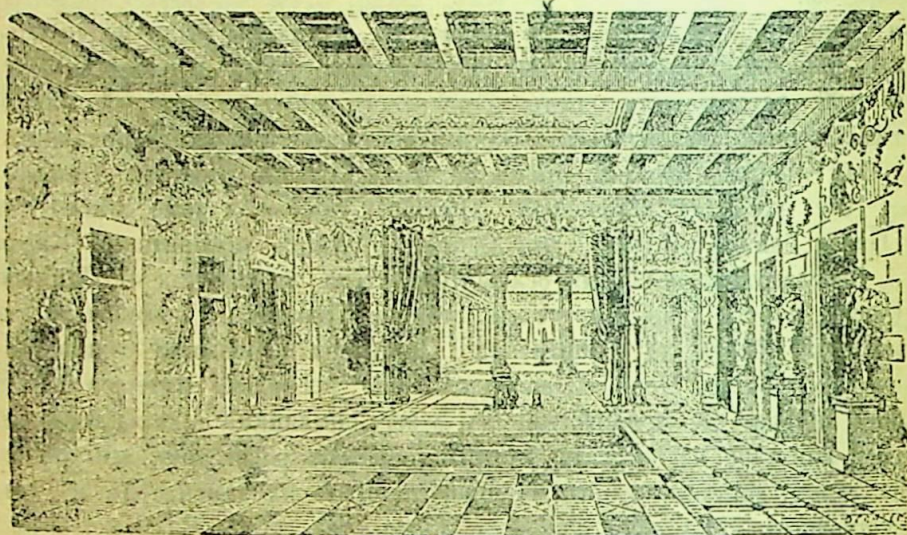
завещать всю страну и все сокровища своему кредитору. После смерти царя в Пергам, сделавшийся провинцией *Азией*, прибыли римские откупщики; сенат отдал в их руки сбор всех налогов, и они с лихвой вернули свою ссуду, закабаливши трудолюбивое и зажиточное население области.

Греческая народность, широко распространившаяся по всему востоку, уступила господство римлянам без большого сопротивления. Греция обезлюдела от ухода воинственной молодежи на восток. В ее городах осталось немного людей, готовых отстаивать независимость своей родины и демократию. Представители мирного труда, промышленники, ремесленники, ученые, художники, преподаватели, согласны были подчиняться любому господину; многие из них устремились в Рим в надежде найти новое поле деятельности среди варварского народа, который казался свежим и способным учиться. Одним из таких греков, уверовавших в Рим, был ученый Полибий, привезенный в Италию Эмилием Павлом в числе 1000 ахейских заложников. Полибию удалось в доме самого Эмилия Павла близко сойтись с его сыном, будущим покорителем Карфагена. Впоследствии во время осады Карфагена он получил от Сципиона поручение, вместе с другим греком, стоиком Панэтием, исследовать весь африканский берег до Гибралтара. Приготовляя большое сочинение о пунических войнах, Полибий совершил еще несколько путешествий по странам запада, где происходили бои между римлянами и карфагенянами. В своей книге он изображает быстрый поразительный рост римской державы; успеху римлян, по его мнению, помогало их замечательное военное устройство. Полибий удивляется также тому, что в Риме нет борьбы между знатью и народом, как было в греческих городах: сенат и должностные лица умеют и править народом, и угождать ему.

Нобилч. К 130 году во власти римлян находились все выдававшиеся в Средиземное море полуострова Европы, Азии и Африки. Кроме Италии, города которой сохранили независимое управление, все эти земли были провинциями, или иначе составляли *империю Рима*, т.-е. ими управляли по военному римские наместники.

Те семьи римской аристократии, из среды которых выходили командиры отдаленных походов и наместники провинций, приобрели большую силу и богатство. Вместе с тем изменился характер их службы. В прежних войнах, которые велись в Италии, от вождей, главным образом, требовалось упорство и добросовестность; на войне применялись стародавние и однообразные приемы и порядки, так как противники мало чем отличались от римлян. Не то стало теперь, когда начались морские войны, когда легионы посылались в Испанию, Африку, Грецию, Азию, против народов разного обычая и разного характера боя. Начальник должен

был выказать много ловкости, умение обойтись с чужими людьми; ему приходилось быстро изучать новые местности, придумывать или перенимать новые военные способы. Таким людям римляне поручали после войны устроить захваченную провинцию и управлять ею первое время. Наместники чувствовали себя точно царями над покоренными жителями: они издавали приказы, через их руки проходили огромные суммы добычи и дани. Войско выражало им свою преданность: иногда солдаты громко объявляли своего вождя *императором*: это был почетный титул победителя.

Приемные покои в доме победителя.

При возвращении в Рим победителю устраивали торжество, *триумф*. Император в сопровождении своих солдат, которые пели победные песни, ехал через весь город в раскрашенной повозке, имевшей вид круглой башни, в ярко-красном плаще с золотой каймой, с лавровым венком на голове и браслетами на руках. Над ним раб держал золотую корону с драгоценными камнями и повторял: „гляди назад“, т. е. не возгордись. Впереди несли его добычу, золото и серебро, диковинные вещи, невиданные растения и животных, вели пленников в оковах и между ними иногда побежденных царей; несли большие картины, изображавшие все его победы, крепости, которые он взял, горы, реки, моря, города, которые он захватил. Победитель Македонии, Эмилий Павел, вез в течение трех дней свою добычу: первый день на 250 огромных телегах прошли взятые у греков статуи и картины, на дуге — появился целый арсенал оружия, несколько тысяч человек тащили на плечах сосуды с серебряной

монетой, на третий—несли золото в деньгах, золотую посуду побежденного царя и т. д. По всем улицам стоял народ в праздничных белых плащах. Шествие направлялось к *Капитолию*, старинной крепости внутри Рима, в храм Юпитера, где богу возносили молитвы и отдавали лучшие вещи.

Бывший вождь сохранял в Риме видное положение; нередко к нему обращались во второй раз. Сципион, после победы над Ганнибалом, легко провел на должности своих близких друзей и родственников: Квинция Фламиния в Македонской войне и своего брата в войне с Антioxом. Эмилий Павел был также близок к Сципиону Старшему; сын Эмилия после смерти отца был принят в семью Сципионов и получил имя (этот Сципион Эмилиан называется также Африканским Младшим). Семьи и роды заслуженных людей в Риме, Клавдии, Корнелии, Фабии, Эмилии, Квинции и др. стали выделяться в качестве *нобилей* (т. е. видных, знатных).

Римлянин в плаще (тоге).

Нобили пользовались в Риме особым правом: в доме нобили хранились восковые маски, снятые с лиц всех предков, которые занимали должности; маски были помещены в главном зале, в шкафчиках вдоль стен, а между ними были нарисованы на стене линии, соединявшие их в большое родословное древо; над каждым изображением была надпись, которая рассказывала о подвигах и отличиях умершего; если в роде нобили были императоры, то в честь их в доме ставились статуи. В праздничные дни шкафчики раскрывались, и маски увенчивались лавром.

Когда умирал нобиль, на похоронах народу показывали весь блеск рода; впереди гроба ехали на колесницах люди в масках предков умершего и в старинных консульских и триумфальных костюмах. На форуме эта процессия останавливалась; умершего приподнимали на носилках; актеры, изображавшие предков, садились в кресла, и один из родственников произносил хвалебную речь покойнику и всем словно воскресшим кругом него членам знаменитого рода.

Нобили заполняли *сенат*. В сенате собиралось сначала 300, позднее 600 человек. Консул объявлял дело, которое надо было обсудить, и приглашал сенаторов по порядку сказать свое мнение. Один за другим вставали они, и кто мог, подробно объяснял свой взгляд, но говорили

лишь те, кому уже пришлось занимать должности или, как римляне выражались, иметь курульное кресло (консулы, судьи и др. садились перед народом в кресло, обитое слоновой костью). Остальные молча присоединялись к говорившим. Чтобы узнать, к чему клонит большинство, консул предлагал расступиться: направо садились тогда сенаторы, которые держались одного мнения, налево—те, кто стоял за мнение противоположное.

Римский обед.

Нобили устанавливали между собою очередь для управления провинциями. Из провинций они привозили громадные богатства. Но для того чтобы стать наместником, надо было сначала пройти должность консула, или судьи (*претора*) в Риме, а на эти должности выбирал народ. Нобиль старался всеми средствами получить расположение народа: устраивал большие общие обеды на улицах в разных частях города, забавлял народ зрелищами в театре и цирке, нередко прямо раздавал деньги сотням и тысячам людей через особых кассиров. Таким способом нобиль как бы покупал себе в будущем доходную провинцию, а в ожидании богатства иногда совершенно разорялся. Нобиль считал для себя недостойным заниматься лично торговлей, мореходством, но он отдавал обыкновенно капитал своим рабам или вольноотпущенным; те заводили какое-нибудь дело, лавку, ссуду, доставку товаров морем; значительную часть прибыли они доставляли господину.

Множество людей искали у нобилей занятий, поддержки или подачи. Куча челядинцев наполняла большой дом нобилей: он держал совсем ненужных рабов ради важности, блеска: один открывал двери, другой кричал, какое подают кушанье за обедом, третий был шутом и т. д. Их бывало в доме несколько сот человек. В передней у нобилей и у дверей снаружи дожидались его клиенты: когда он выходил, его поздравляли, выпрашивали у него поручения. Он часто не знал всей своей свиты: особый раб называл ему имена пришедших. Иногда им раздавали монетки, старые плащи, кормили их за господским столом и т. д.

Большие имения и рабы. Нобиль считал своею гордостью приобрести побольше земли: часто он скупал имения разорившихся крестьян и мелких землевладельцев. Составлялось огромное имение в несколько тысяч десятин.

В таком имении иногда не было хозяйства: владелец строил себе великолепную дачу, запуская большой простор под парк для охоты, или вместо того, чтобы обрабатывать землю, оставлял огромные пространства под пастбища; по большим пустырям, где прежде были населенные деревни, особенно на юге Италии, стали бродить обширные стада, а за ними смотрели полудикие рабы-пастухи, которых вооружали на случай нападения зверей; пастухи эти нередко обращались в разбойников и просялись на проезжих. Много земли пропадало так даром. Но иной нобиль заводил у себя обширное хозяйство в имении: сажал виноград и оливку, держал птичник, рыбы садки, цветники и т. д. Свободных людей он старался не брать к себе на работу, потому что им надо было платить: он искал себе самых дешевых работников, рабов, которых приходилось только кормить и держать под крышей.

Рабов можно было теперь покупать в огромном количестве: каждая война кончалась продажей множества пленных; кроме того, на Средиземном море завелся особый промысел: морские разбойники похищали людей по приморским деревням. Всех этих пленных, приговоренных к казни, или похищенных людей привозили толпами на рынки: на острове Делосе, где был один из таких рынков, в один день высаживали на берег, запродавали, к вечеру сажали на другие корабли для отсылки до 10.000 рабов.

Римляне, народ суровый, жестче относились к рабам, чем греки, Порций Катон, практичный римский хозяин, говорил, что надо купить раба очень молодым, чтобы было подешевле, и самому его обучить; когда он начнет стареть, надо от него отделаться, продать его, пока он не стал обузой. Был и другой совет: заставить раба работать до такой степени, чтобы он ни о чем не думал, кроме еды и сна. Раб ведь и не человек:— он хозяйское орудие. Есть орудие безгласное, например, плуг; есть орудие полугласное—скот; есть орудие гласное, это—раб.

Рабам в большом имении (*вилле*) обыкновенно не позволяли обзаводиться семьями; они жили в казарме. Провинившихся заковывали в цепи и запирали в тюрьму, где до узких окошек в стене нельзя было с полу достать рукой. Рабов выводили на работу отрядами, нередко в цепях; впереди шел десятник с бичом или заостренной палкой, чтобы подгонять нерадивых. Они складывали вместе верхнюю одежду, которую берег особый надсмотрщик. Владельцы оправдывали свою жестокость тем, что рабов кругом у них огромная масса, и что рабы—чужие, иноверные,

иногда и сами, как будто среди врагов; иначе, как неумолимою строгостью, нельзя их держать в страхе. Случаи убийства господ рабами были редки. Иному же вилле в сенате издали особый закон для утешения рабов: в случае, если господин будет найден в своем доме или в путешествии убитым, то плетни и казни должны быть подвергнуты все рабы, которые жили в доме или были в пути с убитым, хотя бы их оказалось несколько десятков или сот человек.

Домашний раб, несущий дрова.

Раб-работник в огороде.

Число рабов в большом имении могло доходить до нескольких тысяч. Хозяин старался отрезать своих рабов от остального мира: он не пускал чужих на свой двор; рабы должны были сами сделать себе одежду, посуду (большую мастерскую рабов в имении называли *фабрикой*). У входа во двор сидел принятник и строго наблюдал за входящими и выходящими; а над воротами в большом доме было устроено окно, в которое глядел управляющий, наблюдая за принятником.

Восстание рабов. Конечно, что, где рабов скоплялось много, они были готовы к восстанию. Между ними были сильные люди, например, пастухи в южной Италии или *гладиаторы*, т. е. рабы, обученные военным приемам для игр в римских театрах.

В 140 году вся Сицилия, где были особенно крупные поместья, была захвачена восставшими рабами: это были все чужие люди, уроженцы востока. Началось возмущение заговором среди двора одного крупного помещика. Началось возмущение заговором среди двора одного крупного помещика. Толпа рабов бросилась в соседний город, где был хозяин, и убила его среди театра. На всем острове перебили господ; к рабам присоединились обвинявшие свободные

Юди. Один сирийский невольник Эви, которого хозяин показывал, как фокусника и шута, а товарищи чтили, как предсказателя, был выбран жителями в царя. Три года распоряжались они в Сицилии, и целые римские армии с консулами во главе ничего не могли сделать против них. Наконец, их одолели, и расправа была самая бесчеловечная: 20.000 рабов было распято на крестах.

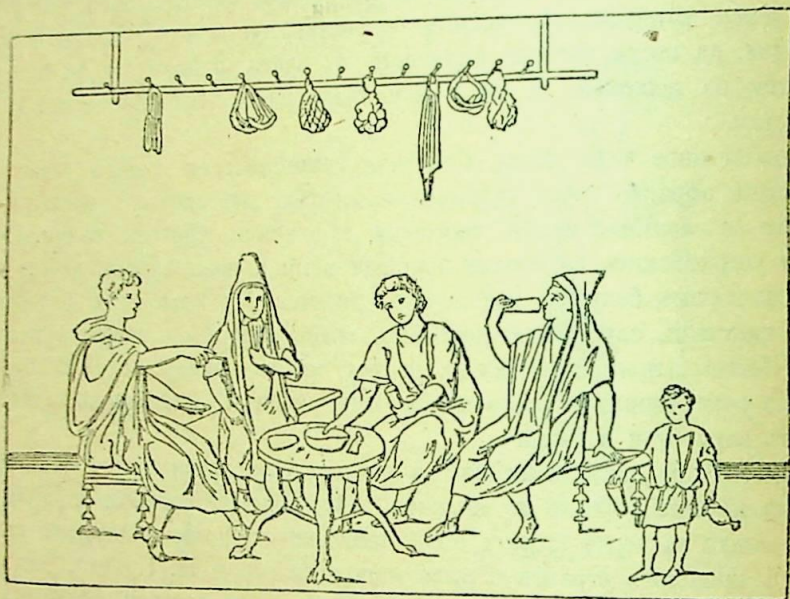
Город Рим. После больших завоеваний совершенно изменился вид старого Рима. Прежде город состоял из низких, беспорядочно разбросанных домов, которые прерывались большими пустырями. Только в базарные дни, да когда грозила опасность от врага, наполнялся он пришлым народом из деревень, а то в нем было мало своего населения и мало движения.

Совершенно иное дело, когда Рим стал столицей всех земель около Средиземного моря. В город являлось множество иностранцев: послы других держав со своими свитами, торговцы, художники, учителя, врачи. Откупщики устранивались со своими канцеляриями и посыльными. Около нобилей скоплялось большое количество клиентов. На всех этих разнообразных приезжих, служащих, дворовых людей надо было готовить и подвозить съестные припасы, одежду, посуду, мебель, предметы роскоши; множество ремесленников, лавочников, извозчиков и носильщиков стали получать заработок в Риме.

Вместо прежнего населения в несколько десятков тысяч, количество народа в Риме доросло до миллиона. Пустыри застроились; стройка далеко зашла за черту старых стен, выведенных после нашествия галлов. Теперь пришлось строить ввысь многоэтажные дома. Правда, для площадей, для красивых построек храмов, пирков, театров, сенатских зал отводили широкий простор; много места занимали дворцы нобилей с обширными садами около них. Но от этого становилось еще теснее в кварталах, где жила беднота. Тут поднимались шести-семнэтажные громады, называемые на вид, разделенные внизу на лавочки и мастерские, наверху — на множество мелких квартир и углов для бедного люда. Бедняку приходилось взбираться часто на 200 ступенек в верх, а то, напротив, он спускался на 10—20 ступенек вниз от земли в подвальное помещение.

Грязно, нездорово и опасно было жить в этих „крепостях“ (в Риме называли подобные дома „островами“, потому что они занимали целый квартал, как бы остров между проездами): между ними ползли узкие, грязные улочки, куда не проникал солнечный луч. Верхние этажи домов быстро строились из дерева: в случае пожара из множества скученных домов получался настоящий жостер. Пожары в Риме бывали часто: тогда выгорали целые части города, и много бывало человеческих жертв.

Чужие обычаи, вера и образование. Население Рима стало очень пестро. Помимо того, что в столицу являлось много приезжих, состав самих граждан изменился. Победители привозили толпы пленных рабов. Во множестве их потом отпускали на волю. Вольноотпущенный, живя в Риме, мог стать римским гражданином. Вследствие этого в столице, все под тем же старым названием римлян, скоплялась разноплеменная толпа: испанцы, африканцы, галлы, греки, сирийцы, и т. п. Другие лица вид-

Обед в харчевне.

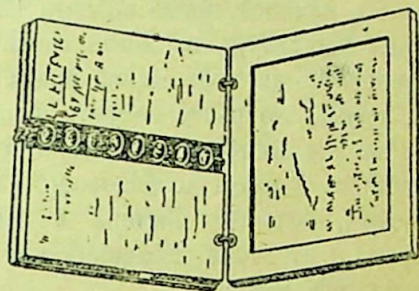
нелись теперь в народном собрании; другие нравы проникали сюда: вместо серьезных тяжеловатых плебеев-крестьян стали шуметь бойкие городские жители; вошли в обычай споры, перерывы, возбуждающие речи. Когда однажды знаменитого победителя Карфагена, Сципиона Младшего, стали прерывать в народном собрании, он гневно крикнул: „Молчите вы, рабы, которых я вчера привел в оковах в Рим!“.

Вместе с иностранцами проникла в Рим и чужая вера, переселенцы приносили своих богов; за ними двигались проповедники и жрецы. Вследствие давних сношений греков с Италией греческие божества почитались всюду на Апеннинском полуострове; римляне по большей части соединили их в мысли со своими богами, как., напр., Зевса с Юпитером, Геру с Юноной и т. д. Греческие архитекторы строили теперь по греческим образцам храмы римских богов; греческие художники ставили их изображения.

Со времен заморских походов римлян в Италию появились также боги отдаленных стран. В 205 году, когда гроза карфагенского нашествия еще не прошла, и Ганнибал держался на юге в Бруттии, римский народ был напуган каменным дождем. Жрецы обратились к книгам Сивиллы (древней предсказательницы); там узнали, что для спасения Рима надо привезти великую мать богов, почитаемую на горе Иде в Малой Азии (греки звали богиню Кибелой). Царь пергамский, во владениях которого находился черный камень богини, согласился доставить святыню в Рим; она была встречена торжественно всем народом среди курений и перенесена в особый храм римскими матронами (женами знатных семей).

Чтение книги. Направо раскрытый шкапчик со свитками и чернильницей.

Таблички для письма; с внутренней стороны они покрывались тонким слоем воска, по которому писали острым концом небольшой палочки (стиля); тупым закругленным концом палочки можно было стирать написанное.

Римляне отметили, что в том же году началось счастливое предприятие Сципиона Африканского, избавившее Рим навсегда от карфагенской опасности. Богослужение почитателей Кибелы было совсем не похоже на римские обряды: они поднимали оглушающий шум бубен, стук оружия, дикие крики и бешеный танец, стараясь привести себя в состояние восторга. Так же чуждо римской религии было почитание египетских богов, когда жрецы в белых льняных одеждах, с трещотками в руках голосили и плакали по умершему богу своему Озирису; эти обряды появились в Италии вследствие дружбы римлян с Птолемеями.

Со времени покорения греческих городов южной Италии, начинается у римлян увлечение греческим образованием. Среди нобилей модным разговорным языком становится греческий. Во времена войны с Ганнибалом, один из знатных Фабиев, по прозванию Пиктор (живописец), написал по-гречески первую историю Рима. Оба Сципиона, Фламиний, Эмилий Павел были большими почитателями Греции. Нобили приставляли учите-

лыми к своим детям образованных греческих рабов. Они любили развлекаться слушанием греческих стихов, учились искусству речи у приезжих греческих знаменитостей и ездили сами в школу красноречия на острове Родосе.

Под влиянием греков у римлян впервые возникла литература. В старину римляне знали только однообразные незатейливые песни, которые на пирах затягивал какой-нибудь подросток. Теперь „пленная Греция пленила дикаря-победителя и принесла искусства в мужицкий Лапий“ (слова римского поэта Горация). В среде покоренных и приезжих греков появились переводчики, которые пытались писать на латинском языке; вольноотпущенный Ливий Андроник перевел Одиссею Гомера; Энний воспел в длинной поэме подвиги Сципиона Африканского Старшего. Но в Риме литература не могла сделаться такой смелой и независимой, как у греков. Когда поэт Нэвий задел в комедии Сципиона и других знатных людей, его пьесу запретили; автора же выслали из Рима.

Римляне смотрели на литературу, как на развлечение; так же они относились к науке и философии. Они были великие техники, инженеры и воины, большие мастера в деле управления; но их мало занимали вопросы о строении вселенной или о душе человеческой, в которые так углублялись греки.

IX.

Конец республики и начало монархии в Риме.

Разорение Италии. В то время, как богател Рим, и росло его население, Италия разорялась. Страшно опустошили страну варвары Ганнибала за те 14 лет, которые они в ней пробыли. Многие области так и не поправились потом. Римляне увеличили разорение еще тем, что отобрали земли у союзников, бывших на стороне Ганнибала. Земли эти считались с тех пор казенными. Их называли *общественное поле*. По большей части их разобрали нобили за небольшую плату казне.

Везде, где прошло разорение, или где земли были отобраны, не стало больше крестьян. Мелкий землевладелец, потерявший двор и землю, уходил в Рим или другой город на заработок, поступал во флот, уезжал в другую страну. Он становился *пролетарием*, т.-е. человеком, у которого завтрашний день не обеспечен. Да и тем крестьянам, которые остались на земле, стало тяжело. Они не могли больше сбывать свой хлеб в Рим и крупные города у моря, хотя именно теперь там нужно было гораздо больше хлеба, чем раньше. Дело в том, что римляне захватили сами в свои руки морские пути и богатые заморские области и везли к себе даровой хлеб: Сицилия, Африка, а позднее еще и Египет должны были

ерном платить дань своему властелину. Только провоз этого груза стоил денег; поэтому чужой дальний хлеб выходил гораздо дешевле домашнего итальянского. Крестьянину итальянскому некуда было деваться с урожаем своих полей. Вследствие этого многие крестьяне продавали свои участки, и в деревнях народу становилось меньше.

Популяры и оптиматы. Разорение итальянских крестьян составляло большую опасность для всего государства: в обезлюдевших деревнях трудно было найти достаточное количество воинов. В то же время солдаты, набранные из пролетариев, неохотно несли тяжелую службу, если впереди им виделась старость без своего крова и без куска хлеба.

В среде самих нобилей появились *популяры*, т. е. защитники народа, которые считали необходимым успокоить массу волновавшихся солдат, наделить немущих земель и восстановить в Италии крестьянство. Они ясно видели, что через сенат невозможно добиться цели: там, именно, сидят владельцы крупных имений, которые скупили или отняли у крестьян землю. Популяры возлагали надежды на общие народные собрания и стремились занять должность трибунов, чтобы иметь возможность действовать на массу народа. Самыми выдающимися популярами были братья Гракхи, внуки по матери Сципиона Африканского Старшего (134—121 гг. до Р. Х.). Гракхи были знакомы с греческой наукой, читали речи знаменитых греческих ораторов и демагогов; их окружали образованные греки, которые советовали им ввести в Риме демократию, подобную Афинам.

Старший из Гракхов, Тиберий, проезжая по Этрурии, был поражен тяжелой картиной деревенской жизни: в крупных имениях работали скотские невольники, тогда как тысячи обнищавших крестьян оставались без заработка. „Звери и птицы, — говорил он потом в народном собрании, — имеют логовища, а людям, покерившим весь свет, некуда голову преклонить!“. Сделавшись в 134 году трибуном, Тиберий Гракх задумал провести *аграрный закон*, т. е. разделить немущим участки земли. По его мысли, следовало воспользоваться общественным полем, как общим достоянием всего народа; но он не хотел также обижать нобилей, которые разделяли между собой казенные земли. Поэтому он предложил считать за правило, чтобы никто не держал более 250 десятин из общественного поля и не гонял более 1000 голов скота на общий выгон. Излишек земли сверх этого размера нобили должны были выдать назад; а из отобранной у них земли предполагалось нарезать крестьянские участки по $7\frac{1}{2}$ десятин и раздавать бедным.

Народ принял аграрный закон Гракха, а сенат не посмел на него возражать. Назначили комиссию из трех лиц, самого Тиберия, его младшего брата, Кая, и его тестя, Аппия Клавдия, чтобы отобрать излишки

земли у нобилей и составлять из них крестьянские наделы. Большинство сенаторов было крайне раздражено, что разбиваются их большие владения. Недовольные образовали против популяров партию (т.-е. союз) *оптиматов* (слово означает то же самое, что по-гречески — аристократия). Оптиматы решились всеми силами помешать избранию Тиберия Гракха в трибуны на второй год.

В день выборов некоторые друзья Гракха пытались удержать его дома, ссылаясь на дурные предзнаменования неба и появление зловещих птиц; но грек Влоссий, смелый и решительный, посмеялся над суеверием римлян: „стыдно народному вождю бояться какого-нибудь ворона, когда граждане зовут его на защиту общего дела“. В сенате один из злейших противников Гракха, Сципион Назика, заявил, что Тиберий затевает бунт и хочет стать тиранном Рима, пусть все защитники республики соединятся против него. Оптиматы подхватили, что нашлось в сенатском зале, ножки стульев и палки, и вышли наружу, толпа расступилась перед знатными людьми, и они легко перебили безоружного Гракха и небольшую кучку его друзей. Влоссия привели в сенат, и Сципион Назика спросил его, правда ли, что Тиберий Гракх приказал зажечь Капитолий. Влоссий ответил: „Такого приказа Гракх не давал, но если бы он приказал мне это, я бы счел за честь исполнить его поручение, потому что Тиберий мог решить лишь то, что принесет благо народу“.

Десять лет спустя после гибели старшего Гракха, его дело возобновил младший брат Кай. Чтобы одолеть сопротивление оптиматов, он привлек на свою сторону откупщиков. По предложению Кая Гракха, народ назначил откупщиков судьями над наместниками провинций. У каждого наместника, который возвращался из провинции, спрашивали отчета в его управлении; большинство их совершали разные жестокости и насилия над покоренными, неправильно обогащались; все эти проступки знатных людей должны были теперь проходить на суде перед глазами откупщиков. Гракх передал им, кроме того, сбор податей в Азии и обещал восстановление торгового порта в Карфагене. Он старался также расположить в свою пользу городскую бедноту и учредил раздачу по дешевой цене привозного хлеба, выстроив на средства казны огромные амбары у гавани.

Народ был на стороне Гракха и выбрал его на второй год трибуном. Кай Гракх стал распоряжаться в Риме, в Италии и провинциях, как неограниченный властелин: послы иностранных держав, ходатаи и жалобщики со всех концов римского государства обращались к нему, минуя сенат. Казалось, теперь можно будет с успехом провести замысел Тиберия о наделе землей неимущих.

Оптиматы, однако, нашли средства свергнуть Кая Гракха. Трибунов было 10 человек; вместе с Гракхом выбрали Ливий Друза, который являл себя популяром, но очень расходился с Гракхом. Гракх хотел, чтобы вновь наделяемые крестьяне платили казне аренду за свои участки; Ливий Друз предлагал отдать землю даром. Многие стали охлаждать к Каю Гракху, и он не был выбран трибуном на третий год. Желая избежать участи брата, он вооружился и со своими сторонниками окопался лагерем на одном из холмов Рима. Но сенат поручил консулу Оппидию неограниченную власть с правом применять оружие против граждан в столице. В жестокой схватке Кай Гракх был убит (121 г.). Оптиматы поспешили скупить у новонаделенных крестьян их участки и уничтожить общественное поле в Италии, разделивши его между собою на крупные имения. Они нашли, что одну меру, введенную Каем Гракхом, хорошо сохранить для того, чтобы отвлечь городскую толпу от союза с крестьянами, а, именно, они согласились раздавать ей *даровой хлеб*. Более 300.000 человек в Риме стали получать из казенных амбаров зерно, подвозившееся морем: ежемесячно по особым билетам выдавали около 2 пудов на каждого человека.

Междоусобные войны в Италии и начало военной монархии. Погубивши обоих Гракхов и устроив кормление городской бедноты, оптиматы добились ненадолго спокойствия. Скоро сложилось опасное для них настроение среди солдат.

В войске за время больших завоеваний произошли крупные перемены. Солдаты прежней поры были ополченцы; их отпускали после похода по домам, и они не отрывались вполне от хозяйства и ремесла. В долгих заморских войнах легионы обратились в нераспускаемые постоянные войска: солдаты совсем отвыкали от домашней работы и обращались в специалистов военно-лагерного дела. В своих понятиях солдаты также отделились от остального населения: они считали себя выше граждан и обижались, когда их звали гражданами. Им не было дела до решений сената и народа в Риме. Своего вождя они признавали единственным начальством; он должен был зато делить с ними всю добычу, приобретенную на войне.

В походах и на стоянках вожди требовали от них тяжелой работы: солдаты не только сами возводили лагерь, но также строили крепости и корабли, мостили дороги, делали водопроводы. За проступки им грозили самые тяжелые наказания, розги и плети, клейма на теле; в случае бегства целого отряда с поля битвы, каждого десятого солдата казнили отрублением головы. Но и солдаты привыкли ставить вождю свои требования: в лагере постоянно собирались сходки солдат и центурционов (т.-е. сотников, офицеров). Начальник выходил к ним, говорил им речи, как в

народном собрании, сообщал свои намерения, давал обещания. Ветераны, т.е. солдаты, которым подходил срок окончания службы, ожидали, что командир, по возвращении домой, обеспечит им пожизненную награду или добьется наделения их земель.

Вскоре после гибели Кая Гракха Рим пережил две трудные войны. Одна проходила на юге в Африке против нумидийского царя Югурты, который чуть не отнял у римлян богатейшую область бывшего Карфагена. Другая — на севере против многочисленных орд кимбров и тевтонов, надвигавшихся из-за Альп на Италию. В обеих войнах спасителем государства или, как говорили, вторым основателем Рима явился Марий, военный вождь, обладавший большим умением управлять и ладить с солдатами. Марий был незнатного происхождения, выслужился из солдат, не имел образования, которым гордились нобили; в их глазах он был „лихим человеком“, т.е. выскочкой. Для того, чтобы сделаться консулом и получить команду против Югурты, Марию надо было одолеть на выборах соперников из числа нобилей, выдававших большие суммы народу. Пришлось, в свою очередь, запугивать расположения городской толпы в Риме; Марию помогли в этом популяры и откупщики: популяры рассчитывали при его помощи возобновить аграрный закон Гракха, откупщики надеялись на новые выгоды в Африке.

Не успел Марий окончить войну с Югуртой и привести в Рим пленного нумидийского царя, как надвинулись с севера кимбры и тевтоны. В Италии ходили преувеличенные слухи об их силе; будто они могут бежать рядом со скачущим конем; вождь тевтонов прыгает через шесть лошадей; поставленных рядом; пронзив врага копьем, варвар может на дыбе его поднять. В сражении они приходили в ярость, отрывали с корнем деревья, отламывали руками куски скал и метал их во врагов, ставили в реку кучи земли, так что вода выступала из берегов. Жены их, крепкие, как мужья, в случае бегства воинов встречали их с оружием в руках и заставляли опять идти в битву. Варвары искали новых мест для поселения в равнинах рек По и Роны, где жили римские колонисты и покорившиеся римлянам галлы.

Войну с ними приходилось вести долгую и упорную, строить укрепления, совершать утомительные переходы по горам. Только Марий, которого выбрали опять консулом, умел заставить солдат исполнять труднейшие работы в непрерывных походах: не даром его войнство звали вычным скотом Марневым. Вследствие этого пришлось не отрывать его от команды в течение 5 лет и 5 раз подряд выбирать консулом, чего раньше не допускали римские обычаи. Более всего помог Марию при избрании трибун Апшудей Сатурнин, обещавший его солдатам земельные наделы.

Когда Марий вернулся с триумфом в Рим и получил место в сенате, Сатурний задумал силой добиться своей цели. Он вызвал в Рим безземельных крестьян Италии, между ними многих ветеранов Мариа и пытался вынудить у сената согласие на аграрный закон, подобный Гракховскому. Но обезоруженные, лишённые команды солдаты не были страшны сенату. Оптиматы успели, кроме того, польстить тщеславию Мариа и привлечь его на свою сторону. Сенат поручил ему арестовать Сатурния; Марий осадил своих бывших друзей на Капитолии и перебил их (100 г.).

Оптиматы опять избавились от опасности лишь на некоторое время. Народные волнения, поднявшиеся со времени Гракхов, широко распространились по всей Италии. Союзники римского народа, т.-е. большинство италиков, потребовали себе одинаковых прав с римскими гражданами; они ссылались на то, что несут в войнах те же повинности, что римские плебеи, а между тем не получают ни дарового хлеба, ни других раздач; если же римских пролетариев предполагается наделить землей, то насколько больше прав на нее имеют италики, у которых в свое время отняли землю, чтобы составить общественное поле.

Так как сенат отказал союзникам в их требовании, они в 90 году отложились, выбрали своих консулов и свой сенат, устроили новую столицу против Рима по другую сторону Апеннин, в городе Корфинии, и назвали его *Италией*. В войске восставших союзников преобладали горцы средней и южной Италии, и первое место заняли старинные соперники римлян, самниты. В этой междоусобной союзнической войне Риму приходилось напрягать все усилия. Два года кипела отчаянная борьба по всему полуострову. Хотя Риму удалось разбить войска союзников, но все-таки тем, кто положил оружие, дали право римского гражданства. Вся Италия вошла теперь в состав римской общины,

В союзнической войне больше всего услуг оказал Риму Корнелий Сулла, человек старинной знатной семьи. Сулла столкнулся с Марием, когда возник вопрос о том, кому командовать на Востоке в войне, объявленной Риму Митридатом, царем понтийским.

Понт занимал северную, прилегающую к Черному морю часть Малой Азии; ее приморские города, Синоп и Трапезунт, составляли греческие колонии; внутреннюю область населяли варварские племена. Митридат выводил свой род от великого персидского царя Дария; его окружала персидская знать, и поклонялись они персидскому божеству, Митре непобедимому. Пользуясь замешательством Рима в борьбе с союзниками, Митридат завладел римской провинцией Азией; население этой области, возмущенное вымогательствами римских откупщиков, восстало и перерезало несколько десятков тысяч римских поселенцев. Митридат выстроил флот на Эгейском море и двинулся на Европейскую Грецию; таким образом, римляне потеряли всю восточную часть своей державы.

ПОПОВАЯ

Спор между Марием и Суллой разделил все римское гражданство на две резко враждующие стороны. За назначение старого семидесятилетнего Мария были откупщики и партия популяров, за Суллу стояли нобили. Между нобилиями было много разоренных людей; далеко не всем нобилиям хватало должностей; поэтому нобили теснились около Суллы, ожидая от него выгодных поручений по службе в провинциях и на войне. Сенат назначил главнокомандующим восточной войны Суллу; популяры предложили народному собранию отнять власть у избранника аристократии и передать ее Марию. Сулла оказался в более выгодном положении, так как под его командой уже находилось войско, готовое к отплытию на восток и верившее в его счастливую звезду. Солдаты сами потребовали, чтобы Сулла вел их на Рим.

Произошло неслыханное дело. Впервые за долгую жизнь Рима войско вступило в стены города и предписало свою волю самому народу римскому. Марий и его сторонники бежали и были заочно приговорены к смерти. Так началась *первая гражданская война*.

На востоке Сулла имел полный успех, отвоевал у Митридата Балканский полуостров и Малую Азию и восстановил прежние владения Рима. Греция еще раз подверглась разграблению: Сулла ободрал сокровищницы Дельф и Олимпии и позволял своим солдатам всякого рода бесчинства. В его отсутствие вернулись в Рим популяры, а к нему на восток бежали нобили, испуганные движением пролетариев. Когда Сулла, после побед, возвратился в Италию, наступило, в свою очередь, торжество оптиматов. Сенат признал Суллу *диктатором без срока для устройства республики*. Сулла стеснил народные собрания, отнял власть у трибунов и отдал все управление сенату. Мщеннию возвратившихся нобилей Сулла открыл полный простор. Были составлены *проскрипции* (опальные списки); попавшие в них лишались защиты суда и законов; всякий мог убить опального; имущество его продавалось с торгов. Многих заносили в списки по доносу их личных врагов; около Суллы кишели люди, которые быстро наживались, скупая за бесценок имущество опальных. Из имений, отнятых у марийцев, Сулла выдал хорошие наделы своим солдатам. Грубые и страшные его ветераны во многих местах сами выгнали старых владельцев. Заодно с ними иные оптиматы-сулланцы, набрав рабов и слуг, вторгались к мелким соседям своим, отнимали их имущество и пускали их по миру (82 г.).

Неограниченный повелитель Рима, увлекаясь своей постоянной удачей, велел поставить на самом видном месте в народном собрании свое вызолоченное изображение на коне с надписью: „Корнелий Сулла, счастливый император“. Человек тонко образованный, он был чужд жадности и ненависти к врагам; но он не мешал грабежу и неистовству других и не

хотел делать ничего хорошего. Устроив дела своей партии и своих ветеранов, он ушел на покой. Когда вскоре после отречения от власти Сулла умер, его хоронили по-царски. Из далекого имения через всю Италию везли его останки на золотом ложе; навстречу вышел сенат в полном составе и все жрецы в парадных одеяниях; кругом с позолоченными знаменами и серебряным оружием шли служившие при нем солдаты; в оценении следовала необозримая толпа, которая боялась воинов Суллы и как будто бы самого мертвеца Суллы.

Борьба за власть между преемниками Суллы. Вскоре после смерти Суллы одному из его приверженцев, Лицинию Крассу, нажившему громадное состояние на счет опальных, пришлось спасать владения оптиматов от грозы рабского восстания.

Войны Марция и Суллы привели в Италию массы рабов-варваров, между прочим, кимвров и фракийцев. Очень пригодные для тяжелой работы на виллах, эти рабы становились страшны, когда скоплялись в большом количестве. Часть невольников, самых сильных и красивых, римляне готовили в *гладиаторских* школах для потешных боев в цирке. Фраконец Спартак предложил своим товарищам лучше умирать за свободу, чем для утех толпы. В Риме долго никто не решался вести легионы против мятежных рабов, пока не вызвался Красс. С большими усилиями одолел он восстание, и победу свою ознаменовал распятием на кресте нескольких тысяч рабов.

Скоро Красса затмил другой сулланец, Помпей. Доставка в Рим невольников породила в восточной части Средиземного моря особый разбойнический промысел; беглые рабы становились морскими пиратами, высаживались на берегах Греции и Малой Азии, грабили селения, забирали в плен мирных жителей и везли их продавать на рынок рабов, к о. Делосу. У разбойников на островах Крите и Кипре были скрытые стоянки для судов и неприступные крепости, где они берегли награбленные богатства. Вся торговля в Средиземном море пришла в расстройство от нападений разбойников: погибали грузы хлеба, направлявшиеся в Рим, и пролетариям грозил голод. Помпею поручили разгромить державу разбойников, а для этой цели предоставили неограниченную власть над всеми островами и берегами Средиземного моря. Много побилей, которым в Риме не хватало должностей, получили у Помпея службу и награды и составили его верную свиту.

Главной приманкой для римских завоевателей попрежнему служили богатые страны востока. Там опять поднялся Митридат понтийский, угрожая отнять у римлян Азию. Командование против него получил Помпей, и так же, как в войне с морскими разбойниками, ему даны были неограниченные полномочия по набору войска и назначению наместни-

ков, опять к нему, точно к монарху, устремились верные его сторонники из нобилей и откупщиков. Помпей шел от успеха к успеху. Он не только отнял у Митридата всю Малую Азию, но продвинулся до Каспийского моря и Евфрата и захватил царство сирийское, где когда-то правили блистательные Селевки и Антиохи. Далее он проник в Иудею и решил здесь спор между наследниками дома Маккавеев: в Иерусалиме, считая, что римскому победителю все позволено, Помпей со своей свитой, к ужасу верующих евреев, вошел в святое святых храма, куда имел доступ только первосвященник.

Завидовавший Помпею Красс искал всех средств свергнуть соперника, между прочим, готов был соединиться с сулланцем Сергием Катилиной, нобилем старинного рода, даровитым, но запятнавшим себя злодействами во время проскрипций. Катилина и еще несколько отчаянных голов составили заговор: предполагалось кликнуть беспокойных искателей добычи, которых много развелось в гражданской войне, вооружить рабов в разных концах Италии, навести страх на Рим поджогами и убийствами, арестовать и перебить видных сенаторов и назначить диктатором Красса. Помощником диктатора Катилина намечал Юлия Цезаря, тоже потомка старинной патрицианской семьи, породнившейся с Марием. Хорошо образованный, очаровательный в обращении с людьми, Цезарь слыл за беззаботного щеголя и расточителя; примкнувши к партии популяров, он старался угодить столичной толпе великолепными играми в цирке, которые устроил в качестве эдила (заведующего городским благоустройством).

Катилина потом изменил свой план и решил сам сделаться консулом. На выборах, однако, победил Цицерон, блестящий оратор, друг Помпея. Цицерону удалось насторожить против заговора Катилины всю зажиточную часть римского гражданства. Катилина был вынужден уйти из Рима прежде, чем заговорщики успели приготовить восстание; он хотел пробиться в Галлию, но погиб в ожесточенной схватке с войсками правительства (63 г.).

Между тем, из Азии возвращался Помпей. В сознании своих заслуг он ожидал для себя величайших почестей, а для своих ветеранов — наделения земель, подобно сулланцам. Но оптиматы боялись повторения сулланской монархии; поэтому сенат отказал Помпею в его желании. В эту минуту неудачи Помпею предложил свои услуги Цезарь: по его мысли, надо было устроить тайный союз влиятельных людей и разделить между собою власть. Цезарь примирил Помпея с Крассом, выдал за Помпея свою дочь и при помощи двух новых друзей своих получил консульство на 59 год. В качестве консула Цезарь, не считаясь с волей сената, легко добился у народа наделения ветеранов Помпея, а себе выговорил наместничество в обоих Галлиях.

Римляне называли Галлиями страны, населенные племенем *кельтов*: предальпийской Галлией—равнину реки По, заальпийской—нынешнюю Францию. В последней только южный берег по обе стороны греческого города Массилии принадлежал Риму; остальная страна распадалась на много самостоятельных областей и народцев. Цезарь задумал покорить весь обширный край, известный своим сказочным обилием золота. Его товарищи, Помпей и Красс, также присвоили себе каждый доходную провинцию: первый—Испанию, второй—Сирию, с расчетом приготовить поход за Евфрат к Вавилону. Все трое съехались в городе Лукке на границе Италии и предальпийской Галлии для закрепления своего союза: каждого сопровождала большая свита преданных ему нобилей. Римский сенат и народное собрание остались только в виде тени прежней республики: все делалось по воле всемогущего *триумвирата*, т. е. союза трех лиц, которые держали себя, как цари, обменивались посольствами, отправляли друг другу легионы (56 г. до Р. Х.).

Цезарь провел 8 лет в Галлии (58—50 гг.) в непрерывных почти походах и покорил всю страну до Рейна, Северного моря и канала, отделяющего материк от Британии. Ему пришлось также переправляться в Британию, чтобы разгромить кельтов, помогавших своим соплеменникам и единоверцам в Галлии, а также ходить за Рейн, чтобы разбить германцев, которые оспаривали у него обладание Галлией.

Очень храбрые и горячие в борьбе, галлы могли бы задавить римлян числом, но между отдельными племенами было мало согласия; везде Цезарь приобрел друзей и сторонников, увлекавшихся службой у римлян. Галлов соединяла лишь духовная связь, поддерживаемая учеными жрецами, *друидами*, составлявшими союз по всей стране. Друиды сходились раз в год в священном месте в средние Галлии на общее собрание; здесь они разбирали своим судом спорные дела; нарушителей обычая и ослушников своих решений они отлучали, запрещая им участие в молитвах и жертвах. Очень

Галл, защищающий от римлян свое жилище.

сильный в религиозных делах, союз друидов не мог помочь объединению народа; слишком поздно проснулось в галлах желание быть независимой нацией, когда завоеватель уже раздробил их силы.

В 52 году до Р. Х. во главе восстания против римлян стал Верцингеторикс из племени арвернов (горная Овернь в середине Франции). Галлы окопались около нынешнего Клермона; при нападении на лагерь Верцингеторикса Цезарь потерпел неудачу. Пришлось стянуть все римские силы, чтобы осадить противника в *Алезии*; с разных сторон подошли на выручку галлы, но римляне разбили их при помощи германской конницы, вызванной из-за Рейна. Осажденные стали страдать от голода, и сам Верцингеторикс, прискакав в блестящем вооружении к Цезарю, сдался на великодушные победителя. Цезарь взял с собою Верцингеторикса для украшения своего триумфа, а потом пленник погиб в тюрьме. После этой упорной борьбы Галлия сделалась настоящим царством Цезаря.

Между тем триумvirат распался. Красс был убит в неудачном походе на парфян за Евфратом, а Помпей, оставшись в Риме, не хотел больше делиться властью с Цезарем. В сенате составила партия спасения республики во главе с Катонем, человеком суровой прямоты и правдивости; партия эта требовала сложения полномочий от обоих властителей. Когда сенат послал Цезарю требование, чтобы он отказался от своей провинции, Цезарь, подобно Сулле, объявил войну Риму и повел на Италию свои легионы, испытанные в галльских боях. Теперь республиканцы, в том числе Катон, присоединились к Помпею и передали ему главную команду против Цезаря; они должны были, однако, покинуть Рим, где протетарии стояли за Цезаря, и бежать на восток. Открылась *вторая гражданская война*.

Цезарь не скрывал своего намерения уничтожить республиканское устройство. Он захватил в Риме государственную казну; когда трибун Метелл попробовал заступить ему дорогу к Капитолию, где лежало золото, Цезарь пригрозил ему смертью, хотя по старому закону трибун считался неприкосновенным.

Единовластие Цезаря. Четыре года (49—45 гг. до Р. Х.) длилась война между Цезарем и его противниками. Сначала республиканцы и сторонники Помпея были разгромлены при *Фарсале* в Фессалии; сам Помпей бежал в Египет к царю Птолемею, но был убит, не успев ступить на берег. Цезарь последовал за ним в Александрию. Так же, как прежние римские завоеватели, он подчинился обаянию богатейшей восточной страны и ее блестящей греческой столицы и задумал присоединить Египет к римской империи: свергнув Птолемея, он передал правление в руки сестры царя, Клеопатры, очень умной и властной женщины, несмотря на ее молодость. Между тем, помпеянцы и республиканцы, среди последних Катон, собрались в Африке; они были вновь разбиты Цезарем, и Катон, считая дело республики погибшим, пронзил себя мечом. В последний раз пытались оказать сопротивление сыновья

Помпея в Испании. Везде Цезарь брал верх. Однако, чем больше требовалось усилий в борьбе, тем больше он давал обещаний своим солдатам. Почти каждый поход начинался с восстания солдат, они отказывались от службы, вызывали императора на свое собрание и ставили ему все новые повышенные требования относительно наград деньгами и земель.

Вернувшись после побед в 45 году, Цезарь произвел громадные выдачи солдатам, отписал им земли в Италии и в провинциях. Так же, как Сулла, Цезарь был признан диктатором без срока, т.е. *неограниченным монархом*: все, что прежде решали сенат и народ, — объявление войны и заключение мира, назначение на все должности, издание законов, распоряжение провинциями, — перешло в его руки. Всякого рода сходки граждан, соединение в артели, союзы и товарищества были воспрещены. В знак монархического величия Цезарь появлялся публично в триумфальном пурпурном плаще, пренебрегал сенатом, не вставал перед ним, как это делали прежде должностные лица, назначил сенаторами множество солдат галльской войны. Он позволял себе презрительно говорить: „республика — пустое слово без смысла и содержания“.

В своем торжестве Цезарь показал себя лучше Суллы: не метил противникам опалами и старался привлечь многих из них, напр., Цицерона, на свою сторону. Нобили в большинстве переходили к нему, становились как бы его придворными и принимали должности по его милости и назначению, так как народ созывали лишь ради того, чтобы для виду выбрать кандидатов, указанных диктатором. Однако, и между нобилиями палились сильные, независимые характеры, которые не хотели унижаться. Среди них составилась заговор, чтобы убить Цезаря, как тирана; во главе заговорщиков стояли сдавшиеся Цезарю помпеянцы — Брут и Кассий.

Цезарь усилил раздражение республиканцев явными попытками присвоить себе царское достоинство. Его любимец, Антоний, однажды в народном собрании предложил ему золотой венец; в Риме поговаривали, что Цезарь ждет приезда Клеопатры и собирается повенчаться с египетской царицей. Цезарь готовился к большому походу на парфян и велел разыскать оракул, в силу которого восточную войну победоносно закончит римский царь. Заговорщики поспешили с исполнением своего плана и, окружив Цезаря в сенате, закололи его кинжалами (44 г. до Р. Х.).

Борьба между преемниками Цезаря. Когда Брут и Кассий вышли к народу и объявили, что наступила свобода от тирана, толпа встретила их безмолвием. Скоро ловкий Антоний извлек завещание Цезаря, и народ

узнал, что ему отписаны богатые подарки и великолепные сады. В городе находилось много ветеранов Цезаря, которые ожидали наделения земель и в смерти своего вождя видели крушение всех надежд и расчетов. От раздражения пролетариев и солдат заговорщики, убившие Цезаря, должны были бежать на восток. Стараясь заступить место Цезаря, Антоний захватил, сколько мог, его казны и начал привлекать цезаревы легионы на свою сторону. Но у Антония появился соперник в лице 18-летнего Октавиана, усыновленного Цезарем его племянника, который, в свою очередь, стал раздавать деньги солдатам. Октавиан прикинулся республиканцем и уверил Цицерона в искренности своих намерений. После горячих речей Цицерона в сенате, Антония объявили врагом отечества и Октавиану поручили вести войну с ним. Между легионами Антония и Октавиана произошла большая битва в северной Италии под стенами Мутины. Солдаты отстранили командиров и стали биться по собственному плану, выставив впереди *преторьянцев* (т. е. почетную гвардию). Антоний потерпел поражение, но армия Октавиана не захотела преследовать его. Солдаты обеих войск, помимо вождей, заключили взаимный договор, заставили Антония и Октавиана помириться, принять еще третье лицо, Эмилия Лепида, в свой новый *триумвират* и затем идти на Рим мстить врагам погибшего диктатора. Это — *третья гражданская война*.

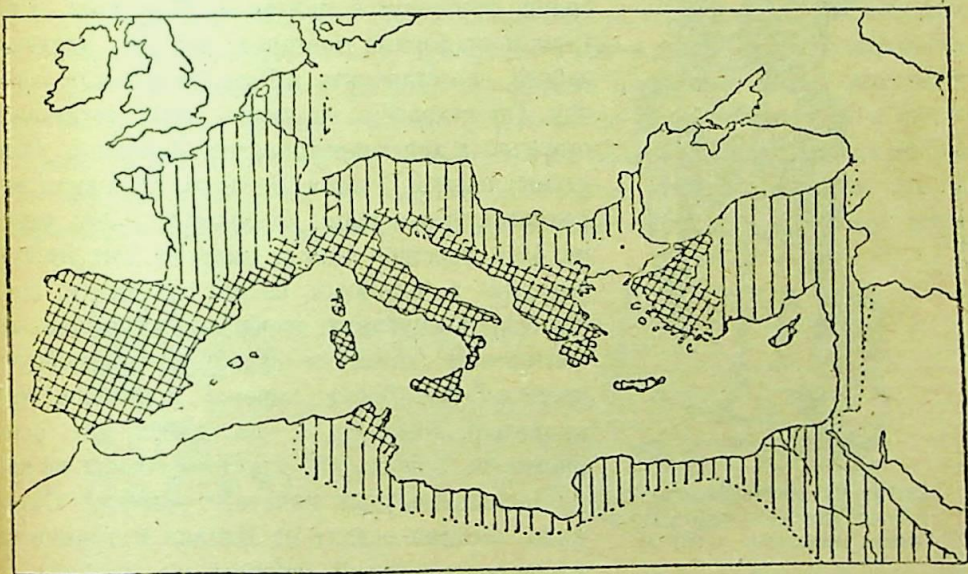
Повторилось все, что было во времена Суллы: триумвиры составили опальные списки и в числе первых отрубили голову Цицерону. Они ограбили богатых людей в Риме, взяли добычу с городов Италии и на эти средства повели войну с Брутом и Кассием, утвердившимися в Македонии.

При городе *Филиппи* произошло несколько боев, в которых наследники Цезаря взяли верх. Отчаявшись в спасении республики, Кассий и Брут пронзили себя мечами, подобно Катону. Их имена стали нарицательными для обозначения последних республиканцев. В свою очередь, имя Цезаря (по-греческому произношению, Кесаря) стало нарицательным для позднейших властителей; они принимали его в качестве титула. Наследники Цезаря объявили его богом; на месте сожжения его праха был поставлен алтарь, который признали, наравне с храмами богов, убежищем для преступников и беглых рабов. По всей Италии у владельцев отобрали земли для раздачи солдатам новых властителей.

Республика не могла удержаться в Риме. Всякий новый военный вождь стал бы поступать также, как Сулла, Цезарь, Антоний и Октавиан. Все дело было только в том, кто именно из предводителей легионов сумеет одолеть других.

Антоний и Октавиан, устранивши незначительного Лепида, разделили между собою империю: Антоний взял себе восточные провинции, Грецию, Малую Азию, Сирию, женился на египетской царице Клеопатре и стал жить в Александрии; Октавиан остался в Риме. Между ними никогда не было дружбы; каждый из них искал единовластия. Октавиан напал на соединенный флот Антония и Клеопатры у *Актия*, близ западных берегов Греции. Среди битвы Клеопатра отозвала свою эскадру; Антоний следом за нею покинул сражение и дал этим победу Октавиану. Потерявши опору в Египте, Антоний в отчаянии покончил самоубийством. Клеопатра пыталась спасти царство свое; но Октавиан присоединил Египет к своим владениям (30 г. до Р. Х.). Таким образом, все страны, лежавшие кругом Средиземного моря, вошли в состав римской империи.

Устройство принципата, или умеренной монархии. Октавиан достиг той же цели, что и Цезарь. Он казался менее даровитым, был невзрачен, застенчив, скрытен; у него не имелось военного таланта Цезаря.

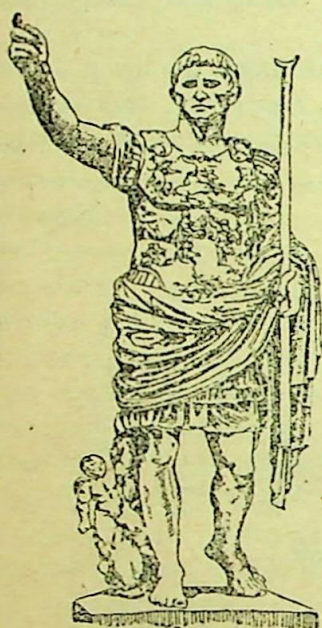

Римская держава около времени Р. Х. Клеточками обозначены земли, приобретенные Римом во времена республики; полосками—земли, захваченные Помпеем, Цезарем и Октавианом. Первые—все почти остались в управлении сената, вторые—были забраны императором.

Установить монархию ему частью помогли обстоятельства, частью и сам он проявил терпение, осторожность и умение приспособиться к понятиям и привычкам римлян.

Обстоятельства заключались в том, что долгая война во всех странах кругом Средиземного моря утомила большинство людей: очень многие

искали покоя и теспились ко всемогущему человеку, надеясь на его охрану. Так, примкнул к Октавиану поэт Гораций, который бился за республику под начальством Брута и Кассия. В одном стихотворении Гораций вспоминал потом, что „нехорошо бросил свой щит“, т.-е. бежал с поля битвы; но он горячо советовал своим друзьям покинуть войну и участие в смутах, чтобы уйти от всех опасностей. Вместе с тем, в борьбе погибли, по большей части, независимые гордые нобили, которые не хотели видеть никакого господина над собой. Жители провинций привыкли подчиняться Риму; им было все равно, приплет ли им начальника римский сенат или военный правитель из Рима. Население самого Рима мирилось с тем властителем, который готов был больше всех дарить ему.

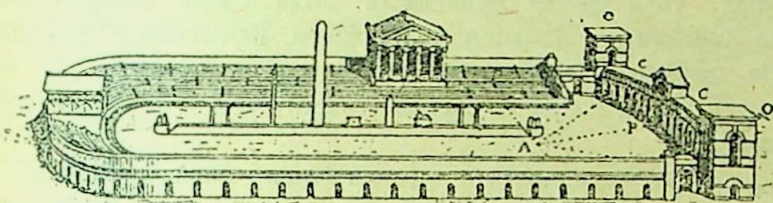
Статуя Октавиана Августа в
костюме императора и в поло-
жении говорящего к народу.

Искусство Октавиана выразилось в том, что он избег в титулах и в обстановке всего, что казалось похожим на царскую власть. Он не принял имени диктатора, напоминавшего торжество Суллы и Цезаря, а назвался консулом, трибуном и цензором. При этом Октавиан постоянно повторял, что его главная забота—восстановить в Риме старинный порядок. Он старался окружить себя остатками старинных аристократических фамилий. Сам усыновленный Юлием Цезарем, Октавиан породнился со знатными Клавдиями. В его дворце был хорошо принят историк Тит Ливий, который в огромном сочинении своем возвеличил республику, изобразив возвышенным ораторским слогом ее судьбу от древнейших времен. Все очень хорошо понимали, что правитель всемогущ, и что власть его опирается на войско. Но для того, чтобы не нарушать привычных понятий римлян, Октавиан отоделал солдат из Италии к границам; в качестве личной охраны он оставил в

Риме только отряд преторьянцев (гвардию). В Италии Октавиан считался *принцепсом*, т.-е. первым человеком в государстве. Он как бы поделился властью со старым правительством, сенатом.

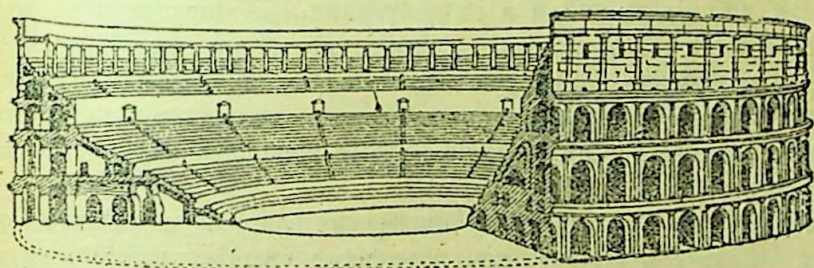
Было положено, что попрежнему сенат будет распоряжаться старинными провинциями: сенат будет посылать туда наместников из своей среды. Области, вновь присоединенные, пограничные остались за Октавианом: Галлия, бывшее владение Цезаря, Сирия и богатый Египет, который захватил сам Октавиан. В этих областях стояли все римские

войска, около 250.000, чтобы держать в повиновении недавно покоренных жителей и оберегать границу. Войска были подчинены исключительно Октавиану; солдаты приносили присягу только ему. Старое название военного императора он присвоил себе одному; оно означало теперь власть верховного главнокомандующего. Императором звали его в

План цирка. Бег происходит кругом возвышения в середине, на котором поставлены колонны, статуи и т. д. А—место, откуда начинают, ОО—парадная сторона для въезда, Р—главные ворота, СС—колюшни.

провинциях. В свои области Октавиан посылал для управления своих легатов (офицеров) и прокураторов (управляющих). Народ перестали созывать на собрания. Однако, новый правитель должен был так же угождать столичному населению, как раньше это делали народные вожди или сенат. Он принял один на свой счет все траты, какие прежде делались в пользу народа разными лицами. Принцепс взял на себя прокормление столичных пролетариев хлебом: его чиновники заготавливали, привозили морем нужное количество зерна, складывали его в огромные магазины, которые зани-

Разрез амфитеатра; овал внизу—арена представления; кругом уступами поднимаются места для зрителей; крыши нет.

мали целый городской округ против гавани, и производили выдачу. Принцепс взял на себя также устройство развлечений. Это были разнообразные игры и зрелища в праздничные дни. Число праздников было очень велико и доходило до трети, а потом даже до половины всех дней в году. По временам, в знак особого торжества, например, после окончания счастливой войны, народу устраивали непрерывный праздник в течение месяца или даже двух, трех месяцев.

Вкусы римского народа были гораздо грубее, чем у греков. В театрах не слушали музыки, чтения стихов и речей. Пьесы были невысокого сорта; более всего любили *пантомимы*, т.-е. представления без речей, балет и феерии. Но особенно были в ходу состязания в беге колесниц и разные кровавые бои. Первые происходили в цирках; вторые — в амфитеатрах. Те и другие помещения были очень велики размерами. Огромный амфитеатр, называемый Колизеем, наполовину сохранившийся до нашего времени, мог вместить двести тысяч человек. Но все-таки, чтобы занять места, толпа собиралась часто накануне представления и ждала всю ночь.

Представление начиналось с торжественного обряда. Длинная процессия спускалась с Капитолия и через форум проезжала в ворота цирка. Впереди ехал сановник, открывавший игры; на разукрашенных колесницах, запряженных иногда слонами, везли изображение богов и обоготворенных цезарей; кругом шли жрецы. В цирке на почетных местах сидели принцепсы со свитой и сенаторы. Это был случай парадной всенародной встречи принцепса.

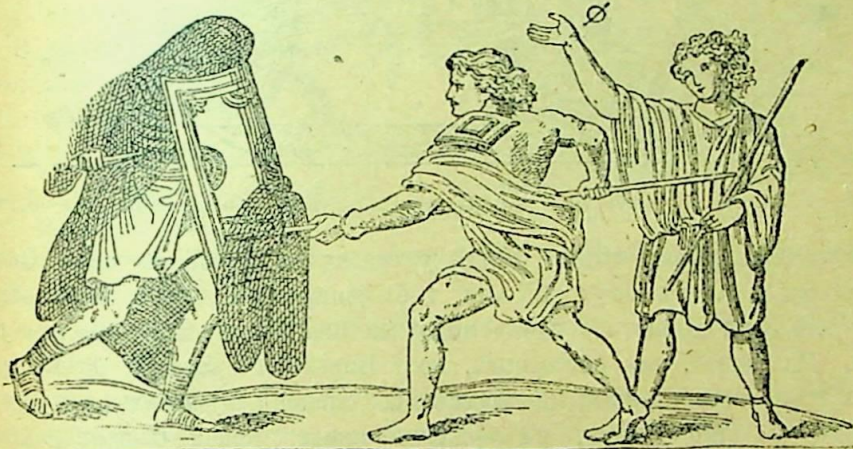
Народ приветствовал его кликами. Но народ иногда выражал ему также свое раздражение, громко жаловался на какое-нибудь притеснение. Принцепс узнавал в цирке настроение народа и, если нужно было, спешил его успокоить. Цирк как будто заменил народные собрания, которые перестали созывать. Принцепс и народ вместе распоряжались в цирке; принцепс давал приказ к началу игр, к различным сменам и действиям; народ разделялся на партии, выражал громко свое сочувствие любимцам между возницами и гладиаторами. В цирке кучера делились по цветам костюма, на красных, белых, зеленых и синих. Зрители, вплоть до самого принцепса, выбирали себе также цвета, шумели, волновались, держали пари за кучеров и лошадей, горячо приветствовали одних, посылали проклятия другим; многие задолго спрашивали у предсказателей об исходе игр.

Особенностью Рима были гладиаторские бои. Они произошли от старинных человеческих жертв при поминании умерших вождей: на могиле убивали пленных и рабов или заставляли их биться парами между собою. Позднее эти бои стали повторять в разные праздники и все увеличивали число выпускаемых пар. Цезарь поразил народ, выпустив более 600 гладиаторов. Потом их число доходило иногда до 10.000. Между гладиаторами были осужденные преступники; иных отпускали на свободу после нескольких лет, проведенных в боях. Большую часть обучали в особых школах.

Их выпускали в странном вооружении: то в слепых племах, закрывавших глаза; то, например, против бойца в полном вооружении выходил

другой, совершенно обнаженный, с одним трезубцем в руке, но зато с большою сетью, которую он старался набросить на противника, чтобы запутать его. Сбросив противника на землю, гладиатор-победитель ставил на него ногу и обращался к зрителям: если они махали платками, это означало пощаду сброшенному; если зрители опускали большой палец книзу, гладиатор на месте убивал противника.

Принцепсы, преемники Октавиана, придумывали все новые и новые виды развлечений для народа: привозили в огромном количестве диких и невиданных зверей и птиц: львы, тигры, слоны, носороги, крокодилы, жираффы, страусы появлялись в амфитеатрах; их держали в клетках нижнего этажа и сразу в большом количестве выпускали в середину, на арену. Против них выходили охотники с оружием или им отдавали на съедение пленных и осужденных: амфитеатр был местом публичной казни. Или из-под земли поднимались внезапно тропические леса, и в них выпускали оленей, кабанов, антилоп; на ветвях появлялись птицы, и

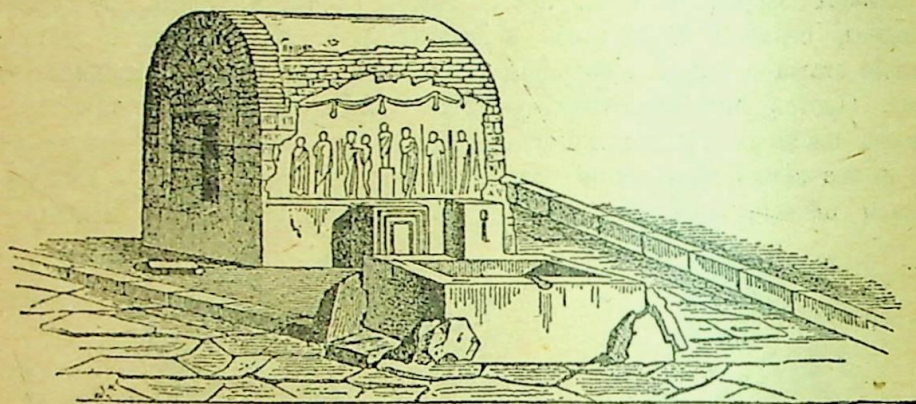

Бой двух гладиаторов. Направо — третий, который их подстрекает.

народу позволяли за ними охотиться; каналы вдоль арены наполнялись водой, и в них плавали дрессированные рыбы. Иногда зрелище принимало неслыханные размеры: вся арена обращалась в глубокое озеро; в нее вводили настоящие морские корабли с экипажем обученных рабов и устраивали полную морскую битву с крушением судов и гибелью людей.

В дни праздников и представлений народ как бы считался гостем принцепса. Однажды 5.000 рабов с зажженными факелами провожали зрителей по домам. За зрелищем следовало какое-нибудь угощение, подарки: то на арену выкладывали куски мяса, то сверху на толпу сыпа-

лись тучи птиц, африканских кур, египетских уток и т. д.; то в среднюю бросали огромный гардероб плащей. Так как в толкотне и драке, которая неизбежно поднималась, вещи рвались на части, то придумали бросать в толпу значки, деревянные шарики. По таким билетикам можно было потом получить мясо, хлеб, одежду, золото, жемчуг, ценные камни, картины, рабов, домашних животных, ручных тигров и львов и даже корабли, дома и земли.

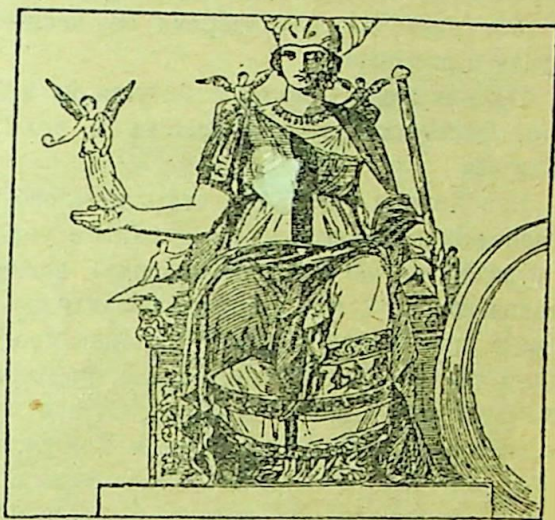
Святилище даров на улице; небольшой выступ впереди — алтарь; еще ближе спереди — фонтан

Поклонение императору. Когда установился новый порядок, Октавиан принял и новый титул Августа, т. е. священного. Этот титул обратился в его имя: правитель точно поднялся над всеми, как высшее существо. Из людей, ему обязанных, поэт Вергилий, дважды изгнанный из своего поместья страшными солдатами, спасенный Октавианом и получивший у него приют, восторженно приветствовал обоготворенного Цезаря и самого Августа.

Вергилий написал большую поэму, *Энеиду*, в подражание Гомеру; ее содержание — судьба троянского героя Энея, уцелевшего от пожара и гибели разрушенной греками Трои; после многих странствований Эней добирается до Италии и становится со своими троянцами родоначальником римского народа; боги пророчат ему великое будущее римлян. Поэма Вергилия прославляла вместе с Римом и последних двух великих императоров, так как Эней считался прямым предком Юлия Цезаря и Августа.

В страшную пору междоусобных войн, когда участники борьбы жадно хватались за добычу, старая вера была сильно потрясена. Многие римляне покинули вовсе обряды и перестали молиться; уверяли, что сами жрецы и гадатели без смеха не могут смотреть друг на друга. В числе

неверующих был Ютий Цезарь, говоривший открыто, что не признает бессмертия души. Разорения и несчастья продолжительной смуты произвели перемену в настроении; люди, утомленные войной, стали искать утешения в богомольях, обращаться к предсказателям, отыскивать старые святыни. Виргилий разделял эти чувства. Эней у него представлен благочестивым героем: он все делает так, как укажут боги, оттого везде ему удача; он должен был как бы напомнить римлянам, что все величие Рима создали боги. Август хотел поддержать это настроение и показать, что и он, правитель, везде и всегда заодно с богами: принявши звание верховного жреца, он начал усердно устанавливать обряды.

Богиня Рома, представленная в парадном платье.

В Риме на каждом перекрестке стояли алтари богов-охранителей окологда, *ларов*; время от времени около них народ собирался на праздник, украшал площадку и алтарь цветами и зеленью, водил хоробыды. Август предписал, чтобы в молитвах призывали, вместе с ларами, „гения“ императора, т. е. его духа покровителя.

Всею провинциям предлагалось молиться гению Августа вместе с богиней Ромой (Рим—по-латыни Рома—женского рода). Каждый подчиненный народ соединял Августа и Рому со своими богами и чтил их на своем языке по своим особым обрядам. Смысл этого почитания был тот, что все выражали покорность Риму и его правителю: от Ромы и Августа все должны были ждать и всяких благ. В каждой области выбирали несколько жрецов из самых богатых и видных фамилий для совершения торжественных обрядов и для устройства игр в честь этих богов; на востоке в странах греческой речи они назывались *архиереями*; на западе, по-латыни,—*фламинами*. Ко времени праздника сходились выборные из разных местностей в главный город провинции, *митрополию* (тоже, что по-прежнему произношению „метрополия“), и составляли приветствие императору. Статуе, изображавшей гения императора, придавали черты самого правителя, и, таким образом, римляне заставляли провинциалов чтить самого императора, как бога.

X.

Римская империя и христианство.

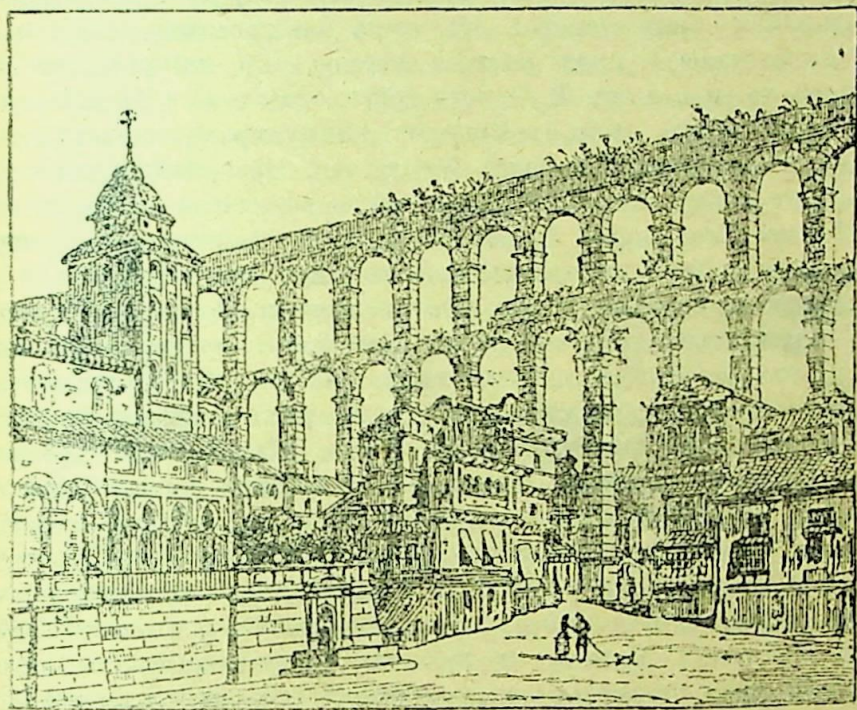
Династия Юлиев-Клавдиев. Август правил в течение 44 лет (между 30 годом до Р. Х. и 14 после Р. Х.) без соперников. Его важнейшей опорой были легионы. Правда, он уже не появлялся во главе армии; но зато назначал командирами ее исключительно своих наследников, внуков и пасынков.

Так как прямые потомки Августа из дома Юлиев все умерли раньше него, власть императора перешла к его пасынку, Тиберию, из рода Клавдиев.

При Августе еще сохранялось некоторое подобие республики. Тиберий отменил вовсе народные собрания; все управление столицы было отдано в руки *префекта* (градоначальника), назначавшегося императором; названия консулов, преторов, эдилов остались только почетными титулами, в роде „превосходительства“. Тиберий продолжал созывать сенат и оказывал ему знаки почтения; однако, при этом зорко следил, чтобы не выражалось сочувствия республике. Охотно принимал он доносы на nobilей, чтивших память Катона, Брута и Кассия; щедро награждал клиентов и рабов, которые подслушивали разговоры в домах и выдавали своих господ. Заподозренных обвиняли в „оскорблении величества государя“, подвергали ссылке и казни. Доносчики получали четверть состояния осужденного. Наибольшую выгоду от таких приговоров извлекал сам император: к нему переходили большие имения с обширными фамилиями рабов; по всей Италии и во всех провинциях нарастал *патримоний* (т.-е. вотчина, дворцовые имущества) государя, и еще сильнее становилась его власть.

В Риме водворились порядки, вполне похожие на быт восточных стран, где подданные составляли стадо, покорявшееся безмолвно капризам деспота. Преемник Тиберия, безумный Кай Калигула, ввел при дворе низкие поклоны, целование ног монарха. Он уже не удовольствовался *апофеозом*, т.-е. причислением умершего цезаря к сонму богов, а захотел божеских почестей при жизни, сравнил себя с Юпитером и потребовал, чтобы иудеи поместили его статую в своем храме. Признаки „цезарского безумия“ были также у последнего императора Юлиева дома. Нерона, вообразившего себя великим артистом. Когда он выступал в театре в качестве певца, публики, трепетавшая от страха, должна была встречать его шумным восторгом. Нерон вооружил против себя даже римскую толпу, которую старались задабривать цезари. Рассказывали, что однажды, когда от недостатка привозного хлеба столице стал грозить

молод, и когда народ в беспокойстве ожидал, не под'езжают ли спасительные суда из Египта, на взморье показался действительно александрийский корабль; но он вез тонкий нильский песок для театральной арены по заказу Нерона. Рассказывали еще, что, когда в Риме произошел гро-

Остатки римского водопровода среди зданий современного города в Испании.

мальный пожар, и выгорели обширные кварталы бедных, Нерон наслаждался зрелищем огненного моря со своего балкона и воспевал в гомеровских стихах пожар Рима.

Среди общего рабленства выдавались немногие люди независимого характера, вдохновлявшиеся старинной гордостью римлян. Они усвоили мысли греческих стоиков: не в краткой земной жизни с ее мимолетными утехами—цель человеческого существования, а в спасении души для жизни вечной, т.е. сохранении ее чистой, незапятнанной грехом. Таков был сенатор Тразеа Пэт, поднявший при Нероне голос в защиту достоинства сената. Вызывая своим богатством жадность доносчиков и самого Нерона, Тразеа был осужден на смерть; в виде последней милости ему позволили покончить самоубийством. Прежде, чем войти в ванну, где он должен был перерезать себе жилу, Тразеа принял предсмертное напутствие от странствующего проповедника, киника Деметрия; затем он сам

своею кровью окропил присутствующих в виде благословения умирающего. Память о мученическом конце Тразеа долго потом служила утешением для всех, кто разделял взгляды стоиков и стремился к чистой, достойной жизни.

Нерон держался крепко, пока за него была гвардия преторьянцев, и пока спокойны были легионы. Но когда заволновались солдаты, его власть пошатнулась. Армия помнила хорошо, что император в Риме существует по ее милости. В 68 году войска, стоявшие в Испании и на Рейне, провозгласили своих командиров императорами и двинулись на Рим; Нерон в отчаянии зарезался. Между тем, преторьянцы также выбрали своего императора; а сирийское войско выдвинуло своего начальника Флавия Веспасиана. Перевес остался за Веспасианом, который был в это время занят подавлением великого иудейского восстания.

Иудея под властью Рима. Около времени Рождества Христова иудеи представляли многочисленную, богатую и просвещенную силу. Часть их находилась в государстве парфии на Евфрате, часть — в пределах римского владычества, причем „иудеи рассеяния“, или колонисты, распространились по Египту, Кирене, Сирии, Малой Азии, Греции и Италии; большая еврейская колония была в самом Риме. Иудеи сходились для бесед, молитвы и обучения в *синагогах*, которые поражали посторонних отсутствием всяких украшений и изображений. Удаленные от своего великого храма в Иерусалиме, они поддерживали тесные связи со своей родиной и посылали храму правильную подать в две серебряные драхмы с человека. Однако, от палестинцев иудеи-колонисты заметно отличались своим отношением к „язычникам“ (так мы переводим еврейское выражение „народы“, при чем подразумеваются все народы другого языка и другой веры, кроме израильтян, исповедующих истинную веру). В то время, как палестинские иудеи чуждались иноплеменников, писатели и проповедники колоний стремились привлечь язычников к иудейской вере; в еврейские общины принимали *прозелитов*, т.е. новообращенных греков, римлян и др., которые согласились исполнять израильские обычаи и обряды. Иудейской религией начали увлекаться даже знатные римские нобили: в числе прозелиток была жена Нерона, Пoppея Сабина.

Между тем, как иудейские верования широко распространились по всей империи, с палестинскими евреями римляне не могли поладить.

Сначала римляне ограничились покорностью Иудеи, оставивши управление местным князьям. Таков был Ирод (Герод), степной дикарь-иудей, оттеснивший царя-первосвященника из рода Маккавеев и очень искусно угождавший, во время гражданских войн, то Помпею, то Цезарю, то

Бруту с Кассием, то Антонию, то, наконец, Октавиану-Августу. Занеся у римлян, Ирод (40—4 гг. до Р. Х.) поместил римского золотого орла на воротах храма и старался превратить Иерусалим в западный город с театром, играми, гимнастическими школами. Всюду настроил он Кесареи, т.-е. города со святилищами в честь императора; всюду поднимались возведенные им для устрашения народа крепости, где вместе с тем томилась в оковах противники его власти. Как ни старался Ирод в свою очередь примирить с собою иудеев украшением храма, щедротами на богослужение, народ ненавидел его: печетливый царь казался полной противоположностью Мессии, великого и святого пророка и вождя, которого дожидались со времени восстания Маккавеев (Мессия, значит, помазанник и по гречески переводится словом Христос).

После смерти Ирода Август решил присоединить Палестину к империи и посылать туда прокураторов. Народ иудейский почувствовал себя точно в плену у римлян. В казармах, близ храма, расположился римский гарнизон; в большие праздники, когда колоннады и дворы храма были наполнены необозримой массой богомольцев, солдаты стояли наготове с оружием в руках, чтобы ринуться на толпу, если бы послышался призыв к мятежу. Римляне ввели в стране тяжелые налоги. Разоряем поборами, земледельцы стали бросать деревни и уходить в разбойничьи отряды. Смелый республиканец Иуда Галилеянин со своими сыновьями составил дружины из недовольных бродяг и разбойников и подал первый пример восстания против империи, объявляя, что, кроме Бога, у народа иудейского не должно быть другого правителя.

Римские чиновники целовким усердием усиливали раздражение среди самых мирных обывателей. Прокуратор Понтий Пилат, вступая в свою должность, решил ввести в Иерусалиме римские военные значки с серебряными изображениями императора. Ночью украдкой он велел их поставить близ храма. С утра поднялось страшное волнение: огромная толпа, предводительствуемая раввинами, пошла к прокуратору в приморский город Кесарею за несколько десятков верст от Иерусалима. Пять суток она стояла перед домом Пилата и шумно требовала удаления римского герба от храма. Пилат велел пришедшим идти в цирк будто бы для того, чтобы говорить с ними; здесь он оцепил толпу солдатами и велел обнажить оружие. Тогда евреи бросились на землю и открыли свои шеи, как для казни: они объявили, что лучше им умереть, чем допустить нарушение закона; Пилат в замешательстве должен был уступить.

Чем более притеснений испытывали евреи, тем более росла у них вера, что явится чудесное избавление—придет Мессия, великий народный вождь, подобный царю Давиду и из рода Давидова. Богатые семьи,

из которых выбирали первосвященников (партия *саддукеев*), не разделяли веры в Мессию: составляя синедрион, т.-е. высший духовный совет, они были довольны тем, что по всей империи распространяется иудейская религия, что растут доходы иерусалимского храма, и не хотели разрыва с римлянами. Иначе думали люди среднего достатка, деревенские жители и беднота, а также простые священники и большая часть ученых книжников. Вся эта масса народа делилась, в свою очередь, на мирных и воинственных. Мирные, согласно учению *фарисеев*, старались соблюдать чистоту старинного обычая и строго выполнять обряды; приход Мессии они разумели, как наступление царства мира и благоденствия, ниспосылаемого Богом в награду за несказанные страдания народа. Напротив, *зелоты* (ревнителю) готовились к самой злой и беспощадной борьбе с чужестранцами; в их среде возникли дружины и союзы, члены которых давали друг другу страшные клятвы не только истреблять всеми средствами римлян, но убивать и своих единоверцев, если они будут мешать делу свободы.

Фарисеи отличались от зелотов еще тем, что хранили святость храма и древнего богослужения; тогда как партия непримиримых считала, что народ может жить и без храма. Также равнодушна к храму была еще четвертая партия, *ессеи*, большинство которых жило не в городах, а в особых поселениях, иные — на границе пустыни. Ессеи составляли братские общины, держались в стороне от остального народа, выделялись своим белым платьем и частыми омовениями: многие из них вели строгий монашеский образ жизни: исполняли посты: не вступали в брак. Обряды ессеев отличались простотой: у них совсем не было синагог: они собирались на молитву ранним утром и встречали восход солнца псалмопением.

Великое иудейское восстание. В 66 году при Нероне зелоты вступили во множестве в Иерусалим и потребовали отмены ежедневной жертвы, заказанной Августом для императорского дома. Это означало полный разрыв с Римом.

Богатые священнические семьи, управлявшие храмом, желая спасти сокровища Иерусалима, должны были поневоле примкнуть к народному движению; они поставили во главе войска, отправленного навстречу римлянам, молодого ученого книжника Иосифа, сына Матфия, родственника бывшей царской династии Маккавеев. Между тем, надвигался с севера испытанный римский командир Веспасиан. У иудеев не было регулярного войска, а отряды добровольцев не могли выдержать битвы в открытом поле с римскими легионами. Вся борьба обратилась в защиту крепостей Палестины. Иосиф заперся в Иотопате, построенной на крутых скалах Галилеи, и ожесточенно сопротивлялся Веспасиану. Штурм

римляне заставил сдать крепость, но самые отчаянные борцы увлекли насильно Иосифа и спрятались в пещере, где решили перерезать друг друга. Иосиф сумел устроить так, чтобы остаться последним с одним товарищем, и сдался римлянам. Веспасиан принял его в среду своих клиентов и дал ему фамилию Флавия. Впоследствии Иосиф Флавий, в качестве придворного историка, пытался объяснить римлянам, что большая часть еврейского народа не хотела войны; из его рассказа, напротив, видно, что очень многие его соотечественники были увлечены верой в великое торжество Иудеи над остальным миром.

Веспасиан уже готов был двинуться к Иерусалиму, как начались смуты в империи, и легионы выбрали его императором. Почти на два года остановилась война в Палестине, но иудеи, разпаленные жестокостью взаимной вражды, ничего не успели сделать. Когда к Иерусалиму подступил сын Веспасиана, Тит, зело́ты, оттеснивши саддукеев и фарисеев, выбрали первосвященника по жребию, захватили храмовое золото и разнесли великолепный мрамор и порфир храмового здания на крепостные валы. В их собственной среде кипела борьба: когда Манаим, сын Иуды галилейского, пришедший в Иерусалим со своей дружиной, обнаружил царские повадки, республиканцы убили его. Зело́ты оборонялись с храбростью отчаянной, но еще больше, чем против римлян, свирепствовали они против тех единоверцев, которые предлагали сдачу города и примирение. После того, как римляне штурмом взяли одну за другой две стены, окружавшие Иерусалим, еще продолжал держаться храм в виде неприступной крепости: к ужасу верующих, святилище обогрилось человеческой кровью. Наконец, когда осажденные были доведены до истощения голодом, все дворы и залы храма завалены трупами, римляне подожгли громадное здание; они нашли в крайнем углу храма толпу в 6.000 человек, среди них женщин и детей, собранных пророком, который воспламенил их обещанием, что в последнюю самую страшную минуту совершится чудо избавления, и придет Мессия. В Риме стоят до сих

Триумфальная арка в Риме (императора Тита, разрушившего Иерусалим).

пор два памятника кровавой победы над иудеями: триумфальная арка Тита, на которой изображено, как римские солдаты несут семирукий светильник, захваченный в Святом Святых иерусалимского храма, и величайший в мире амфитеатр Флавия (Колосей или Колизей), выстроенный Веспасианом, где пленные иудейские повстанцы отдавались на растерзание диким зверям под гул и рев римской толпы.

Падение Иерусалима было великим разгромом иудейского народа. Римляне обложили иудеев, в качестве рабов, подушной податью и запретили восстанавлювать великий храм, чтобы отнять у них всякое средоточие. Синедрион и господство священнической аристократии кончилось; в разрозненных иудейских общинах остались лишь раввины, т.-е. книжники и учителя. Иудей распался на две части: одни продолжали держаться Моисеева закона, лелеять надежды на помощь Божию при восстановлении храма в награду за верность народа старине (потомки этой части народа составляют современное еврейство). Другие отказались от веры в земного царя Мессию и от соблюдения старинного закона; их ожидания обратились на пришествие духовного, небесного Мессии, или Христа; в числе их были ессены, а также *иудейско-христианские* общины, близкие к ессеям. В Палестине до 70-го года было немного христиан; после падения Иерусалима христианство стало распространяться среди иудеев-колонистов, которые вообще чувствовали мало привязанности к древним обрядам.

Борьба Рима с варварами. В то время, как разыгрывались кровавые события на востоке, римляне продолжали почти непрерывную борьбу с миром варваров, окаймлявшим империю с севера.

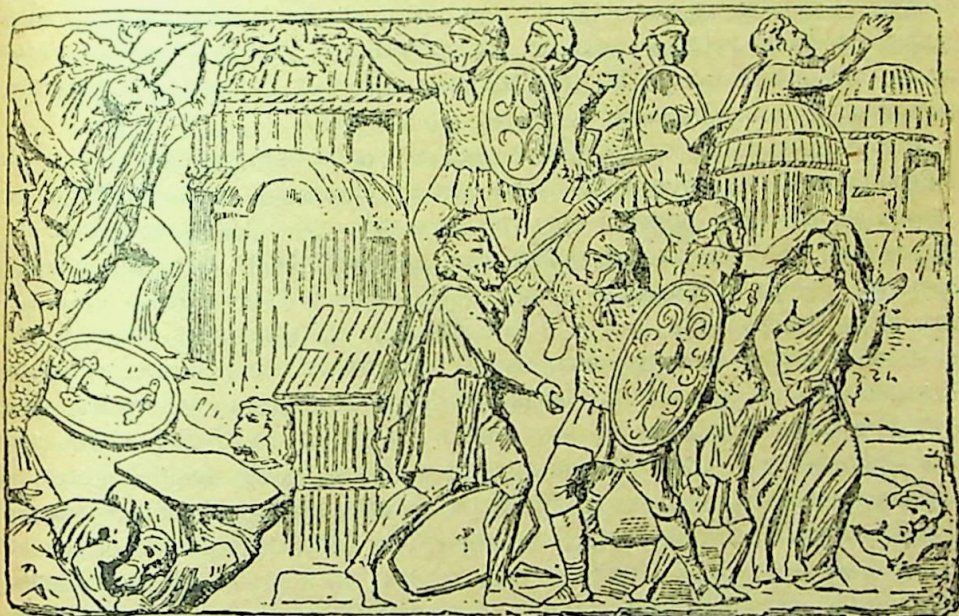
В настоящее время дикие и отстающие в развитии племена живут далеко от европейцев и составляют незначительную и раздробленную массу сравнительно с *культурными* (образованными) народами. Две тысячи лет тому назад отношение между культурными народами и варварами было почти обратное. Дикие занимали середину, север и восток Европы, около 4/5 материка. Они стояли у самого порога образованного мира; время от времени какая-нибудь орда вторгалась в обработанные страны юга и страшно опустошала их. Так обрушились на Италию и на берега Средиземного моря кимвры и тевтоны.

В самих пограничных горах гнездились разбойничьи народцы; римляне долго не могли пользоваться альпийскими проходами для сообщения между Италией и Галлией. Альпийские горцы бросались на проезжавших, скатывали с высот громадные обломки на проходившие римские войска; однажды ограбили обоз с серебром, предназначенный для императора. Римляне принялись беспощадно истреблять горцев; одно из альпийских племен в 45.000 человек было продано в рабство с условием,

чтобы покупатели увели их в далекие места и не освобождали ранее, чем через 20 лет.

Когда Цезарь завладел Галлией заальпийской, ему пришлось встретиться с очень воинственными и беспокойными *германцами*, приходившими из-за Рейна. Преемники Цезаря также не считали свои владения в Галлии прочными до тех пор, пока не загорожена дорога германским дружинам с востока. Сама страна дикарей мало привлекала римлян; область, занятая германцами (нынешняя Германия, Богемия, Польша, Голландия, Дания и юг Швеции), была покрыта лесом и болотами. Огромные густые боры тянулись на сотни верст. Герцинский лес начинался у среднего Рейна и расстилался на восток, имея 6 дней пути в ширину (150 верст) и 2 месяца в длину (1500 верст).

Как только предпринимался поход в глубину Германии, римляне терпели неудачи. В конце правления Августа три легиона попали в *Тев-*

Римляне-солдаты разоряют варварскую деревню (выпуклая картина на колонне Траяна).

тобургском лесу в засаду, устроенную Арминием из племени херусков, и были изрублены. При Тиберии его пасынок Германик старался овладеть северной частью страны, водил войска сухим путем через Рейн и Везер до Эльбы, а также посылал флот со стороны Северного моря; но все успехи большой экспедиции были потеряны, как только завоеватель ушел назад. Римские легионы с их великолепным оружием и артилле-

рейей имели в правильных боях полный перевес над германцами. У ди-карей, рослых и сильных, было плохое каменное, костяное, роговое оружие; часто только в переднем ряду стояли воины, вооруженные длинными копьями с бронзовым или железным наконечником; у остальных были стрелы да короткие деревянные дротики с обожженными на огне острьями. Но так как в стране не было дорог и нельзя было достать припасов, ее покорение оказалось делом безнадежным.

Поэтому римляне перешли к другому способу действий. Они решили устроить военную границу, чтобы обереечь от вторжений пути, которые вели в Галлию и к альпийским проходам. Сюда перевели на постоянное жительство более половины всех военных сил империи. На узлах дорог у больших переправ выстроили крепости; затем загородили угол юго-западной Германии рвом и валом; по валу поднимались сторожевые посты и редуты; позади в виде второй линии на известном расстоянии друг от друга располагались большие лагерные стоянки. Солдатские поселки скоро обросли торговыми слободами; германцы стали привозить туда свои товары, особенно кожи и меха, и обменивать на римскую монету, которая им очень нравилась. Из пограничных римских городов образовались нынешние: *Кельн, Страсбург, Вена, Будапешт*.

Также продвинулись римляне вперед и также загородились валом на о. Британии. И эта страна была населена племенами, очень отставшими в своем развитии: у бриттов еще не вывелись военные колесницы, подобные тем, на которых сражались гомеровские герои; под священными деревьями друиды закалывали в жертву пленников. Когда одного из бритских вождей привели в Рим и показали ему великолепные дворцы столицы, он с удивлением спросил, зачем обладателям этих богатств понадобились жалкие хижины его родины. Первоначальная цель покорения Британии была у римлян та же, что в походах за Рейн: обеспечить свои владения в Галлии. Но потом они оценили минеральные богатства острова, особенно же стали разрабатывать свинцовые рудники. Главным местом вывоза сделался город *Лондоний* (Лондон) при устье Темзы. Римляне не имели сил покорить весь остров; но для покояного обладания югом и серединой надо было загородиться от самых диких племен севера, живших в нынешней Шотландии. Вал, который возвели римляне на широком перешейке между Ирландским морем и Северным, составлял настоящую стену, высокую и недоступную: торговли, подобно тому, как было на границе южной Германии, здесь не производили.

Покорение Британии произошло при императоре Домициане, втором сыне Веспасиана. Трусливый и завистливый Домициан посмелся отозвать с поля действий Агриколу, покорителя острова, опасаясь его военной славы. В то же время Домициан потерпел крупную неудачу на дру-

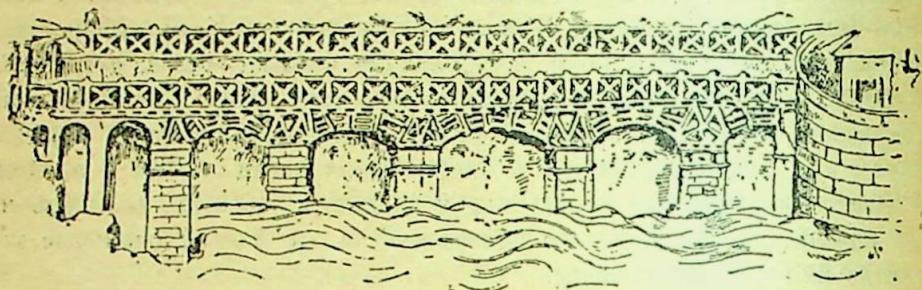
гом, северо-восточном краю империи. Здесь между Карпатами, Дунаем и Черным морем, в нынешней Румынии и Трансильвании, образовалось государство *дакийцев*, которые стали угрожать римским провинциям *Иллирии* (нынешняя Далмация, Босния и Сербия) и *Мезии* (нынешняя Болгария). Дакийские всадники, в шапках из волчьих голов, с грубыми голосами и свирепым взглядом, казались римскому поэту „истинным образом дикого Марса“. Сначала Домициан с большим шумом и парадом двинулся сам против дакийцев, но скоро бежал назад в Рим и предвсая главнокомандующему купить мир у дакийцев, обещая посылать их царю инженеров, художников и ремесленников, а также обильные подарки из императорской казны.

Домициан был убит собственными слугами; с ним кончилась *династия Флавиев* (70—96). Провозглашенный императором старый сенатор Нерва поспешил усыновить и объявить своим наследником наместника верхней (т.е. южной) Германии, Ульпия Траяна.

В лице Траяна (98—117 после Р. Х.) римская империя опять получила завоевателя, в роде Помпея или Цезаря, занятого широкими планами походов и крупных военных сооружений, неутомимого и беспощадного, какими были старые римские консулы. Собираясь возобновить войну с дакийцами, Траян построил каменный мост через Дунай у Железных ворот, где река пробивается между скалистых высот. Затем началась истребительная борьба, при чем римляне переселяли варваров, оставшихся в живых, во внутренние области государства; на место выселяемых двинули колонистов из различных мест империи; много было поселено римских солдат с семьями. От этих римских колонистов, смешавшихся с туземцами, ведет свое происхождение нынешний народ *румын* (румыны—римляне). Против нападения кочевых племен, которые легко могли проникать по открытым степям нижнедунайской равнины, римляне загородились рядом укрепленных валов, которые идут от Прута к Черному морю; один из них до сих пор зовется Траяновым валом. Памятником походов за Дунай осталась воздвигнутая в Риме высокая в 100 фут. Траянова колонна из белого мрамора; на ней выпуклыми картинами представлены битвы, переходы римских легионов через мосты, обращение императора к войску, нападение римлян на деревни варваров и так далее.

Варварский мир очень интересовал римлян. Один из приближенных Траяна, историк Тацит, составил в 98 году к его вступлению во власть описание быта германцев. Недовольный своим временем, считая римлян покорно терпевших капризы Нерона и Домициана, народом испорченным и измелъчавшим, Тацит старался противопоставить им варваров германцев и бриттов, как образец силы, свежести чувств, прямоты характера и любви к свободе.

Второе восстание в Иудее. Одолевши дакийцев, Траян задумал обширный поход на восток в виде повторения предприятия Александра

Траянов мост через Дунай (изображение с колонны Траяна).

Македонского. Ему удалось завоевать Армению и отнять у парфян Месопотамию; далее он взял Вавилон и парфянскую столицу *Ктезифон* на р. Тигре; наконец, направился в глубину Персии. Все его успехи были уничтожены страшным восстанием евреев, которое вспыхнуло в тылу завоевателя: одновременно возмутились и те евреи, которые жили в империи, в Египте, Кирене, на о. Кипре, и те, которые жили в парфянском государстве на р. Евфрате. Среди этих грозных событий Траян умер, а его приемник, усыновленный им Элий Гадриан (117—138 по Р. Х.) поспешил отдать парфянам все сделанные Траяном завоевания.

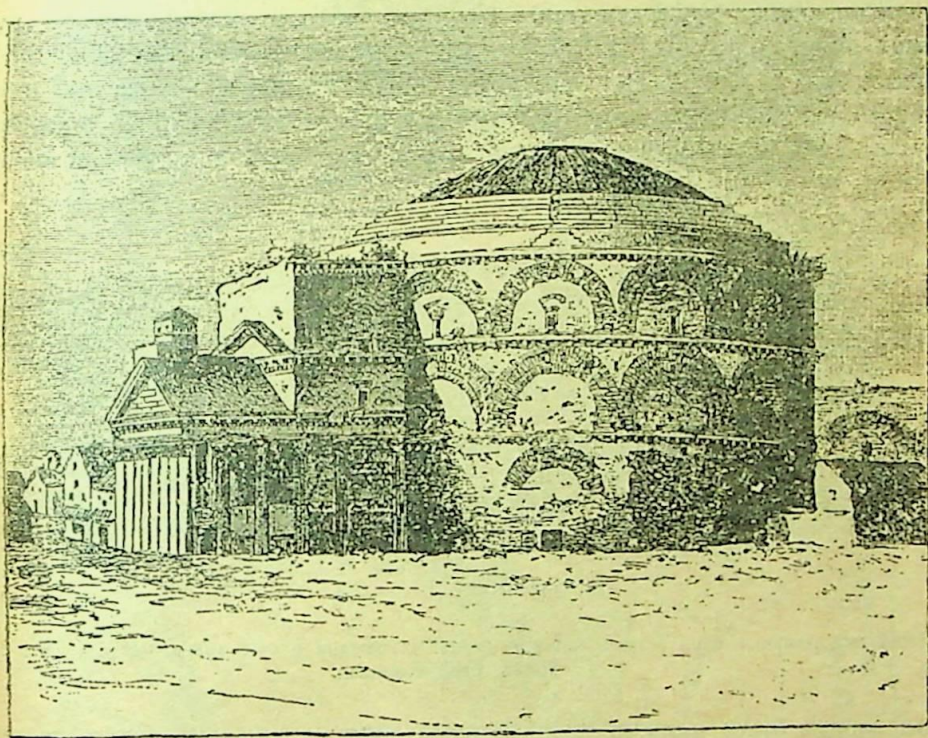

Колонна Траяна. Фигура императора наверху заменена, 300 лет назад, статуей апостола Петра.

Затруднения римлян на этом не окончились. В Палестине также собрались мятежники; во главе их стал Симон, прозванный Баркохеба („сын звезды“), в котором ученый раввин фарисей Акиба признал истинного Мессию. Симон изгнал римский гарнизон из лагеря, стоявшего на месте разрушенного Иерусалима; на монетах, которые он чеканил, блесла надпись: „за свободу“. Гадриану пришлось стянуть в Палестину войска со всей империи, и только по прошествии трех лет одолели римляне мятеж (в 135 г.). Победитель поступил еще суровее, чем Тит. Решено было искоренить в Палестине все, что напоминало старину. Сожгли до 1000 иудейских селений; на месте Иерусалима выстроили город на совершенно новый лад, населили его чужестранцами и назвали Элией Капитолиной, по имени императора и во славу римского верховного бога Юпитера Капитолийского. Евреям под страхом смерти воспрещалось вступать на почву Палестины. С этой поры у них не было более родины.

Империя в эпоху Антонинов. Ни у Траяна, ни у Гадриана не было прямых потомков. Для того, чтобы власть не прерывалась, они сами назначали себе наследников. Гадриан усыновил Антонина Пия (138—161); Антонин—Марка Аврелия (161—180). Все эти императоры, начиная с Нервы, зовутся *Антонинами* по имени четвертого из них.

При Антонинах (96—192 по Р. Х.) римская империя достигла наибольших размеров. В ее состав входили, кроме Италии, нынешние: Испания с Португалией, Франция с Бельгией, Англия, юго-западная Германия, Швейцария, большая часть Австро-Венгрии, все страны Балкан-

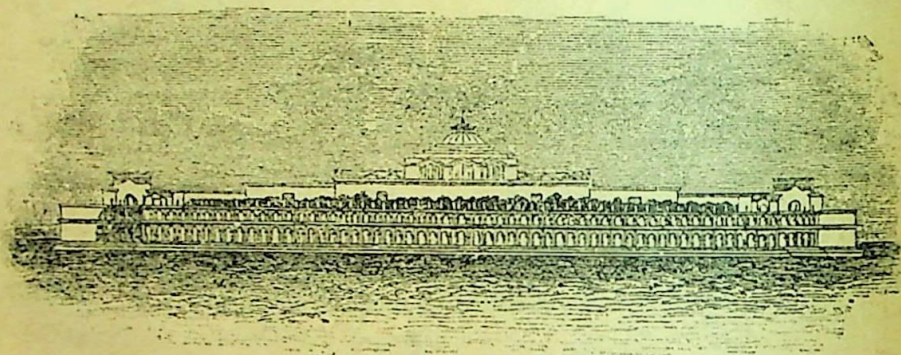

Пантеон в том виде, как он сохранился до его перестройки в новое время.

ского полуострова, Малая Азия и Сирия, Египет и вся береговая полоса северной Африки, включая Марокко (у римлян—*Мавритания*). Под управлением римлян было не менее 20 народностей; самыми важными из них были греки, иллирийцы между Адриатическим морем и Дунаем, сирийцы, евреи, египтяне, африканцы (потомки финикийских поселенцев и нумидийцы), галлы, испанцы. Римская империя заключала в себе большую часть известных в то время стран: на севере от нее были глухие

леса варваров; на западе—океан, за которым дальше ничего не знали; на юге бесконечные пески Сахары. Римское оружие,—как говорил Гораций,—„дошло до последних пределов мира, где на одном конце вырывается полуденный огонь из жерла, а на другом—стоит вечный туман и дождь“.

Римляне были уверены, что их призвание—покорить весь свет и всем определить порядки и законы; на монетах римских ставилась надпись: „вечный Рим“. Римляне еще гордились тем, что, победив всех, они истребили войну, дали всем прочный мир, или „римский мир“. И, действительно, по Средиземному морю во всех направлениях спокойно проезжало множество купеческих кораблей; все провинции империи обменивались своими произведениями: Испания давала металлическую руду, Азия—шерсть, Африка и Египет—хлеб, греческие промышленные города поставляли в Рим посуду, ювелирные вещи, предметы искусства и роскоши. Римляне могли сослаться еще на другую заслугу свою: в странах варварских, завоеванных ими, они выровняли дороги и выстроили города.

Общий вид римских терм (самые большие термы заключали в себе театр, библиотеку и бассейн на 3000 человек.

Эти города были малыми повторениями Рима: в каждом—сенат из известных людей, похожих на нобилей, и два ежегодно избираемые эдила (городские головы), подобные римским консулам; в более крупных городах возводились: цирк, амфитеатр, портки вокруг форума, *термы* (бани с бассейнами и гимнастическими залами), *базилики* (здания для суда, биржи и торговли), устраивался водопровод с обычным для римлян искусством в таких сооружениях. На постройки и на игры тратились из своих средств богатые люди, которые хотели быть выбранными в городские головы и другие должности по управлению; они повторяли то, что в Риме делал для столичной толпы принцепс.

Римские правители дома Антонинов по большей части были людьми очень хорошими. Не даром впоследствии народ приветствовал вновь избранного цезаря пожеланием: „будь счастливее Августа, лучше Траяна“. Император Марк Аврелий отличался редкой мягкостью характера и удивительной добросовестностью; проникнутый взглядами стоиков, он изложил в книге: „О проверке самого себя“ правила, как надо непрерывно разбирать малейшие поступки и влечение своей жизни. Эти личные достоинства императоров имели, однако, значение только для непосредственно близких к ним людей; порядки обширной империи, быт и чувства массы народа несколько не затрагивались качествами правителей.

Само господство римлян оставалось тяжелым бременем; налоги и повинности были непомерно велики; население провинций не имело никакого голоса в делах управления, не могло пожаловаться на чиновников, присылаемых из Рима. Не только не позволяли подданным сходиться для обсуждения общих дел, но запрещали даже всякого рода союзы и товарищества, опасаясь, что они начнут составлять заговоры и пытаться свергнуть власть Рима. Во все мелочи жизни должен был зорко всматриваться римский наместник и обо всем подозрительном или неясном отписывать в императорскую канцелярию. При Траяне наместником Вифании в Малой Азии был назначен ученый писатель Плиний. По своей обязанности он спрашивал императора, между прочим, можно ли разрешить в главном городе провинции, Никомедии, устройство вольной пожарной команды из 150 плотников? Из римской канцелярии пришел ответ: „не разрешать“. Тот же Плиний спрашивал Траяна, как ему поступать с многочисленными в Вифании христианами, которые обвинялись доносчиками в том, что отказываются поклоняться статуе императора, признавая своим господином только Христа; наместник подробно описал все, что ему было известно о христианах: их обряды и быт, похожие на ессеев, их упорство в верованиях и обычаях. Траян, гордый тем, что высылал из столицы доносчиков, служивших Домициану, ответил, что принимать доносы недостойно римского управления; в остальном подтвердил распоряжения Плиния, который подверг казни тех, кто не хотел поклониться алтарю и изображению императора.

В такие времена, когда подданным запрещалась политика, т. е. все должны были покорно предоставить свою участь властям, многие замыкались в душевном одиночестве, впадали в тоску и уныние или обращались к новым, неизведанным религиозным обрядам.

Религиозные верования в эпоху Антонинов. Хотя победы римского оружия расширили внешнее господство римских богов, однако, верования римлян ко времени империи очень изменились. Народ-завоеватель стал чтить божества подвластных племен и наций. Для соединения всех по-

вых богов, переселившихся в Рим, при Августе был выстроен обширный *Пантеон* (храм всех богов). Со своим громадным полушаровидным сводом (20 сажен в поперечнике) он составляет чудо римской архитектуры.

Не только римская, но и греческая религия пришла в упадок. Старые мифы о богах, похожих на людей, воинственных, увлекающихся страстями, стали казаться образованным людям, учившимся у философов, детскими сказками. Простой народ, хотя и более доверчивый и суеверный, все же не находил душевной поддержки в почитании Аполлона, Диониса и других богов, отвечавших старинному, привольному и свободному быту; прежние богатые и народные праздники, в роде афинских Дионисий и Ленай, прекратились.

Люди всех званий искали Бога, который бы дал утешение в тяжких испытаниях, исцеление в болезнях, открыл бы свет новой лучшей жизни. Жажда найти спасителя была так велика, что императоры, считавшие себя земными богами, присвоили себе и это имя, в качестве титула. Поэты, по их внушению, вставляли великое слово „Спаситель мира“ в стихи, прославлявшие государя; всюду, где только можно было, гравировали его на камне или на меди, рядом с другими божественными прозваниями. Все понимали, что это только вынужденная лесть перед всемогущими властителями; да и сами они, одинаково с подданными, искали покровительства высших сил, обращаясь также к божествам новым, неизвестным, пришедшим издалека.

Ранее всего римляне признали богов, которых чтла Малая Азия. Еще во времена республики прибыла в Рим малоазийская Великая мать богов. Император Клавдий, предшественник Нерона, присоединил к ее почитанию праздник в честь другого бога той же страны, Аттиса, и велел верховным жрецам, понтификам, занести его в римский календарь. Празднество приходилось на две недели между 15 и 27 марта и состояло из двух частей; сначала оплакивали умершего бога, хоронили его под видом сосны, обвитой лентами и повязками, потом справляли, шумно и весело, воскресение бога к новой жизни, стараясь привести всех участников в восторженное состояние. С образом Аттиса связывали горячие надежды на будущее: верили, что так же, как бог, погибший в борьбе с темными силами, преодолел смерть и возродился, и почитатели его увидят, после кончины своей, светлый загробный мир.

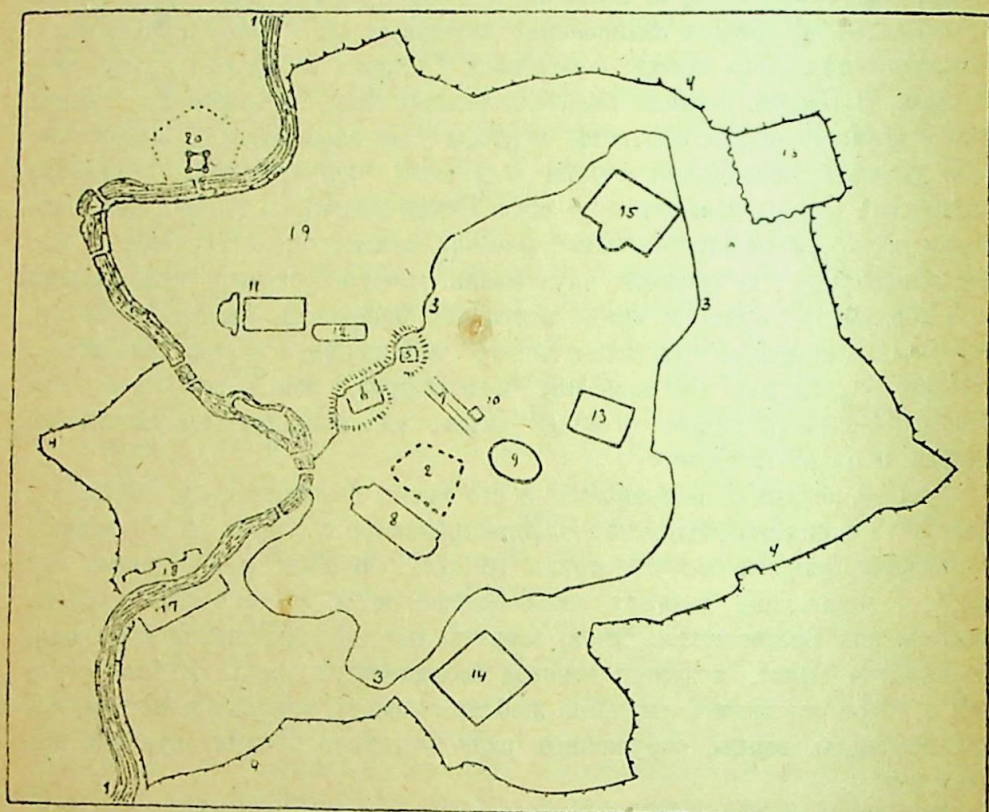
Другой религией, также пришедшей с востока на запад, был культ египетских богов, Изиды и Озириса. Греческие властители Египта, Птолемеи (их время 323—30 гг. до Р. Х.), стараясь приобрести расположение местного населения, приладили к туземной вере и придали ее обрядам и праздникам особенный блеск. Птолемей I выстроил в Але-

ксандрии громадный Серапей для почитания Озириса, которого звали теперь Сераписом. Египетские моряки еще во времена римской республики передали эту веру в Италию; в большом приморском городе Путеоли, близ Капуи, воздвигли тоже Серапей. Когда Август присоединил Египет к империи, число почитателей египетских богов увеличилось еще более. Тиберий построил в Риме на Марсовом поле большой храм Изиды; Домициан великолепно изукрасил его. Святилища египетских богов появились всюду: в Испании, Галлии, на Дунае, на окраине Сахары. В Сераписе чтили подателя земных благ, а также проводника душ и великого судью в царстве мертвых. Подобно Аттису, его чествовали двойным праздником печали и радости, приходившимся в поябре (египетский поябрь соответствует европейской весне), в память того, что Изиды после долгих мучительных поисков находит тело Озириса и, путем волшебства, возвращает ему жизнь. Добросовестным исполнением всех обрядов и служб в храме верующие надеялись заслужить жизнь вечную. В старинном египетском тексте, влагавшемся в руки умершему, говорится: „так же, как воистину жив Озирис, жив и покойный; как воистину не умер Озирис, и он не умрет; как воистину не уничтожен Озирис, и он не исчезнет“.

Третьей религией, получившей в это время большую силу, было почитание Солнца-непобедимого, распространенное в Сирии и занесенное сирийскими купцами во все страны запада. Сирийцы унаследовали эту веру от вавилонян, великих наблюдателей неба и его светил: солнце считалось, как Вседержитель мира, великий государь (по вавилонски Бел, по-сирийски Баал), ведущий хоровод бесчисленных звезд. В богослужении и убранстве храмов сирийцы любили позолоту, цветные камни, яркие круглые щиты, венцы, окруженные расходящимися лучами, курение ладана и т. д.

Наконец, четвертая религия, пришедшая так же, как остальные три, с востока, исходила от народности персов, живших за пределами империи, в государстве парфянском. Персидской вере свойственны яркие представления о загробном мире, а также о последнем Страшном суде, когда трубный глас поднимет необозримые ряды умерших, и они увидят светлый престол Всевышнего, окруженный воинством ангелов. У персов богом-спасителем считался Митра, одолевающий дьявольские силы мрака и смерти. Римляне узнали впервые Митру во время войн с Митридатом понтийским, в государстве которого он ревностно почитался. Образ Митры, неустрашимого бойца, дающего победу сильному духом, закаленному телом, был особенно привлекателен солдатам. Для того, чтобы стать под покровительство Митры, надо было пройти через тяжелые „казни“, или испытания: выдержать долгий пост, биче-

ванпе, пролежать несколько дней на снегу, потом на гвоздях, пройти разные ужасы, бег среди обнаженных мечей, сидение в темном затворе и т. д.; если посвящаемый выказывал твердость, его принимали в общину, объявляли воином Митры и награждали мечом и венцом. Римские легионы занесли далеко на север культ восточного бога, к берегам Дуная и

План древнего Рима. 1—река Тибр, 2—первоначальный Рим на холме Палатинском, 3—стена, замыкавшая Рим времен республики, 4—стена императорского Рима, 5 и 6—замок и храм Юпитера на Капитолии; 7—форум, 8—большой цирк, 9—колизей, 10—базилика Константина, 11—театр и портик Помпея, 12—цирк Фламиния, 13, 14 и 15—самые большие термы, 16—лагерь или раторской гвардии (преторианцев), 17—гавань, 18—хлебные магазины, 19—Марсово поле, 20—гробница императора Гадриана (впоследствии замок св. Ангела).

Рейна, за море в Британию: всюду, близ лагерных стоянок, находились алтари Митры и небольшие храмы, представлявшие подобие пещеры, где изображен был бог в малоазиатском costume вонзающим меч в тельца.

Всею четырем религиям, как ни различны были их обряды, свойственны некоторые общие черты. Они все ставят почитаемое ими божество в середину мира или даже признают в нем Единого истинного

создателя и охранителя человечества. Ни одна из них не мирится со старинным многобожием (по-гречески, *политеизмом*); все они приходят к единобожию (*монотеизму*). Все они имеют возвышенное понятие о божестве: Высший или Единый Бог далек от человеческих слабостей и недостатков; Он—существо бесплотное, Дух, пребывающий на небесах или невидимо присутствующий в стихиях и явлениях природы. Его воля неизвестна людям; учение об Его спасающей силе составляет великую тайну, которая открывается лишь тем, кто прошел испытания или посвящения. Спасение души для вечной жизни—такова великая, благая помощь Божества, приносимая страждущему человечеству.

Эти понятия восточных религий сближали их с верой израильского народа, особенно с учением иудейских пророков. Таким образом почитание Аттиса, Озириса, Солица и Митры послужило подготовкой для распространения христианского учения о Спасителе мира, возведенного пророками иудейскому народу. Христианская проповедь нашла в умах и чувствах множества людей вопросы и ожидания, на которые она принесла ответ и утешение.

Защита и распространение христианства. До падения Иерусалима главными *миссионерами*, т. е. распространителями чистой возвышенной веры в Единого Бога, были иудеи. После иудейского восстания всемирными проповедниками сделались христиане. Большая часть иудеев рассеяния обратилась в христианство. В то же время учение о Христе стало распространяться среди язычников. Христианские писатели обращаются к образованному обществу и правителям империи с воззваниями и *апологиями*—(защитительными речами), которые пишутся на двух языках, наиболее распространенных в римской державе, греческом и латинском.

Первая христианская апология составлена св. Юстином мучеником около 150 г., при императоре Антонине Пии. Юстин был по происхождению греком и родился в городе Флавии Неаполе, построенном в Палестине Веспасианом после разрушения Иерусалима. Воспитанный в язычестве, он взрослым принял христианство в Малой Азии, вел жизнь странствующего философа, затем поселился в Риме, окружил себя учениками и вел споры с книжниками.

Юстин думает, что и греки узнали откровенную истину, данную Богом израильскому народу, но лишь урывками; многое они неверно поняли, как видно по их мифам; несмотря на все искажения, язычники подготовлены своими сказаниями и учениями и учением философов (особенно Платона) к принятию истинной веры. Юстин приглашает правителей и сильных мира прозреть и приступить к просвещению народа: пусть они уничтожат грубые обряды, служение статуям, пусть дадут

свободу и простор проповеди христианской. Христианское учение приносит весть мира человечеству. „Изойдет от Сиона закон, от Иерусалима Слово Божие, рассудит все языки и обвинит много людей; и все племена превратят свои мечи в плуги, а копыя в серпы, народы не будут более поднимать оружие друг против друга и разучатся воевать“. Приведя эти слова пророка Исая, Юстин продолжает: „Сказанное исполнилось... Двенадцать мужей вышли из Иерусалима, люди простые, не красноречивые. Но во имя Божие они возвестили людям, что посланы Христом обучать всех Слово Божие. И вот мы, умевшие прежде только взаимно убивать друг друга, не только не воюем более с нашими врагами, но для того, чтобы не лгать и не обманывать наших судей, мы с радостью свидетельствуем о Христе и умираем“.

Распространяя христианство, защитники его часто приводили наглядные свидетельства в его пользу. По всему свету, говорили они, рассеян символ креста: он виден в расположении дома и лагеря, в остовах корабля, в форме знамени и меча, в фигуре человека, простершего руки на молитве. Христианский писатель Тертуллиан, родом африканец, живший между 160 и 220 гг., говорит, что душа каждого человека, как бы ни была она обманута ложным учением, жаждет Бога. „Душа наша от природы—христианка. Когда душе тяжело, она зовет не богов, а Бога и выговаривает только это великое имя; она обращается тогда не к Капитолию, а к небу; она знает, где престол живого Бога; от него и оттуда она пришла“.

Образованных людей приготовила к принятию христианства греческая философия, учение киников о простой, самоотреченной жизни и учение стоиков о братстве всех представителей рода человеческого. Они стали способны понять великое слово апостола Павла: „все мы, иудеи и эллины, рабы и свободные, напоены единым духом“. Навстречу христианству шли также народные массы, пробужденные жаждой найти Спасителя. В городах, где сталкивалось больше людей, где были школы, синагоги, собрания кружков и товариществ, христианское учение распространялось скорее, чем в деревнях. Так как главными средствами сообщения были морские поездки, христианство принимали раньше всего в приморских городах. Из Финикии оно пошло к берегам Малой Азии, оттуда через Эгейское море к берегам Греции. На западе прежде, чем захватить Италию и Рим, христианство приобрело большую силу в городах Африки, т.-е. в области бывшего финикийского Карфагена.

Ереси и образование вселенской церкви. Пока христианство распространялось только в среде иудеев, между членами общины не возникало разногласий в учении, все признавали себя равными последователями Христа. Иначе стало, когда в христианство начали переходить

язычники, державшиеся разнообразных верований и обрядов: они при-
несли с собой понятия, чуждые новой вере. Многие греческие философы
сохранили свои прежние убеждения и сообразно им толковали христиан-
ское учение. Они считали себя в обладании истины, скрытой от непо-
священных, и называли ее *гносисом* (научным познанием). Самыми вы-
дающимися *гностиками* были Валентин и Маркион, учившие в Але-
ксандрии и в Риме. Маркион был горячим последователем апостола
Павла, но признавал в новом завете только Послания этого апостола и
Евангелие от Луки, так как оно написано учеником ап. Павла.

Гностики относились враждебно к иудейству и к ветхому завету. По
их взгляду, Бог-творец земного мира—не Единый Высший Бог, а лишь
последний и самый слабый из мировых духов (*зонов*). Выше него—Бог
нового мира, благий и справедливый, пославший на землю Иисуса
Христа. Многие гностики отрицали земную жизнь и страдания Христа,
считая рассказ Евангелий нравоучительной повестью.

В начале у христиан, державшихся апостольских преданий, было
мало ученых, и они с трудом боролись против красноречивых гностиков,
но самый спор с философами принес христианской церкви великую
пользу. Учителя христианства также вооружились наукой; между этими
учеными *отцами церкви* выдается александриец Ориген (род. 202, ум.
254), с успехом возражавший языческому философу Цельзу, который
нападал на христианское откровение и старался показать, что в хри-
стианстве нет ничего нового. Отцы церкви отделили *канон*, т.е. те
книги, в которых изложено истинное учение, от *ересей*, или взглядов не-
правильных, несогласных с апостольской верой и преданиями. Они уста-
новили, в противоположность разногласию ересей, понятие церкви еди-
ной, православной, или *кафолической* (по-латинскому произношению—
католической).

Заботы отцов церкви об укреплении единства вероучения помогли
сплотить верующих и установить внутреннее устройство каждой общины
в отдельности и прочную связь между ними. В общинах от массы на-
рода отделяется *клир* (избранные), состоящий из учителей, проповедни-
ков, апостольских преемников, совершающих таинства и управляющих
общим имуществом церковной общины. Во главе клира стоит *епископ*,
окруженный советом *пресвитеров*; для исполнения обрядов, раздачи по-
мощи бедным, для поездок и других поручений имеются *диаконы* и
диакониссы.

Епископы скоро сделались самыми уважаемыми и могущественными
людьми в общинах. Они распоряжались большими богатствами, которые
составлялись из дарений и взносов. Члены общины искали у своего епи-
скопа правосудия, обращались к нему для разрешения тяжб и споров

вместо того, чтобы идти к языческому судье. В сношениях общины друг с другом епископы выступают главными посредниками. Христианин, отправляясь в чужую страну со свидетельствами от епископа, встречал у собратьев по вере горячий прием: ему давали приют, омывали ноги, сажали на первое место за столом. Для того, чтобы всем общинам держаться согласно одного учения и обрядов, епископы и пресвитеры каждой провинции собирались на *синоды*, где обсуждали спорные вопросы. Стоявшие во главе синодов *митрополиты*, т.е. епископы метрополии, или главного города провинции, сообщали друг другу постановления синодов. Наибольшим почетом пользовались епископы крупнейших городов: Антиохия, Александрия, Рима; к мнению этих *патриархов*, или *пап*, особенно прислушивались.

Около 200 года христианские общины распространились по всем провинциям империи: единая церковь могла называться также и *вселенской*, потому что она совпадала с государством римлян, в котором был заключен весь культурный мир того времени, или, как греки говорили, *вселенная*.

Быт ранних христиан известен нам более всего по могилам того времени.

Молящийся христианин по изображению в катакомбах.

У римлян богатые люди выстраивали себе большие склепы, оставляли по завещанию крупные суммы на украшение гробницы и на поминание. Менее зажиточные старались устроить помин души из общих товарищеских взносов. Несколько человек, напр., люди одного ремесла, рабы одного господина складывались как бы в общую семью: товарищи называли себя братьями и сестрами, обязывались приходить все на погребение умершего сочлена и выстраивали большую общую могилу, *схолу*. Это было круглое двухэтажное здание: нижний этаж, где хоронили умерших, находился в земле; верхний — представлял зал, где собирались для трапезы и для молитвы в поминальные дни. Многие из братских союзов отыскивали подземелья

вне города: иногда углубляли для кладбища те ямы и ходы, которые были прорыты для добывания глины.

Умерших клали в углубления, пробитые в стенах вдоль проходов. Так получились длинные, узкие, извилистые улицы и переулки под землей, *катакомбы*. Если растянуть могильные галереи Рима в одну линию, то они составят более 1000 верст в длину.

Христиане пользовались катакомбами по образцу старинных языческих союзов. У особенно дорогих могил, где были погребены лучшие люди, замечательные своей жизнью, подвигом мученичества, христиане собирались на молитву. Нередко над знаменитой могилой—небольшая комната с выходом в галерею; в ней ставился стол для Евхаристии, и она обращалась в часовню для богослужения, становясь похожей на схолу. Стены и своды христианских катакомб украшались живописью: особенно часто изображался Христос в виде доброго пастыря, несущего заблудшую овцу, или божественного певца, играющего на лире. Эти образы Христа очень похожи на старинные картины и статуи, рисующие Гермеса, пастушеского бога, или мифического певца Орфея: видно, что мастера и заказчики были еще полны языческих понятий и привычек.

Среди христиан, однако, имелись также люди строгого обычая, которые стремились порвать всякую связь с языческим бытом, так как он заключает в себе соблазны дьявола. Такие ревнители считали, что христианину нельзя посещать театр или игры;

христианин не должен быть художником, именно потому, что ему придется делать фигуры по образцу языческих идолов; он не должен держать школы, потому что ему придется, рассказывать об языческих героях и объяснять мифы; нельзя ему занимать должность потому что иначе пришлось бы совершать перед народом жер-

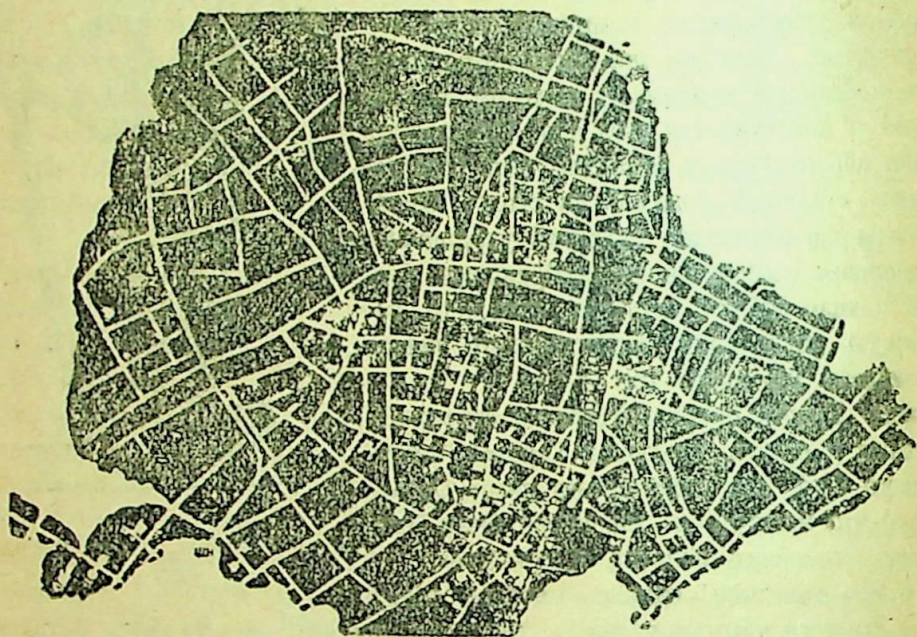
Статуя Христа доброго пастыря.

Старинное изображение христианской трапезы.

тву, присягать перед статуей императора; нельзя быть солдатом, потому что знамена освящены языческими обрядами.

Особенною ревностью горели *монтанисты*, последователи Монтана, выступившего в Малой Азии во время императора Антонина Пия. Монтанисты проповедывали наступление конца мира; по их учению, спасутся только одни праведники, избежавшие греха светской жизни; клирики, руководители общин, полных грешниками, должны уступить место новым пророкам, вдохновляемым Св. Духом. Епископы и пресвитеры высказывались против чрезмерного усердия монтанистов; они руководи-

План одной части римских катакомб.

лись тем взглядом, что большинство людей неспособно на непрерывный подвиг и самоотречение; надо прощать проступки и, вместо непомерных требований безгрешности, терпеливо и неуклонно воспитывать людей сообразно христианскому идеалу.

Империя под грозой нашествий. Войны Траяна были последним наступлением римлян. Скоро империи пришлось отчаянно защищать свои прежние границы и даже отступать от них. Уже 50 лет спустя после Траяна, на Дунае стало неспокойно: при Марке Аврелии здесь появились большие орды варваров, впереди всех—германское племя *маркоманов*. Они пробились в разных местах через линию укреплений, увели несколько сот тысяч пленных из римских владений, разграбили Дунайские области, прошли через Альпы в северную Италию. Правда, римляне их отбросили, но на это потребовалось около 15 лет упорной вой-

ны. Сам император Марк Аврелий, прозванный философом за свои ученые наклонности, провел все свое двадцатилетнее правление в походах, на Дунае и Евфрате, и умер (180 г.) в дограничном городе *Виндобоне* (нынешн. Вена).

Маркоманская война составляла только начало беды. Средняя и восточная Европа продолжает высылать все новые завоевательные громады людей, которые идут на юг и на запад добывать землю. Легионы пришлось поднять с их прочных стоянок и опять водить в дальние походы: для защиты Британии от шотландских горцев, Рейна и Дуная от германцев и степных кочевников Черноморского края. Солдаты и их командиры опять получили первостепенное значение в государстве. Чуть не каждый поход начинался с обещания повысить им жалованье и увеличить подарки. Скоро все доходы государства стали уходить на содержание войска. Легионы опять стали провозглашать и свергать императоров.

Одним из первых солдатских императоров был энергичный Септимий Север, укрепивший власть, за своим домом (время Северов 193—235 гг.). После похода за Евфрат против парфян, ему пришлось перекинуться на противоположный край империи, в Британию, где он и умер на границе, в *Эбораке* (нынешн. Йорк в сев. Англии). Север был родом африканец, соотечественник Ганнибала. Следующие за ним посетители императорского пурпура—уже не римляне, а также, как он, представители других наций империи: сирийцы, галлы, иллирийцы, фракийцы, арабы. В этой перемене отражается вообще упадок римской народности: римляне отступают и в войске, и в управлении, их заменяют провинциалы и варвары, перешедшие на римскую службу. Благодаря тому, что в среду римлян вторглось много чужестранцев, латинская речь огрубела: в Испании, Галлии, на Дунае, в самой Италии из нее возникли *романские* наречия (а из них—позднейшие языки: испанский, французский, румынский, итальянский).

Между тем, в большом восточном государстве произошла важная перемена: Ардашир, из рода Сассанидов, правитель Персиды, сверг парфянскую династию (226 г. после Р. Х.), и вместе с ним опять поднялись персы, оттесненные за 500 лет до того Александром Македонским. Новоперсидский царь принял старинный титул „служителя Агурамазды, божественного царя царей“. Парфянские цари жили в городах, основанных греками, Селевкии и Ктезифоне на р. Тигре. Сассаниды сделали своей столицей древний Персеполь и стали чеканить монету, на которой был изображен неугасимый огонь на алтаре, символ их старинной религии. По персидскому сказанию, Искандер (т.-е. Александр, губитель персов) сжег священные книги великого пророка Заратустры, но

при Ардашире они были восстановлены благочестивыми священниками. Духовенство (по персидски *мобеды*) вошло в большую силу; глава его (*мобедан-мобед*) пользовался почетом, наравне с царем, и короновал его. Возрождение персидской монархии представляло новую грозу для римской империи: Сассаниды вернулись к притязаниям Кира и Дария и начали войну, чтобы очистить от римлян Азию.

Разорение империи и одичание провинций. Полтора ста лет спустя после Траяна римская империя была на краю гибели. Император Валериан, разбитый персами, попал к ним в плен (256 г.); персидский царь нагрянул на Сирию и взял Антиохию; римских пленников заставили строить шлюзы и водопроводы за Тигром.

В то же время германские племена, составив большие союзы, стали напирать в самом открытом месте границы, на Дунае. Пришлось увести легионы из Даккии и отказаться совсем от этой дальней провинции. Но и по ту сторону Дуная не было покоя: разбойничьи отряды германцев разграбили Грецию, захватили в Византии торговые суда и перекинулись в Малую Азию; иные добрались даже на своих ладьях до устьев Нила.

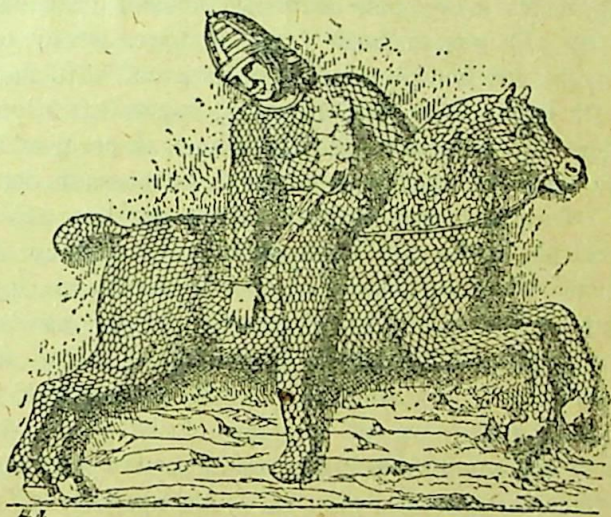
Линия укреплений вдоль границы нигде не могла сдерживать напавших варваров. Пришлось укреплять чуть не каждый город внутри страны. Земля точно оштетнилась от грозных крепостных валов и башен. Укрепленный город становился втрое-впятеро меньше прежнего, открытого и мирного, который мог свободно раскинуться. Люди сжимались для защиты на небольшом клочке земли. Мрачные стены в 3—4 сажени ширины, иногда выстроенные из мрамора разрушенных памятников, закрывали отовсюду горизонт и висели тенью над узкими улицами. Улицы упирались прямо в крепостные ворота; эти ворота, низкие и темные, были похожи скорее на подземные выходы. Если город был на большой реке, ее всю отгораживали вдоль берега стеной; горожане не видели своей реки: суда, чтобы пройти на городскую пристань, проезжали под стеной.

У казны не было средств строить и содержать эти укрепления; все траты были возложены на самих горожан. Оттого многие города совсем разорились. Исчезло все, что прежде делало город привлекательным; водопроводы были заброшены; не на что было воздвигать большие красивые постройки храмов, базилик, библиотек; не на что было поддерживать театр и игры; школы по большей части закрылись. Художественных вещей не спрашивали больше; вкус к ним пропал, и художников не стало; когда ставили статую императора или надгробный памятник, довольствовались дубоватой работой каменотеса и маляра. Люди отвыкли от всех удобств; кругозор их стал беден, и нравы грубее. Разорившиеся

крестьяне и владельцы обращались в бродяг, составляли разбойничьи шайки; их было так много, что население откупалось от них данью, оставляло им похищенные вещи, чтобы сберечь остальное.

Прикрепление людей к месту и к занятиям. Все силы государства пришлось напрягать для борьбы. С городов собирали большие подати для содержания войска, для военных сооружений; богатых людей, составлявших сенат в городах, заставляли отвечать своим имуществом за исправный платеж всех остальных обывателей; а для того, чтобы эти видные граждане не могли уклониться от своей повинности, правительство держало их в городе, как крепостных. За попытку побега им грозило суровое наказание. Также прикрепили к месту купцов и ремесленников. Они не смели менять занятия и местожительства; сын обязан был продолжать занятие отца. Помимо заказов, которые давали им заработок, они должны были работать даром на войско и казну: готовить обувь, одежду, оружие, подвозить хлеб.

Войско пришлось увеличить: так как в римских областях людей не хватало для военной службы, в легионы стали брать все больше и больше варваров, особенно германцев. Иногда римляне мирились с нападавшими германцами на условии, что те будут поставлять из своей среды солдат. Или же германцам уступали у границы землю с тем, чтобы каждая семья, получившая участок, ставила солдат. Так как работа солдат была тяжелая, а жа-

Всадник и его конь в металлической чешуе (вооружение, которое варвары сохраняли, поступая на римскую службу).

лованья не хватало, решили вообще наделять солдат землею. По всей границе водворили солдат-поселенцев: в свободное время они пахали землю; ремесло их сделалось наследственным: сыновья их обязаны были идти на службу. Если приходилось солдат держать внутри страны, то их помещали на постой к земледельцам. Каждый владелец должен был уступать им треть своей земли или содержать их на треть своих доходов.

Тяжелое время наступило для всех. Владельцам земли трудно было теперь доставать рабов. Рынки рабов, наполнявшиеся прежде, во время

господства римлян, военнопленными и награбленными людьми, опустели. Для того, чтобы иметь всегда готовых рабочих, землевладельцы стали привлекать и тянуть к себе на барщину соседних крестьян то какой-нибудь льготой, уступкой земли или позволением брать у себя лес, то силой, принуждением. Крестьяне (*колоны*) обязывались приходить на несколько дней в самое горячее время на барский двор; обыкновенно они приходили три раза: пахать и копать землю, полоть в огородах и садах и собирать жатву. Когда было нужно владельцу, они ставили свои телеги и лошадей для перевозки хозяйских товаров на рынки.

Своих рабов владелец тоже рассаживал по участкам: давал им землю, избу, позволял обзавестись семьей, огородом, скотом. Раб отдавал господину часть собранных с участка плодов и хлеба, а кроме того, приходил на барский двор работать в известные дни. Хозяин зорко смотрел, чтобы все эти люди, обязанные ему работой, не ускользнули от него. Он писал для них устав и вырезывал его на каменном алтаре, который водружался в середине вотчины. Хозяин становился их „господином“. Колону уже нельзя было уйти на другое место: он считался за владельцем земли, как должник, обязанный отработать по условию; обратился в такого же *крепостного* человека, каким был и раб, посаженный на землю. Дети крепостного тоже принадлежали вотчине и вырастали крепостными. За попытку ухода крепостного наказывали, как преступника.

Господин стал входить во все их дела: разбирал споры между крепостными, точно его поставили над ними судьей; запрещал крепостному брать жену из другого звания и даже из другого места, чтобы крепостные не отвыкли от обязательной работы; назначал для вотчины жреца и требовал, чтобы люди в округе были одной веры. В вотчине открывали два раза в неделю рынок, чтобы крепостным не надо было ездить в город. Императоры не мешали этому: у них были громадные имения во всех провинциях и множество своих крепостных. Они требовали только, чтобы господа отвечали за своих крепостных; господа должны были смотреть, чтобы с крепостных исправно шла подать, и чтобы из них набиралось нужное число рекрут.

Крупные владельцы стали точно государями, каждый в своей округе. Их большие дворы были часто обведены рвом и стеной и превращены в настоящие замки. Они могли отбиваться от нападения варваров собственными силами. Многие люди отдавались под их покровительство, сами записывались в их крепостные; так поступали, например, городские торговцы, чтобы уйти от тяжелых городских повинностей. Такой „могучий“ владетель, окруженный множеством крепостных слуг и зависимых людей, не пускал к себе чиновников; нередко подолгу не платил подати; захватывал кругом своего владения все, что ему нравилось.

Восстановление империи. Всего труднее была борьба с врагами империи на нижнем Дунае, где равнина между Карпатами и Черным морем представляет большие открытые ворота. Из пограничной придунайской области *Иллирии* и были родом те императоры, которые на его лет слишком возродили опять почти разрушенную римскую империю, — Аврелиан, Диоклетиан и Константин (вместе с испанцем Феодосием их эпоха 270—395 г.г.).

Аврелиан, по прозвищу Железная Рука, вернул империи азиатские владения; так как варвары проникали в глубину империи и угрожали самому Риму, он обвел столицу крепкой стеной, которая охватила предместья и в четыре раза превышала длиной старую линию укреплений, выстроенную при республике. Аврелиан был поклонником Солнца-непобедимого и предписал в Риме чтить сирийское божество, в качестве главного охранителя империи.

Диоклетиан (284—305) воцарился после долгой смуты, когда почти ни один из императоров не кончал естественной смертью, и когда легионы одной местности империи не хотели признавать избранника другой армии. Ясно было, что одному правителю невозможно всюду поспеть; лучше поделить власть и нескольким императорам действовать сообща, но в разных местах. Поэтому Диоклетиан назначил себе соправителя в лице Максимяна; оба они назвались августами и назначили себе товарищами, под именем цезарей, Галерия и Констанция Хлора. Все четверо получали одинаковый почет и власть; они покинули Рим и выбрали себе столицами пограничные города: сам Диоклетиан — *Никомедию* в Вифинии, близ Босфорского пролива, ведущего в Черное море; Галерий — *Сирмий* (на р. Саве, впадающей в Дунай, недалеко от Белграда); Максимян — *Милан* в северной Италии, близ Альпийских проходов и Констанций — *Трир*, близ Рейна.

Диоклетиан, сын вольноотпущенного, достигнув высшей власти, окружил себя недоступностью. При его дворе вошел в обычай персидский церемониал. Получавший аудиенцию у государя проходил через ряды стражников, слуг и гвардейцев; переступив порог царского покоя, охраняемого 30 силенциариями (молчальниками), он простирался на полу, едва смея взглянуть на „священное лицо“. Император заменил пурпуровый шерстяной плащ триумфатора шелковой, вытканой золотом одеждой первосвященника; на голове у него была жреческая белая повязка, усеянная жемчугами. Когда рисовали его изображение, кругом головы делали сияние или венец расходящихся лучей. В грамотах, на памятниках государя прозывали святейшим, непобедимейшим; говорили, что он — видимый, воплощенный бог, что он — живой закон на земле. Все, что его окружало, получало священный характер. Его министрам было поручено

управление „священным дворцом“ и „священной спальней“, раздача „священных милостей“.

Император уже более не делился властью с сенатом, как при Августе. Он не считался уполномоченным от народа; он был правителем по божественному закону. Старое название принцепса, первого человека в государстве, которое носил Август, уже не подходило к монарху: он назвался „владыкою и богом“.

Множество чиновников было поставлено по областям, чтобы поддерживать порядок, собирать подати, принимать поставки хлеба и других предметов на войско и на двор. Другие чиновники были назначены, чтобы смотреть за первыми и раскрывать злоупотребления; а еще новый состав чиновников находился в столице, вблизи императора; эти принимали счета, донесения и известия и составляли доклады государю. Для содержания всего этого огромного количества чиновников нужно было собирать новые большие налоги с населения, а оно и без того было разорено нашествиями варваров, тратами на укрепление городов и постоянном солдат.

Преследование христианства. За сто лет, прошедших со времени Антонинов, число христиан сильно возросло; среди них было много богатых и влиятельных людей, между прочим, чиновники и придворные императора. Вселенская церковь составляла к 300 году большой союз, могущество которого особенно чувствовалось в восточной части империи. Стараясь укрепить внутренний порядок в римской державе, Диоклетиан столкнулся с христианами. И сами императоры, и их наместники ясно видели, что для христиан голос епископа важнее, чем требования государства. Правителям казалось, что церковь отвлекает и людей, и богатства от службы на пользу империи. К тому же Диоклетиан, человек благочестивый, боялся, что пренебрежение к богам, которых чтили предки, погубит всю страну. Отвечая на его опасения, старинный оракул Аполлона в Милете посоветовал истребить тех, кто отрицает древнюю веру.

Диоклетиан издал указы, которыми воспретил собрания христиан, предписал закрыть дома, где они молились, отобрать и сжечь их книги; епископы, пресвитеры и диаконы, которые откажутся выдать книги и церковное имущество, подвергаются заключению. Первый пример суровости показал начальник гвардии Диоклетиана, явившийся с отрядом солдат разрушать большой молитвенный дом в Никомедии (303 г.). Среди христиан произошло разделение: одни поколебались, согласились принести языческие жертвы и выдали книги; другие, бесстрашные исповедники, выступали с тем большею твердостью. В Антиохии судья спросил св. Романа, почему он не повинуется императору, и получил в ответ:

„Единый Христос—государь мой!“. В этих словах нашли оскорбление величества и осудили обвиняемого на смерть. Гонение на христиан потерпело неудачу, и пострадавшие епископы еще крепче сплотили около себя верных сынов церкви. Утомленный борьбой, Диоклетиан отказался от власти и уехал в свой громадный дворец, выстроенный на иллирийском берегу Адриатического моря.

Константин и победа христианства. После отречения Диоклетиана произошли смуты, в которых приняли участие прежний цезарь Галерий и несколько новых императоров; среди этой борьбы отменили указы Диоклетиана о преследовании христиан. Самым счастливым из соперников оказался сын Констанция Хлора и христианки Елены, Константин, человек острого ума и блестящих дарований (род. 273 г.; правил 306—337 гг.).

Константину удалось прежде всего овладеть Римом и стать императором всего Запада. Расположенный к христианству, Константин видел вместе с тем, какую поддержку ему могут оказать епископы при своем огромном влиянии на верующих. В 313 году указом, изданным в *Милане*, Константин объявил *веротерпимость*: „пусть всякий избирает веру, его привлекающую, и пусть свободно исполняет обряды ее. В божественных делах никому не должно мешать идти по избранному им пути“. Христианским священникам Константин предоставил все преимущества, бывшие у языческих жрецов: право принимать дарения, вклады и завещания в пользу верующих, право утверждать отпущение рабов на волю, право давать у алтарей убежище осужденным.

Так как император оказывал покровительство христианам, к нему стали во множестве примыкать новообращенные. Почитателям Аттиса, Озириса, Солнца-непобедимого было не трудно перейти в христианство; упорнее всех оказалась вера в Митру, сильно распространенная среди солдат.

Для массы молящихся и новообращенных христиан начинают строить обширные „дома Господни“, придавая им вид базилик. В глубине здания, там, где в базилике сидел императорский судья, ставили трон для епископа; перед ним помещался стол для Евхаристии и стол даров, куда народ приносил золото, серебро и ценности, которые должны были служить для поддержания клира и бедных. Дальше стояли окрещенные, с одной стороны мужчины, с другой женщины; позади них *оглашенные*, т. е. новообращенные. В течение двух или трех лет оглашенные допускались только к слушанию Евангелия и наставлений епископа; когда начиналось богослужение, они должны были выйти из церкви и стоять на пороге ее вместе с кающимися грешниками. Первое время храмы были темны и лишены всех украшений, подобно тем подземельям, из

которых христианское богослужение вышло наружу. Лишь позднее появилось в них золото, дорогие образа, пышные облачения священников по примеру старинных обычаев Сирии и Египта.

Пока Константин был императором Запада, где христиане составляли меньшинство, он старался примирить разные исповедания и установить такие обряды и символы, которые бы удовлетворяли всех жаждущих высшей веры в Единого Бога. Поэтому в качестве еженедельного праздника, он установил, вместо Сатурнова дня, соответствующего субботе, день солнца, соответствующий христианскому дню Господню, или воскресенью. В этот день легионам читали вновь установленную молитву, которую одинаково могли принять как почитатели Митры, Сераписа, так и верующие христиане (до сих пор на языках немецком и английском воскресенье называется днем Солнца).

Первый вселенский собор и перенесение столицы. Дружба с христианами помогла Константину одолеть восточного императора Лициния, враждовавшего с церковью. Овладевши востоком, где христиане представляли могущественную силу, Константин более решительно склонился на их сторону. Духовенство он освободил от податей и от тяжелой повинности доставлять хлеб в казну; епископов стал приглашать к своему столу и щедро одарять церкви. Епископы сделались главной опорой его управления; своих детей Константин воспитал в христианстве.

Разногласия в церкви Константин считал очень опасными для империи. В это время среди христиан поднялся большой спор о вероучении: александрийский пресвитер Арий, возражая против учения о Св. Троице, выставил взгляд, что Сын Божий не равен, а подобен Богу-Отцу. На востоке по этому вопросу церковь разделилась почти на две равные части; противники не ограничивались спором в книгах и на словах, ожесточение нередко доходило до схваток на улицах. Желая прекратить раздоры, Константин созвал в 325 году епископов на общий *вселенский* собор в большую базилику малоазийского города *Никеи*, близ Босфора. На соборе преобладали противники арианства; среди них выдавался другой александрийский пресвитер, красноречивый Афанасий; учение Ария подверглось осуждению, и отцы собора установили символ веры. Константин несколько раз председательствовал в собрании; он называл себя общим епископом, других епископов своими братьями и сотрудниками.

В 330 году Константин решил перенести столицу из Рима на восток: он выбрал город, близко стоявший к границам, *Византию*, у того же пролива к Черному морю, как и Никомедия, избранная Диоклетианом, но в Европе. Город этот, когда-то принадлежавший к афинской державе, занимал несравненное положение: мимо шел важный морской путь, который как бы перерезывал сухопутную дорогу от Дуная к

Евфрату; здесь была лучшая переправа из Европы в Азию. Город стоял на углу закрытого Мраморного моря и пролива; он имел еще на севере глубокую длинную гавань, Золотой Рог.

В Византии, получившей с этих пор имя *Константинополя*, т.-е. Константинова города, соединились символы язычества и христианства. Отовсюду в новую столицу свозили старинные святыни и драгоценности: из Дельф взяли змеевидный столб, на котором стоял треножник, дар греков, за 800 лет до того победивших Ксеркса. В Константинопольском сенате, устроенном по образцу римского, поместили статую Тихи, богини счастливой судьбы города. Ежегодно, в день основания Константинополя, изображение богини ставили на колесницу Солнца, запряженную конями огненного цвета, и в сопровождении блестящего воинства везли в *ипподром*, или цирк, где император возлагал на ее голову венец; на лбу статуи Константин велел поместить знак креста, а впереди колесницы шли христианские священники с пением *Кирие элейсон* (Господи, помилуй).

Возврат к язычеству и окончательное торжество церкви. В 337 году, когда умер Константин, нехристиане все еще составляли большинство в империи: однако, разделенные между разными верами, они не могли сплотиться для совместной борьбы с христианством. У приверженцев старины была только одна надежда: на убийственные раздоры в среде христиан. Сын Константина, Констанций, покровительствовал арианам и отправил в ссылку александрийского епископа Афанасия главного защитника православия. Зрелище споров среди христиан внушило племяннику Константина, Юлиану, попытку возродить язычество. Юлиан учился в Афинах, увлекся философией Платона и греческим искусством; христиане казались ему разрушителями дорогой и прекрасной старины. Император хорошо понимал, что сила церкви заключается во власти епископов, в красноречии и образованности христианских учителей и проповедников; поэтому он старался назначать, для борьбы с ними, образованных людей на опустевшие места жрецов при старых храмах; он сам составил против христиан книги и речи и в то же время запретил христианам обучение в школах.

Юлиан не имел успеха. В то время, как на стороне церкви были таланты и горячность убеждения, император не мог найти пужных людей для оживления язычества, приходившего в упадок. Все замыслы Юлиана расстроились вместе с гибелью его в битве против персов (363 г.).

Через 50 лет после смерти Константина руководители церкви приступили к уничтожению всех не христианских исповеданий. Властный епископ миланский Амвросий потребовал, чтобы император сложил с себя титул верховного римского жреца, понтифика. Из здания сената вынесли

статую богини Победы в знак того, что надо порвать с гордыми преданиями римской старины, служившей ложным богам. Самым ревностным исполнителем указаний миланского епископа был император Феодосий (с 379 года—правитель Востока; в 394 г. за год до смерти объединил всю империю). Он запретил жертвы, не только всенародные, но и в частных домах; жрецы потеряли все свои права; земли и драгоценности, принадлежавшие храмам, были отобраны в казну. На храмах поднимали крест и обращали их в христианские церкви. Так Парфенон в Афинах сделался церковью Богоматери. Великое святилище Сераписа в Александрии подверглось полному разрушению.

Феодосий преследовал также всех, кто отступал от Никейского символа веры. У ариан отобрали церкви; богослужение еретиков императорский указ объявил святотатством. Амвросий учил, что в деле совести духовенство судит самого императора и дал пример такого суда. В большом македонском городе Фессалоники (Салоники) возмущившаяся толпа убила начальника императорской гвардии. Феодосий, страшно разгневанный, велел загнать народ в цирк, где и перебили несколько тысяч человек. Когда Феодосий после этого вернулся в Милан, Амвросий не допустил его в церковь; император должен был перед всеми принести покаяние за свое кровавое дело.

Конец Древней истории. Со времени Константина на римской границе стали появляться новые германские племена в хорошем железном вооружении: особенно выдавались на Рейне *франки*; на Дунае—*готы*. Единственным способом избавиться от опасности было допустить варваров в пределы империи, взять их на службу Рима и образовать из них военную границу. Так поступил Феодосий с готами: когда они вторглись через Дунай и Балканы, разбили и убили его предшественника в битве под Адрианополем, пришлось поневоле поселить победителей на земле римской провинции и отдать в их руки имения вместе с крепостными; готы стали считаться *федератами*, т. е. союзниками империи.

Это был очень опасный пример. Успех одного германского племени вызывал жадность и зависть других. Следом за готами устремились новые завоеватели, чтобы устроиться таким же образом в пределах империи. Сыновья Феодосия (ум. в 395 г.) уже не могли удержать германцев на границе. Спустя 15 лет после его смерти готы взяли Рим, „вечный город“, и подвергли его разграблению. В течение немногих десятилетий все почти провинции империи, за исключением только Малой Азии, Сирии и Египта, наводнились ордами варваров, и император, спасаясь в Константинополе, должен был предоставить им весь Запад.

Варвары отнимали у римлян, греков и других культурных народов древности только золото, серебро и оружие; все остальное—городская

жизнь, театр и домашняя обстановка, школы, искусство и литература — оставалось им совершенно чуждым. За два века нашествий (200—400) культура греков, римлян, иудеев, африканцев, сирийцев пришла в упадок, образование понизилось, нравы одичали. Ворвавшись в империю, дикари dokonчили разрушение жизненных удобств и просвещенных понятий. Народы старой культуры утратили свою самобытность, стали теряться среди новых пришельцев.

На этом заканчивается *история народов Древности* и начинается история новых народов, выступающих из средней, северной и восточной Европы, кельтов, германцев, славян; навстречу им из Передней Азии выходят также новые народы — арабы, турки. В то время, как европейские варвары принимают христианство, новые восточные народы также обращаются к монотеистической вере, исламу. Для тех и других начинается новая жизнь, во многом не похожая на быт и культуру Древности.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Каменный век в Европе.	1
II. Большие державы старинного Востока	14
III. Старинная Греция	54
IV. Греки и персидская держава.	67
V. Афины в пятом веке до Р. X.	84
VI. Греки на востоке. 400—100 гг. до Р. X.	102
VII. Начало римского государства.	115
VIII. Рим, Карфаген и Греция	126
IX. Конец республики и начало монархии в Риме	144
X. Римская империя и христианство	164

